

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1980(III) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 11

Проф. В.И. Алексеев (США), проф. А.Е. Климов (США), проф. Р.В. Плетнев (Канада), Г.А. Хомяков (Г.Андреев, главный редактор, США).

Члены редакционного совещания: прот. А. Трубников (Франция), священник А. Лебедев (США), дьякон Н. Семенов (Франция), Е.А. Вагин (Италия), проф. Ю.Л. Джапаридзе (США), К.И. Киселева (США). А.И. Михайловский (ФРГ), проф. Н.П. Полторацкий (США), священник В. Потапов (США), Г.А.Рар (ФРГ). Т.А. Родзянко (США), Н.Г.Семенова (Франция), А.Н.Федоров (Франция).

Писать по делам журнала по адресу издательства.
Рукописи посылать по адресу:

**G.Homjakow, 39 Drake Drive,
Bayville, New Jersey 08721, U.S.A.**

Рукописи просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукописи не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

Rev. A.KISELEV

**1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, U.S.A. Tel.: (212) 663-9093**

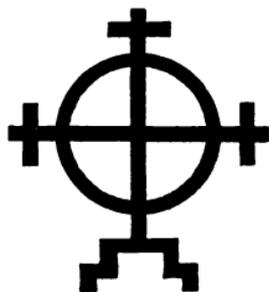
Обложка работы художника А.В. Русака

Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла в Кожевниках (Новгород) 1406 год.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1980(III) **ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 1 1**

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A.

New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней —

Mr. M.Serebriakov, Lot 2, Old Kent Road, Kentlyn N.S.W.,
Australia 2560.

Мельбурн —

Mr. A.Souprounovich, 11 Cheel Street, Dakleigh, Australia 3166.

Аделаида —

1) Mr. S.Komarovs, 4 Devon Street, Mile End, S.Australia 5031.

2) Mr. N.Lobatchevsky, 58 Elizabeth Street, Croydon, S.Australia
5008.

ГЕРМАНИЯ:

Herrn M.Artzimovitsch, Promenade 26, 6380 Bad Homfurg,
W.Germany.

КАНАДА:

Mrs. N.Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescent, Toronto, Ont.,
Canada M6R 1Y6.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк —

1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street, New York,
N.Y. 10025, U.S.A.

Сан-Франциско —

Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd., San Francisco, Cal.
94121.

ФРАНЦИЯ:

Париж

Melle N.Semenoff, 1 rue Delaporte, 94700 Maisons-Alfort, France.

Copyright by the Preparatory Committee for the One
Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West
108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Австралийская и Н.З. епархия — Академическая группа в США — Американско-русское просветительное Общество «Родина» — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей — Братство Св. Креста в Австралии — Восточно-Американская и Ньюйоркская епархия — Владимирское Братство в Германии — Гарнизон №297 им. ген. Турчинова — Западно-Американская и Санфранциская епархия — Женский Комитет помощи в Австралии — Кадетское Объединение — Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе — Комитет защиты гонимых прав христиан — Комитет подготовки к 1000-летию Крещения Руси, Калифорния, США — Конгресс русских американцев, США — Национальная организация «Витязь» во Франции — Национальная организация русских разведчиков (НОРР) — Национальная организация русских скаутов (НОРС) — Новая Шамордино-женская обитель в Австралии — Организация русских юных разведчиков (ОРЮР) — ОРЮР в Австралии — Общество «Отрада» в США — Общемонархическое объединение, Монреаль, Канада — Общество Галлиполийцев в Лос-Анжелесе — Общество Друзей скита на военном кладбище в Мармелоне, Франция — Общество «Икона» в Париже — Православное братство всех святых земли Русской, Калифорния, США — «Православное Дело» — Русский очаг в Аргентине — Русский имперский Союз-Орден в США — Русский Центр в Сан Франциско — Русско-Американское Общество в Детройте — Российское национальное объединение в Германии — Св. Троицкий монастырь в Джорданвиле, США — Северо-Американское отделение Русского Общевоинского Союза — Союз русских инженеров в США — Союз дворян в Париже — Союз ревнителей памяти императора Николая II — Союз офицеров русского экспедиционного корпуса во Франции — Св. Серафимовский Фонд в США — Сестричество Санфранцисского Кафедрального Собора — Тройственный Союз Казаков Дона, Кубани и Терека — Фонд Блаженной Ксении Петербургской в США — Фонд Царя-Мученика — Церковь Покрова Б.М. в Наяке, США.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

Н.Е.АНДРЕЕВ

РОССИЯ И ЕВРОПА

(Тезисы 1950 года)

Мне предложили устроители Конгресса тему — *Россия и Европа*. Тема эта огромная — я могу только наметить несколько тезисов. Тема эта — старая, но сегодня она *актуальна*, ибо *современная борьба между коммунистическим тоталитаризмом и традиционной демократией* постоянно трактуется; как борьба России и Запада. «Россия — антипод Запада». Это — распространенное мнение и в Европе, и в Америке, и часто у самих русских. Советская пропаганда усугубляет тезис о контрасте, когда подчеркивает разницу между «социалистическим отечеством» и «капиталистическим Западом». В свою очередь Запад часто пытается найти объяснение существованию в России тоталитарной системы ее историческим прошлым.

Я боюсь, что в подобных прямолинейных заострениях темы слишком много исторической полуправды и очень мало истины.

Приведу примеры. Если советская пропаганда пытается превратить даже великого русского поэта Пушкина в предшественника коммунизма (что так же абсурдно, как, например, провозгласить Данте «чернорубашечником» Муссолини), то Запад своеобразно вторит истолкованию русской истории как специальной подготовки России к принятию коммунизма. Татарско-степные традиции, Иван Грозный, Петр Великий с его мнимым «завещанием» о завоевании Европы, жандармы и кнут, Достоевский, панславизм, русский «империализм» и программа мировой

революции — взбалтываются в острый коктейль. И дело доходит или — в недавнем прошлом — до создания умопомрачительных теорий об «унтерменшен», или — в настоящем — до карикатурных «концепций о пленках», т.е. о способе завертывания и кормления младенцев в России, как о ключе к «загадочной русской душе», как о ключе к современному политическо-социальному и мировоззренческому кризису, угрожающему уже всему миру.

Тут не место академически опровергать подобные теории. Они столь же странны, как если бы я, например, вздумал утверждать, что сущность европейской истории сводится к теориям Маккиавелли, а символом европейского гуманизма является гильотина или гитлеровские концлагеря. Так подходить к проблеме «Россия и Европа» неправильно. Эту проблему надо рассмотреть более объективно и реалистически.

Я остановлюсь на четырех моментах: географическая среда, антропологически-этнический момент, духовно-религиозно-культурный фактор, социально-экономическое и политическое развитие.

I

Итак — *география*. Европа — полуостров. Россия — континент. Вспоминаю Льва Толстого, который сказал: Европа только «западная малая часть большого материка». Возможно, русским свойственна континентальная контрастность в характере. Несомненно, освоение материкового пространства, которое всегда медленнее продвижения цивилизации в морских странах, отразилось в России на уровне и количестве цивилизации, т.е. на достижениях материальной и технической культуры. Однако в конечном счете, географически ядро России, ее основная территория —

восточная Европа. Конечно, географическая среда влияет на исторический процесс. Но она никогда не определяет *духа и сущности* этого процесса, сущности и духа культуры. Решение нашей проблемы на основании географического фактора было бы слишком механистичным. В нашу эпоху, когда земной шар стал меньше в дружеских объятиях техники, упор на географический комментарий становится анахронизмом.

География — только рамка, но не ключ к нашей проблеме.

II

Тогда — *антропологически-этнические особенности?* Но какие именно? Расоведение в полном тупике. Что-то сообщалось о русских как монголоидах и их инстинктах к разрушению. Но справедливо ли думать, что принадлежность к тому или иному типу культуры может быть разрешена в духе племенных классификаций? *Восточные славяне — индоевропейцы.* Вероятно у них (хотя далеко не у всех) могут быть примеси монгольской, тюркской, угро-финской крови. Что это доказывает? Решительно ничего, ибо в Европе есть целые европейские народы смешанного происхождения. Этнически Европа сама по себе — пестрый ковер.

Антропологическо-этнические объяснения нашей проблемы пока что или сладостный мираж, или одурманивающий туман.

III

Некоторые историки выдвинули идею, что Европа *кончается там, где кончается влияние латинской культуры,* точнее, римско-католической церкви. Россия получила религию из Византии. Значит, ее путь иной. На Западе — иерархия, логика, рассудочность. В России — соборность, стихийность, интуиция. На первый взгляд

кажется, что найденная формула удачна. Большинство русских мыслителей склонялось именно к такому же объяснению. Но не есть ли это слишком явная схематизация и упрощение? Так ли глубок и непримирим разрыв православия и католичества? Не забудем, что в основе лежит *единое христианское мирозерцание* с едиными в основе принципами. Обратимся к истории.

Формальный разрыв Византии и Рима падает на 1054 год, но последствия этого конфликта стали сказываться на Руси значительно позднее. XIII век, время Александра Невского, является в этом смысле роковым, ибо попытка немецких католических орденов произвести «Дранг нах Остен» вызвала антиримскую реакцию России, перешедшую в боязнь Запада. В дальнейшем наблюдается *двойственный процесс*.

С одной стороны, борьба православной Руси против Запада получает характер религиозно окрашенного сопротивления. Не только *свобода народа, но и свобода веры, истинной веры*. Под этим знаком происходит до конца XVII века создание Российского государства вокруг Москвы. Рождается концепция о *Москве — Третьем Риме* как вселенском центре истинного христианства. В XIX веке на той же почве возникают русские миссианистические учения (славянофилы, Достоевский и др.). Европа — упадочна, Россия возродит и спасет безбожный, слишком мещанский Запад.

С другой стороны, сильно стремление сблизиться с Европой, вернуться к единству с ней, которое было характерно для Киевской Руси, когда нашей проблемы вовсе не существовало. Идеи Запада находят новый отклик в так называемых ересях русской церкви XIV, XV, и XVI века. Символично, что сердце России —

московский Кремль — построен при Иване III иностранными архитекторами и мастерами, прежде всего — итальянскими. Западная культура влечет Ивана IV — Грозного. Он ищет выхода к свободному морю. Здесь — объяснение его кажущегося «империализма» в борьбе за Балтику. Здесь — ключ к его англофильству, о котором с меткой иронией говорит — извещая о смерти Грозного — русский дьяк английскому послу в Москве: «Умер ваш английский царь». Даже Святое Святых православия, иконопись, испытывает на себе, начиная с конца XV века, воздействия религиозного искусства Запада, которое побеждает в России еще до секуляризации эпохи Петра Великого. Но реформы Петра не затронули народных масс. В оппозиции раскольники, т.е. консерваторы православия, а также и те слои, для кого Российская Империя — дворянское царство. Процесс европеизации не закончен. Он осложнился проблемой социальной борьбы и проблемой национальностей в многоплеменной России. Октябрьский переворот перевел всю проблему в иной план: интернациональной борьбы за господство коммунизма.

Однако духовно-религиозное противостояние России и Запада потеряло, в основном, свою остроту. Работа русской мысли за последние 250 лет проходила под знаком тесной связи с европейской мыслью. Это дало во всех областях культуры результаты, которые перечислять излишне. Замечательно, что даже русская критика Европы возбуждалась часто западными источниками. Славянофилов вдохновили Шеллинг и Гегель. Евразийцы — сами профессора или воспитанники европейских или американских университетов. *Русская культура — бесспорный синтез европейской формы и духа православия.*

IV

Наконец: сама идея и форма тоталитаризма в современной России есть продукт Запада. Если раньше можно было относить крайности коммунизма к странностям «русской души», то после опыта всех славянских стран, Венгрии, Румынии, Китая и Восточной Германии ясно, что вопрос не в национальных особенностях «русского коммунизма», а в специфических чертах коммунизма, как мировоззрения, как идеологической системы, как метода властвования. Если раньше ленинизм объясняли как русский вариант, русское приспособление к России марксизма, то теперь ясно, что ленинизм есть этап в развитии коммунизма, созданный русским, но входящий составной частью в коммунистическую тактику и практику компартий всех толков.

Но я предвижу типические возражения, что Россия — страна традиционного тоталитаризма в своем социально-политическом развитии, что Россия — традиционная страна рабства. «Беда с русскими не в том, что они коммунисты, а в том, что они русские». (Shum-peter). Конечно, это — не так.

В России существует традиция не только тоталитарного режима, но и *свободы и народовластия*. Критики России забывают *народные собрания* (вече) в древней Руси, *Земские Соборы* Московского царства, *вольное казачество*. Ни Сибирь, ни Север России, ни многие Окраины не были охвачены крепостным правом. Россия дала длинный ряд борцов с тоталитарными принципами: от народных движений типа бунта Степана Разина до идейных революционеров XIX и XX века.

И против современного тоталитаризма Россия *боролась и борется*, о чем свидетельствуют гражданская война 1918-1922, восстания и заговоры советского

периода, оппозиция внутри компартии, миллионная российская эмиграция и режим террора внутри страны.

Не забудем также, что на иностранные нашествия Россия всегда отвечала всенародным сопротивлением — от эпохи борьбы со степью до борьбы с Гитлером.

Разве это не факты, которые вопиют против рабской сущности народов России?

Напротив: вся российская культура пропитана духом православия, т.е. она свободолобива и глубоко человечна, она, по слову Достоевского, *всечеловечна*, ибо она обращена не к теме личного, а общего благополучия, не к теме эгоизма, а персонализма, к проблемам *братства, солидарности, сотрудничества*. Здесь проявляется исконное стремление русских найти Правду-Истину, Правду-Справедливость. И в этой теме Россия перекликается с гуманистами Запада.

Мое время для речи истекает.

Мои выводы *не* совпадают с сегодняшней модой. *Россия не есть антипод Европы. Ее исторический путь был сложнее и труднее Запада. Ибо Россия, защищая Запад от азиатской экспансии, сама должна была защищаться от Запада. Ее судьба трагична, ибо не раз Россия становилась жертвой собственных правителей. Ошибка отождествлять Россию и тоталитаризм.*

Уже сто лет назад российский политический эмигрант Герцен призывал отличать талантливый, умный и мужественный русский народ от его правительства. Европа — утверждал Герцен — русский народ не знает. Она видит только официальный фасад здания, не замечая его обитателей. Кажется, что в наши дни повторяется то же самое. А между тем, уже половина XX века. Критерии для членения по национальностям все более устаревают. Перед нами — *проблема объединенной Европы*, путь к

мировому единству. Перед нами проблема борьбы в новом плане, мировоззренческая и идеологически-социальная. Можем ли мы оставаться на старых позициях и обвинять народы и страны за их правительства? Это было бы анахронизмом. И я обращаюсь к Конгрессу с призывом: расчленим проблему России и Запада на подлинные ее элементы — доктрина и правительство на одной стороне, культура и народ — на другой. Это необходимо сделать не только в интересах Европы и России, но и в интересах справедливости, истины и культуры, защищать свободу которой призван Конгресс.

Н.Е.Андреев

ОТ РЕДАКЦИИ:

Увидев подзаголовок помещенных выше «тезисов», читатель мог недоумевать: почему предлагают ему тратить время на чтение работы 1950 года? С тех пор прошло три десятилетия, сколько воды утекло, — в наш, как принято считать, такой динамический, так быстро и бурно развивающийся век! Но во всем ли и всюду он динамичен? Может, в чем-то и застрял на десятилетия?

По мере чтения текста вы видите, что тема «Россия и Европа» в большой мере — если не целиком — относится к «застрявшим темам». Вопросы оценки Западом происходящего в России в связи с активностью коммунизма остаются прежними, и тема эта нисколько не потеряла своей актуальности.

С удовлетворением можно вероятно констатировать лишь следующее: западные политические деятели и их советники по советским (часто называемым русскими) делам, как правило, еще ни в чем не отошли от взглядов на них и оценок довоенной давности, — оценок, которые с основанием можно было бы назвать «бердяевско-кюстиновскими». Но на Западе в

последние десятилетия появились и вышли на вершины науки и историки, ушедшие от этих оценок и видящие коммунистическое наступление на мир в его истинном виде, без приписывания его истоков и причин «склонности русских к рабству» или способу пленения в России младенцев. И часть заслуги в этом надо видеть в таких докладах и трудах, как опубликованные выше «тезисы».

Автор их, Николай Ефремович Андреев, получил в 1933 году, в чешском Карловом университете в Праге, докторскую степень за диссертацию по истории культуры России и затем развил исследовательскую (а также лекционную) работу по вопросам русской истории и литературы.

В конце сороковых годов Н.Е.Андреев был приглашен лектором в Славянский отдел Кембриджского университета в Великобритании. В мае 1950 года организаторы Конгресса (защиты) свободы культуры предложили Н.Е.Андрееву принять участие в этом международном съезде философов, публицистов и ученых. В письме от первого июня генеральный секретарь Конгресса, Мелвин Ласки, просил Н.Е.Андреева подготовить тезисы по теме — «Россия и Европа».

Заседание этого первого Конгресса (защиты) свободы культуры проходили с 26 по 30 июня 1950 г. включительно в Западном Берлине (открытие его совпало с началом войны в Корее,— факт, весьма поднявший «градус страстей» среди участников Конгресса).

Тезисы «Россия и Европа» в английском и немецком переводах были опубликованы под №27 (в серии — Доклады) для участников Конгресса.

Русский оригинал тезисов печатается здесь впервые. (Ред.)

Лев ТИМОФЕЕВ

ТЕХНОЛОГИЯ ЧЁРНОГО РЫНКА

ИЛИ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО ГОЛОДАТЬ

Я — не крестьянин. И никогда не голодал. Случайно я близко увидел жизнь крестьянской семьи и, начав — с малыми целями — записывать события и обстоятельства этой жизни, вдруг с удивлением понял, что вся советская система, начиная от нашего высокомерного правительства и кончая учеными-атомщиками и поэтами-песенниками, живет за счет сельской семьи, как пиявка присосавшись к крестьянскому хозяйству.

Если бы я так удивился в двадцатых годах, мне бы сказали, что я просто ослеп: тогда все знали и едва ли не во всех газетах писалось, что пролетарское государство не может существовать, не ограбив крестьянина, другое дело, что одни принимали это с восторгом, другие вовсе не хотели принимать, — но знали-то все. С тех пор знания эти несколько позатерлись временем и разговорами по поводу всенародного государства, но сама зависимость системы от крестьянина осталась, — изменилось только наше представление о ней. Если в двадцатых годах страна знала, как живет деревня, то теперь, пятьдесят лет

Эта работа, начало которой помещено здесь, распространяется в России в Самиздате, откуда ее и переслали нам. Стоит подчеркнуть исключительность и ценность этих очерков о «механизме эксплуатации трудящегося человека в условиях развитого социализма»: таких работ еще не было ни в эмиграции, ни у нас на родине. (Ред.).

спустя, всё заслонил собою давно отработанный образ процветающего колхозника, который никак не вяжется с хозяйственной деятельностью. Впрочем, доверчивые дети социализма, мы, кажется, и не слишком озабочены тем, чтобы увязать наши представления с реальностью.

Мы, горожане, не знаем деревни, не знаем законов, по которым живет крестьянин. Ложь и предрассудки заменяют нам знания о сельской жизни и передаются из поколения в поколение. И редкий случай, чтобы какой-нибудь потомственный или хотя бы недавний горожанин застыдился бы своего самодовольного незнания, своего пренебрежения к труду, к судьбе крестьянина. Само это незнание, само пренебрежение не замечается, и с течением времени не только не прозреваем мы, но, кажется, все сильнее порошит нам очи...

«Да уж теперь-то крестьянин сыт! — заявляют даже наши интеллигенты, которые лет десять-пятнадцать назад считали себя приверженцами деревенской темы, были озабочены судьбой сельской России и до сих пор выписывают журнал «Новый мир». — Уж теперь-то наступил *сытый день* крестьянина», — говорят они, полагаясь, видимо, на очерки в журнале.

Отчего же только теперь? В нашем представлении — *так-то* он всегда был сыт. С детства помню странный анекдот, злой, рассказанный кем-то у нас в семье, среди горожан. Будто бы в первую послевоенную денежную реформу крестьянин принес в сберкассу мешок денег — менять. Посчитали — рубля не хватает до ста тысяч. «Вот, черт возьми, не тот мешок прихватил. В том — точно сто», — подсадовал крестьянин.

Откуда у крестьянина в голодное время мешок денег? Только вместе с недоумением и запомнилась сама эта история — с её, я бы сказал, сталинским взглядом на

крестьянина: сколько ни драть, всегда есть что брать. Или нет, не столько недоумения в этом анекдоте, сколько надежды: если у крестьянина есть *мешок* денег, значит, в государстве все в порядке, значит, и за себя можно не беспокоиться, и страна проживет — значит, *есть где брать*, есть и что брать.

Пока жив человек, у него всегда есть что брать. Для нашего государства и вопроса такого нет: брать или не брать у крестьянина? Хоть и последнее — БРАТЬ! И как можно больше... Но как? И тут не один вопрос, но целая их цепочка, круг.

Как это может быть, чтобы и дорогостоящая космическая программа, и грандиозные, но малополезные хозяйственные начинания у нас в стране, и успешные военные действия в Эфиопии — все бы оплачивалось из скромного бюджета крестьянской семьи? Только ли крестьянская семья сейчас оплачивает политику партии и правительства? Каков вообще *механизм* эксплуатации трудящегося человека в условиях развитого социализма? В этом кругу и все крестьянские вопросы.

Марксов политэкономический анализ у нас не годится: классические законы капиталистического производства, законы открытого рынка для нас недействительны — ни того, ни другого у нас просто нет... Но вообще без рынка можно обойтись лишь в теоретических построениях советских политэкономов: человеческие потребности столь обширны и многообразны, что не могут уместиться ни в какие нормы, разрядки, ни в какие *сверху* спущенные планы. Вне планов и разрядок ищем мы живого *экономического отклика* на сам факт своего существования. И находим.

Чем дольше длится относительно спокойное время вне войны, революций и массовых репрессий, тем четче

наша социально-экономическая система проявляется как чудовищных размеров и размахов *чёрный рынок*.

Чёрный рынок живет и развивается — у всех на виду и для всех очевидный. В границах его связей и отношений можно накормить страну картошкой или построить тепловоз, определить сына в университет или купить диплом агронома, отремонтировать трактор или найти место на «лимитном» московском кладбище. Все продается и все покупается вне планов и разрядок. Ты — мне, я — тебе... Но кому достаются прибыли? Ни мне, ни тебе — мы-то никак из нищеты не выбьемся.

Иногда кажется, что чёрный рынок,— всё это искусство дышать в петле запретов и ограничений, вся эта простодушная хитрость, этот кооператив нищих,— нами придуман, что мы тут обманули советскую власть: нам — колхоз, а мы приусадебное хозяйство; нам — дефицит и распределение по карточкам и талонам, а мы — взятку и товары через заднюю дверь; нам — постную пятницу в заводской столовой, а мы — кроликов разводить в городской квартире; нам — бесплатно плохого врача в конце длинной очереди больных, а мы — с подарком и без очереди к хорошему... Словчили? Дудки!

Когда надо, власти и приусадебное хозяйство прижмут запретами и налогами (так было!), и кроликов из городских квартир милиция повытрясет, и за подарки врачу сроки давать будут. Раз терпят, значит, всем выгодно. Раз терпят, значит, без этого и власти не удержатся. Нас тут отпустили слегка, чтоб вовсе не примёрли, но на вожжах держат.

Чёрный рынок — не лазейка, не потайная дверца в стене, которую мы хитро пробили. Чёрный рынок — и лазейка, и сама стена.

При беглом взгляде кажется, что чёрный рынок существует побочно от плановой экономики, что в экономической жизни он явление второстепенное. Но нет! Посмотрев внимательнее, увидим, что как раз чёрный рынок составляет основу советской экономики, стержень, на котором крутится планово-разнарядочная хозяйственная постройка.

Чёрный рынок — это социалистический *механизм* власти и эксплуатации, самая суть нашей социально-экономической системы — именно он обозначился в последнее время.

Ценности, которые здесь циркулируют, поддерживают существующий политический и социальный порядок. Как именно поддерживают? Куда движется общество? Этого мы не поймем, пока сам чёрный рынок не понят нами, пока не ясна его технология.

Понять технологию тем более необходимо, что это и есть реальная *политэкономия социализма*. Иной экономической реальности при нынешних политических условиях мы не знаем. Да и возможна ли она? Запрет на частную инициативу порождает спекуляцию, коррупцию, тайную эксплуатацию,— это подтверждено всей шестидесятилетней историей нашего государства. И трудно предположить, что может быть как-то иначе, в какой бы стране ни был повторен советский эксперимент...

Но как раз понимать-то мы не вполне готовы. Советское общество по сути своей — совершенно небывалая в истории социально-экономическая система (какие бы аналогии не приходили в голову исследователям), и для анализа здесь необходим новый инструмент, новые понятия. У нас их пока нет. Поэтому мы вынуждены начать не столько с анализа, сколько с

описания. Не столько с научного мышления, сколько с образного восприятия, с изложения личного опыта, индивидуальной судьбы. Может быть мне, журналисту, взяться за такую работу — между фельетоном и наукой — было несколько проще, чем кому-то из серьезных ученых.

С чего же начать? С чего мы *можем* начать? Есть лишь один сектор *чёрного рынка*, разговор о котором под угрозой всеобщего голода разрешен в последнее время и даже поощряется: приусадебное хозяйство крестьянина. Оно-то и интересует нас в первую очередь. С крестьянского двора и начнем...

I

27 марта прошлого года я приехал в деревню в слепую метель. В тот же день, но без моего участия похоронили Аксинью Егорьевну Ховрачёву. Я даже видел, как ее хоронят, а не пошел,— не понял, что похороны, не спросил, кто умер. Совсем рядом со мной промелькнул ее гроб, и я еще боковым зрением увидел сосновые доски, а понять, что это за доски и кто их несет — не понял, не различил в плотном, косом снегопаде. Торопился домой, в тепло,— торопился уйти от метели. Подумал, плотники встретились. Мало ли кто строится, дом поправляет. Или вообще ничего не подумал... А провожатых за снегом и вовсе не увидел... Или увидел провожатых, но не увидел гроба: толпа и толпа,— может, тихая свадьба такая, а может, селедку в магазин привезли,— метель гнала мимо чужих забот.

Только вечером пришли, рассказали кому и какой дом построили, что за тихую свадьбу сыграли...

Я познакомился с Аксиньей Егорьевной Ховрачёвой,

а заодно и с мужем ее Александром Авдеичем по прозвищу Кутёк, много лет назад, когда купил в деревне по соседству с ними избу и впервые приехал на несколько месяцев, чтобы ловить рыбу, ходить за грибами и писать диссертацию о мелодике русского стиха.

Самое первое знакомство состоялось в дождливый осенний день,— для меня на всю жизнь особенный, как непонятный и до сих пор непонятый вязкий кошмар, а для Аксиньи Егорьевны, может, и не единственный такой,— когда пьяный Кутёк, избив ее до сумеречного сознания, за волосы выволок во двор и свободной рукой стал шарить вокруг — топор искал, казнить собирался на виду у четырех оцепеневших дочерей.

Убил бы, если бы не помешали? Кутёк-то вряд ли убил бы — очень уж он жалкий и тщедушный мужичишка был. Он и не думал убивать — так, тешился... Однако, пьяного кто разберет? Сама же Аксинья Егорьевна рассказывала: за год до моего первого приезда в Гати один тоже потешился пьяный, троих детей своих сжег, ночью старательно со всех углов избу запаливал. Жену его спасли, в огонь обратно не пустили, и тогда она, вроде еще не успев обезуметь, призналась, что сама во всем виновата: это Господь наказал ее за *аборты*. А на аборты она ездила из-за того, что от пьяного последний ребенок родился совсем *простой*,— его на третьем году жизни в больницу сдали. Он-то один и уцелел.

— Сколько ей нужно было простых родить, чтобы те трое жить остались? — спросила Аксинья Егорьевна... Впрочем, на моей памяти это был единственный случай, чтобы она на что-то всерьез роптала.

В течение многих лет мы прожили соседями с Аксиньей Егорьевной, двор ко двору. Я видел несчастные

дни ее радости, вроде того, когда вышла замуж третья дочь, глухонемая Рая,— вышла за хорошего, скромного парня, работающего милиционером в Рязани. Я видел, как гордо ходила Аксинья Егорьевна по селу, показывая родным и знакомым диплом, полученный младшей дочерью Анной,— та выучилась на зубного техника. Я видел, как отказалась она проехать по сельской улице на новеньком «Москвиче», когда один-единственный раз приехал навестить её сын — строитель-монтажник, работающий не то в Египте, не то еще где-то в Африке. В машину не полезла, застыдилась чего-то, но пока машина из конца в конец ездил по селу, с улицы не уходила — от соседей и от прохожих принимала поздравления...

Я слышал, как убивалась, как причитала она, когда умер ее Александр Авдеч. На кладбище вроде дочерью оберегалась, а все же у них на руках лишилась сознания от горя. А дочери плакали сдержанно. Так ли они любили покойного, как мать любила? Так ли жалели его, как она жалела?

Но сколько ни была Аксинья Егорьевна щедра душой в радости и в горе, безропотна в обиде и страдании, больше этих свойств души меня поражал ее многообразный и великий хозяйственный талант, ее безграничная трудоспособность, меньше годами работать без отдыха.

Лет двадцать назад, когда в Гати провели электричество, кто-то из взрослых дочерей прислал ей счётчик. Счётчик приладили, и оказалось, что за все лето Аксинья Егорьевна нажгла электричества на 8 копеек. Она вставала с первым светом и ложилась едва начинало темнеть. Усталость от чрезмерного труда не пускала празднично засиживаться вечерами, а были все труды вне

дома — в колхозе, на своем приусадебном участке, на лесных полянах в сенокос... Не знаю, как зимой, но начиная с мая месяца и по октябрь вечерний свет нужен был Аксинье Егорьевне только затем, чтобы не в темноте постель разобрать, да кошке налить молока в блюдце, не пролить мимо трясущимися от усталости руками.

Из года в год хозяйственные усилия Ховрачёвых заставляли меня все с большим уважением относиться к тому искусству, с которым крестьянская семья избегала нищего рабства, хотя всё, что ей осталось для хозяйствования — крошечный участок приусадебной земли,— и скот держать почти невозможно из-за бескормицы, и десятилетиями не было ни колхозных, ни каких других заработков на стороне. Как бы то ни было, но Ховрачёвы оставались семьей крестьянской — то есть такой, которая *своим* трудом на *своей* земле — какая она ни есть — и себя кормит, и весь народ. И Аксинья Егорьевна слыла главой семьи.

Двадцать лет без мужа она тянула всё хозяйство и привыкла надеяться только на себя. Да и раньше, когда муж еще жив был, от него толку выходило немного — смолоду пьянствовал, а к старости всё болел. Так что не двадцать, а считай все сорок пять лет она одна всех кормила, одевала, ставила на ноги. И дети все выросли, все выучились, каждый в жизни по-своему устроился. И всех Аксинья Егорьевна кормила не с каких-то волшебных доходов и уж, конечно, не от колхозных хлебов, которых для нее просто никогда не было, а со своего огорода, с сорока соток земли — от черёмухи у одного забора до яблони у другого, да вдоль восемьдесят шагов — всё, что оставили власти крестьянской семье после коллективизации. Тут она работала сама и заставляла работать детей. Это было её поле, её надежда,

а больше надеяться было не на что — только на себя и на эту землю. Что бы стала она делать без этого огорода с восемью ртами в семье? Ничего. Без этого огорода прожить было нельзя.

Пока есть своя земля и дом на земле, она самостоятельная хозяйка — как работает, так и живет... Земля-то, конечно, не ее, а считается колхозной или даже государственной и только за отработку в колхозе полагается, но Ховрачёва Аксинья и в колхозе навечно на Доске почета оставлена, всюду труженица была.

О том, как она работала в колхозе, я слышал чуть ли не легенды. Да я и сам хорошо помню те времена — лет пятнадцать назад, — когда она еще ходила на работу. Ей тогда уже было за шестьдесят... Каждое утро перед домом останавливался бригадир, и, не вылезая из своей брички, кричал:

— Окся! Выходи сор рвать!

Это «сор рвать» он кричал как одно слово «сорвать», и получалось, что он зовет Аксинью Егорьевну для какой-то пустяшной работы: где-то что-то надо сорвать — цветок ли, травинку ли — и можно возвращаться. На самом же деле речь шла о прополке, об одной из самых трудных и нудных работ в полеводстве: на солнцепёке, согнувшись, постоянно на ногах, постоянно в движении, и не видать, где остановишься, поскольку вручную прополоть все колхозные поля невозможно — пока до крайней межи дойдешь, на первой все как прежде выросло.

Вечером природа трудолюбия в колхозном поле становилась совершенно понятна: Аксинья Егорьевна возвращалась и везла с собой тележку, полную сорной травы. Кроме начисленных трудодней, которые неизвестно когда и как оплатятся («да и оплатятся ли

нынешний год?»), трава была главным призом за работу: сорняки разрешалось брать себе,— жесткое сено годилось на корм скоту, и я думаю, что и не требовался интерес более привлекательный,— с сеном всегда было трудно.

Да и вообще главным в колхозных заработках были не деньги — на трудодень только последние лет десять стали платить хоть какими-то деньгами,— и даже не натура, хотя три-четыре мешка ржи, случавшаяся иногда годовая плата за каторжный крестьянский труд, имели для семьи большое значение,— главным было право на покупку соломы и сена для личного скота, право на сенокос, и, наконец, самое главное право — право на приусадебный участок, на полгектара земли, *право на приусадебное крестьянское хозяйство*. Случалось, что в колхозе работали совсем задаром, без денег и без натуроплаты, но зато правами своими пользовались, ибо иначе нельзя было реализовать другое, не властями данное право — *право на жизнь*.

«Если у вас в артели нет еще избытка продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям всё, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворялись, и личные»,— учил товарищ Сталин в 1935 году.¹⁾

Крестьяне составляли в те годы три четверти населения страны, но крестьянское — не общественное. Крестьянская семья как бы вне общества. Её нужды не заслуживали внимания. «Колхоз не может взять на себя...»

И не брало на себя государство никаких забот о крестьянах, о крестьянских семьях. «В 1939 году около 16 тысяч колхозов не оплачивали труд в деньгах, 46 тысяч колхозов выдавали только по две копейки на трудодень,

около 9 тысяч колхозов не выдавали зерна на трудодни». ²⁾ За этими цифрами официальной статистики уже треть всех колхозов, шесть миллионов крестьянских семей. Сколько голодающих за этими цифрами? Неизвестно, как неизвестны нам данные о голодающих и в тех колхозах, где выдавали по 3-4 копейки и по полкило зерна на трудодень.

Да может быть, и не так уж много народу голодало в предвоенные годы, меньше, чем в кладбищенском тридцать третьем,— научились уже к тому времени кормиться, рассчитывая только на приусадебное хозяйство. Но и государство училось все крепче, все безысходнее прижимать крестьянина, отнимать личное в пользу «общественного»: в 1939 году после очередного пленума ЦК партии у крестьян было отнято более 2,5 миллионов гектаров приусадебной земли — излишки, отвлекают от общественного хозяйства, позволяют сохранить хоть какую-то независимость...

Благополучие или хотя бы только сытость крестьянской семьи вообще казались властям совершенно необязательным, а может быть даже и вредным излишком, и потому колхозник не только лишался всего, что производилось его трудом в колхозе, но и приусадебный участок, приусадебное хозяйство, кормившее семью, было жестоко обложено. Каждый крестьянский двор, независимо от состава семьи, сдавал обязательные поставки молока, мяса, яиц, шерсти, кож. Да еще и денежный налог — кто сто рублей, а кто и больше. Этот денежный налог был удивительным изобретением советского фиска: налог всё на те же сданные государству продукты, *налог на налог*.

Спрашивали жестоко: «...по истечении срока уплаты налога опись имущества недоимщика и дело о неуплате

налога передается в народный суд, по решению которого производится изъятие имущества неплательщика в количестве, необходимом для погашения недоимок...»³) Но где же взять деньги, если колхоз ничего не платит? А все там же искать их, в приусадебном хозяйстве: продавать продукты, даже если сами голодны,— на рынок!

Но как ни беспросветна жизнь Аксиныи Егорьевны и ее односельчан была в первое десятилетие после коллективизации, как ни нище было русское крестьянство к 1941 году (а среднерусским крестьянам, сидящим на скудных почвах, всегда жилось особенно тяжело), как ни лишен всякого смысла становился крестьянский труд на земле,— война добавила страданий и разорила крестьянство вконец. Первые пятнадцать послевоенных лет были такими, что если и не каждый год скажешь: *голод*,— то все-таки и без сурового недоедания ни одного года не прожито... Но все эти годы оброчные поборы со двора колхозника продолжались, и проплывали мимо голодных детских глаз и молоко, и мясо, и яйца. Крестьянские дети — забота не общественная.

Оброк этот номинально был отменен в 1958 году. Но местным властям сразу же «довели» план по закупкам все тех же продуктов, от выполнения плана зависело служебное благополучие работников сельсоветов, и они всеми способами, вплоть до прямого физического насилия, заставляли крестьянина сдавать,— номинально же, продавать по самым мизерным ценам,— столько, сколько было на деревню разнаряжено,— и продавали, куда денешься? Ведь сунешься уехать — не пустят, паспорта не дадут. А без паспорта нигде ни жить, ни работать не примут. Крестьянин был «крепок» колхозу своему.

Даровой труд в колхозе, денежный налог, натуральный налог. Акси́нья Егорьевна хорошо помнила, чем заплачено за право на приусадебное хозяйство, за право на жизнь. Помнила, а вот рассказать никогда не могла, хоть и пыталась как-то,— плакать начинала: всё-таки шестеро малых в доме было. Голодных детей и через двадцать лет, и через тридцать вспоминать страшно. Даже если, Бог дал, никто из них не умер.

Теперь Акси́нье Егорьевне не надо больше подтверждать свои права: у нее пенсия двадцать рублей от государства и десять от колхоза. Это, правда, ниже самой низкой пенсии городского жителя,— что-то около того, что инвалиду с детства дается,— но зато огород остается за колхозным пенсионером, покуда тот живет в деревне и покуда вообще живет еще. И если на старости лет с огородом справишься,— весь рыночный доход — твой. Много ли ей одной надо?

Младшая дочь звала Акси́нью Егорьевну в город и даже настоятельно просила получить паспорт, выписаться и приехать, поскольку мужу ее обещали свою квартиру, и приезд матери, а там, может быть, и скорая смерть ее — человек все-таки немолодой — сулили лишние метры жилплощади. Но как ни привыкла Акси́нья Егорьевна в последние годы бывать в городе, как ни жалела дочь, мысль, что останется без своих сорока соток земли, где она из года в год сажала, а потом и продавала картошку и еще на маленьких грядках огурцы, помидоры и все необходимые овощи,— эта мысль выводила её куда-то в сироты и казалась ей совершенно невозможной.

Поэтому я не удивился, когда в какой-то из моих приездов в деревню Акси́нья Егорьевна пришла с чистым

листом бумаги, с конвертом и еще с одним клочком бумаги, на котором был записан адрес дочери:

— Напиши им, что летом я точно не приеду,— сказала она,— пусть не обижаются. Скажи, земля не пускает. Куда я от своей картошки поеду? Нынче, говорят, за килограмм по десяти копеек в сельпо принимать будут. Да и им самим в городе картошка нужна будет,— поди, подорожает там-то...

Она молча сидела, пока я писал, молча выслушала, когда я перечитал письмо вслух, но принимая уже готовый, заклеенный конверт, вдруг невпопад спросила:

— Кто же это нас такой жизнью каторжной наказал? — так просто спросила, словно я и мог, и обязан был так же просто в нескольких словах и ответить... Но нет, не ради ответа спросила. Да и не вопрос это был, вздохнул человек от усталости...

II

От Гатей, деревни, где жила Аксинья Егорьевна, до Посадов всего-то километров двадцать по прямой, но если Гати — с первого взгляда — деревня бедная, деревянная, под шиферной щепней, а кое-где и под соломенной, то в Посадах и бревенчатых избушек, кажется, ни одной не осталось — все каменной кладки дома, просторные по сельским понятиям, в две-три комнаты, с большими окнами, с огромными дачными террасами и непременно под оцинкованной крышей. Весной вся эта роскошь волшебным образом исчезает, делается невидимой за белорозовым дымом цветущих садов, а осенью наоборот: белокаменные стены и зеркальные крыши далеко видны на черных от дождя речных берегах. Откуда такое богатство на нищих просторах?

Никакой тайны, никакого волшебства. В Посадах все доходы от приусадебных участков. В огороде здесь не сажают ни картошку, ни лук, ни капусту, а одни только ранние огурцы. В июне урожай созревает и на попутных машинах отправляется на рынки Москвы, Рязани, Пензы, а бывает и еще дальше, благо село расположено рядом с шоссе. На те же рынки ближе к осени везут яблоки...

Имея в своем распоряжении даже самый крошечный участок земли, крестьянин всегда будет стремиться вести не натуральное хозяйство, но товарное, рыночное, поскольку потребности его семьи значительно шире потребностей в простейших продуктах питания, которые можно получить в своем хозяйстве.

В хорошие годы один приусадебный участок в Посадах даёт до пяти тысяч рублей. И выручив эти деньги, посадские уже в соседних деревнях покупают и картофель, и лук — и все остальное, что необходимо для личного потребления. Пять тысяч на семью в четыре-пять человек — не ахти как много, но всё же и чистая выручка не вся уходит на питание. Да теперь и в колхозе какие-никакие, а всё-таки деньги платят: хороший механизатор тоже тысячи полторы, а то и две в год имеет.

Наша знакомая Акси́нья Егорьевна всякий раз, едучи из города, где гостила у дочери, мимо Посадов, так бывала поражена разницей в доходах, что воображение доводило эту разницу и вовсе до нереальной величины:

— Как люди живут! Я как-то зашла к одним выпить, — чего у них только нету! Даже через дверь видать. Подумай, телевизор в сенях стоит — это уж значит, что они его совсем не ценят. «Этот, говорит, мы посмотрим, когда большой сломается». А большой у них в

горнице показывает... Откуда ж эти деньги берутся? Мы вон тоже работали, а всю жизнь в деревянном срубе прожили, словно в колодце присидели.

— Знаю я этот дом,— возразил было я,— там хозяин подрабатывает починкой чужих телевизоров. Должно быть, в сенях-то чей-нибудь сломанный стоял?

Аксинья Егорьевна промолчала,— она спорить не любила, но видно было, что она осталась при своем мнении о размерах богатства посадских крестьян, исчисленного в телевизорах...

В другой раз где-то по дороге она увидела огород, сплошь занятый капустой,— и это поразило ее:

— Зачем столько? Или нерусские — одну капусту едят?

— Может быть, на продажу?

— Да чего уж там продавать? Капуста по тридцать копеек кочан. Ну, пусть две тысячи кочанов,— шестьсот рублей весь доход. Да мы иной год и на картошке столько-то выручали, да еще себе и скотине на всю зиму хватало. Так ведь картошка! А с капустой возись: весной поливай, летом червяков обирай... Нет, не выгодно.

Аксинья Егорьевна хоть и была неграмотна, и в колхозе, конечно, никаких иных работ, кроме работы руками ей не доверяли, но меня всегда удивляло, как точно она считает и высчитывает в своих повседневных делах.

— Постой! А может быть, они ее квашеную продают? — эта новая идея совершенно повернула ход ее рассуждений. — Ну, да — квасят! А за квашеную капусту на базаре и по пятьдесят и по восемьдесят копеек ломают. А перед праздником и по рублю кило. Да она и тяжелее, квашеная-то: в ней соль, а соль из воздуха воду берет. Вот ведь чем торгуют! Вот они где, деньги-то! Тут

уж доход на тысячи считай. А велик ли труд заквасить капусту? Любая старуха справится...

Все эти открытия сильно взволновали её, и я даже подумал, не займется ли моя соседка на старости лет производством квашеной капусты, чтобы иметь возможность купить большой телевизор.

Я давно знал за ней постоянную готовность пустить в оборот единственный наличный капитал — собственные рабочие руки. Это не раз давало ей возможность выгодно продать картошку или задаром наносить с молзавода — на пойло скотине или даже на постный сыр для себя самой — обрат.

Кажется, и теперь она была близка к тому, чтобы войти в дело, такая идея приходила ей в голову, поскольку на следующий день она была несколько опечалена:

— О капусте-то говорили,— напомнила она,— так нам капуста не годится. Первое, что мы от шоссе далеко: капусту хорошо зимой продавать, а у нас как заметет, так из сугробов не вылезешь. Если какой шофер согласится, так на него все капустные деньги и уйдут. Да хоть бы и была дорога — все равно плохо. Для этого дела свой инструмент нужен: вручную столько не нашинкуешь. Бочки нужны. Одних бочек штук девять — меньше невыгодно. Для бочек большой погреб нужен... Ну, и еще привычка нужна. Без привычки столько капусты не вырастишь — или червяк сожрет, или еще что-то случится... Те-то, поди, не первый год капусту сажают, привыкли...

Те привыкли, иные не привыкли. Объяснение не такое уж наивное, как кажется на первый взгляд. Привычка, а другими словами, традиция и опыт, долгосрочное из года в год приложение невеликого крестьянского

капитала — труда и знаний — к одному и тому же делу в приусадебном хозяйстве имеют особое значение: сельский житель напрасно рисковать не станет и никаких новшеств на приусадебном участке вводить от себя не будет — слишком дорог ему урожай *со своей* земли.

* * *

Впрочем, я уверен, что не одной только Аксинье Егорьевне пришла в голову идея выйти на рынок с квашеной капустой или еще с каким-нибудь товаром более доходным, чем традиционная картошка. Но под неусыпным контролем государственной власти, не раз ужесточившей свою политику по отношению к приусадебному хозяйству, нужно особо благоприятное стечение обстоятельств, особое доверие к обстоятельствам, чтобы решиться на хозяйственную инициативу. Крестьянин, хоть и цепок, когда дело отлажено, но осторожен.

Эта, казалось бы, побочная для колхоза, но основная для колхозника крестьянская жизнь требует значительно более ответственного подхода к делу, чем в отработочном колхозно-совхозном хозяйстве, где что ни прикажут сверху, какую глупость ни спустят, — всё исполняется вмиг, на пользу ли, во вред ли урожаю, — никого не заботит... Здесь же крестьянину принадлежит и инициатива, и капитал, и средства труда, и весь конечный продукт. Здесь он — хозяин. Здесь он — человек. Здесь он как бы микромодель того хозяина, каким мог бы стать, если бы не отобрали у него в 30-м году скот и землю, оставив с игрушечным приусадебным хозяйством.

Крестьяне зарабатывают возможность жить хоть как-то сносно, поскольку могут часть своего рабочего времени, часть своих сил реализовать в иной

хозяйственной системе — не в гласно-социалистической, разрядочной, а в рыночной.

Крестьянский рынок сужен до размеров базарной площади, исковеркан феодальными отношениями личной зависимости колхозника от административной власти, имеет вообще вид придатка к тому главному базару, где торгуют партийными должностями и демагогическими ценностями, вроде посулов всеобщего народного блага и скорого торжества идей коммунизма... и все-таки это рынок, и ни что иное. Рынок, без которого социалистическое государство обойтись не может.

При первом знакомстве цифры потрясают: на приусадебных участках, по разным подсчётам занимающих лишь *два с половиной* или даже *полтора* процента всех посевных площадей страны, в крестьянских хозяйствах, обладающих лишь *одной десятой* всех производственных фондов сельского хозяйства производится *треть всего* сельскохозяйственного продукта. Таковы данные официальной статистики.⁴⁾

Но официальная статистика молчит о том, что не менее трети сельскохозяйственной продукции, произведённой в колхозах и совхозах, ежегодно гибнет из-за потерь в поле, при транспортировке, при складировании, при первичной переработке. По некоторым данным, например, гибнет до половины всего картофеля...

Официальная статистика, исчисляя валовый продукт в стоимостном выражении, конечно же молчит о том, что государственные закупочные цены на зерновые, которые производятся, в основном, колхозами и совхозами, значительно завышены, а цены на мясо, овощи, картофель, то есть на продукты, которые наиболее

широко распространены в крестьянских хозяйствах,— занижены.

Официальная статистика молчит о том, поскольку в противном случае пришлось бы признать, что в совокупном объеме *потреблённой* сельскохозяйственной продукции доля приусадебных крестьянских хозяйств с их полутора-двумя процентами пахотной земли намного больше половины. Да что там, в прибалтийских республиках доля приусадебных хозяйств в совокупном сельскохозяйственном продукте и по официальной статистике составляет почти половину: в Литве, например,— 43,6%. В то же время «в семьях колхозников Литовской ССР в 1971 году 50,5% общих доходов было получено из личного подсобного хозяйства.»⁵⁾

В этих цифрах — позор советской хозяйственной системы и несчастье крестьян, чья инициатива, чей талант скованы размерами приусадебного огорода и огромным количеством административных запретов... Несчастье крестьянское, но и надежда.

Продукция крестьянских хозяйств кормит всех сельских жителей — 40% населения. Но мало этого. Даже согласно официальной статистике здесь производится половина всего товарного картофеля, не менее трети товарного количества яиц, треть товарного мяса,— то есть продукты, которые продаются и накормят значительную часть городского населения. Нет, без крестьянских хозяйств социалистическая экономика и дня не проживет.

Оказалось, что экономику невозможно зарегулировать полностью. Экономика — такой механизм, где без связи с маховым колесом рыночных отношений, раскрученным всей историей человечества, скрипят и

замирают шестерни планово-бюрократической хозяйственной системы. Рынок, рынок в основе экономики. Уничтожить его, значит уничтожить народное хозяйство страны. Это хорошо понимал Сталин, когда выгонял крестьянина работать в приусадебный огород: «...колхоз не может взять на себя...» Покуда живы рыночные отношения, к ним можно и социалистическую экономику пристроить.

Даже если это отношения подвластного государственной администрации *чёрного рынка*. Как раз именно чёрный рынок властям и нужен... Но об этом разговор впереди, пока же посмотрим, каким образом крестьянин со своего крошечного огорода кормит страну.

Почему именно Посады богатеют на ранних овощах? Во-первых, село расположено удобно: прежде река, а теперь шоссе придвигают здешние огороды прямо к городскому рынку. С грядки — на прилавок, и без лишней перевалки. Во-вторых, здесь «жирная» земля, чернозёмный остров в море супесей и подзолов,— поэтому выше урожай, поэтому овощи раньше созревают, поэтому требуют меньше полива. Кто может с ними конкурировать? Из всех удобно расположенных сёл в Посадах лучшая земля.

Но на рынке все продают по одной цене — и с лучших земель, и с худших, причем цена устанавливается по худшим землям, иначе кто станет сажать на своем участке овощи, если они не дают никакого дохода? Поэтому из всех, кто производит огурцы, посадские имеют самый большой куш,— их овощи достаются им дешевле, чем остальным, а идут по одной цене со всеми. Разница — в карман. Все это основы политэкономики, прямо хоть учебник цитируй: до каких-то границ чёрный

рынок притворяется обычным открытым рынком, и в таком виде манит крестьянина.

Крестьяне, даже и незнакомые с учебником политэкономии, давно уже поняли рыночные механизмы и применяют их на практике. И, конечно, не только в Средней России или, скажем, в Молдавии, где в последнее время «колхозники сокращали посевы под зерновыми, как менее интенсивными культурами, и расширяли производство винограда и плодов — наиболее доходных и интенсивных культур», но прежде всего в Грузии, в автономных республиках Северного Кавказа, в республиках Прибалтики, в Белоруссии, где в совокупный доход крестьянской семьи приусадебное хозяйство дает больше половины.⁶⁾

«Курская картошка путешествует на рынки Донбасса; среднеазиатские и закавказские фрукты — на рынки городов Центральной России; украинский лук — в Москву, Горький, Тулу и т.п... Особое место в снабжении московских рынков продукцией личных подсобных хозяйств занимают Рязанская и Липецкая области».⁷⁾

Возможность самому, и, как кажется, с максимальной выгодой приложить свой труд, толкает людей поистине на великие земледельческие подвиги. Чего стоят одни только клубничные хозяйства в пригородных зонах больших городов, где на нескольких сотых, если вообще не тысячных долях гектара получают урожай, а значит, и доходы, которые даже нашей Аксинье Егорьевне не снились при всей живости ее хозяйственного воображения.

Писатель В.Солоухин разглядел напористую силу этого явления:⁸⁾

«Под конец нашей цветочной экскурсии меня привели в помещение, называемое теплицей...

— Четырнадцать квадратных метров,— пояснил хозяин. — Искусственный климат. Урожай по желанию — в любое время года. Но я приурочиваю к первому января.

— Огурцы или помидоры? Оно, конечно, к новогоднему столу свежий огурчик — цены нет. То же и помидор...

— Ну что вы! Огурцы — это грубо и дешево...

— Тогда о каком новогоднем урожае вы говорите?

— Цветы. Тюльпаны. Вот о каком урожае. По два, по три рубля за каждый цветок. Эти четырнадцать метров приносят мне пять тысяч рублей дохода.

Два рубля за цветок — дорого или дешево? А рубль-полтора за килограмм картофеля на рынках Средней Азии? А рубль-два за лимон на базаре Новосибирска? Дорого, очень дорого! Но такова *рыночная* цена, и вряд ли найдется альтруист, который станет просить за лимоны по гривеннику: когда действуют рыночные отношения, добрая душа и высокая нравственность не помогут, у рынка свои законы, причем законы рынка имеют объективный характер. Поэтому наивно ругать за дороговизну какого-нибудь кавказца, продающего персики или мандарины. У рыночного торговца нет души — он фигура чисто экономическая, за ним — *весь советский* хозяйственный строй.

Представление обывателей, что на среднерусских рынках наиболее сильно наживаются кавказские и среднеазиатские крестьяне,— ложно. Базарная выручка должна быть поделена в соответствии с численностью семьи колхозника, и тогда окажется, что, например, в «1965г. Туркмения занимала среди союзных республик первое место по совокупному доходу на семью и девятое место по душевому доходу... В то же время Эстония

стояла на первом месте по душевому доходу и на седьмом — по семейному.»⁹⁾

Нет, рыночная дороговизна — не от алчности крестьянской души. Да и те сияющие *пять тысяч*, которые время от времени фигурируют как *максимальный* доход от приусадебного хозяйства, в лучшем случае доход семьи в четыре-пять человек, причем не чистый доход, а всего лишь рыночная выручка, — тогда как затраты при ведении хозяйства бывают весьма велики. Так что от рыночной дороговизны крестьянин не становится самым богатым человеком в обществе. Фактический денежный доход крестьянской семьи не выше, но в огромном большинстве случаев ниже, чем средний доход семьи промышленного рабочего при двух работниках (294 рубля по официальным данным).

Нет, не крестьянин возгоняет цены на рынке. Тюльпаны — или ранние огурцы, или первые майские помидоры, или всегда и всем необходимое мясо — стоят на рынке дорого лишь потому, что производятся индивидуальным способом и в малых количествах. Развернуть их производство более широко крестьянин не может, размеры его хозяйства административно ограничены, никакая кооперация не разрешена. Крупные же сельскохозяйственные предприятия (колхозы, совхозы) рассчитаны не на удовлетворение прямого спроса потребителей, но на товарное обеспечение обменной и распределительной политики государства в интересах и для удобства партийной бюрократии — этой правящей структуры государства, охраняющей существующие порядки и себя вместе с ними.

Именно политикой правящей структуры обусловлены цены, объем капиталовложений — прямых и косвенных, — а, в конечном счете, определяется и объем

производства. Потребительский спрос дальним светом еле пробивается сквозь мглу бюрократических отношений. Какие уж тут тюльпаны, когда в течение десятилетий сельское хозяйство финансируется и снабжается так слабо, организовано так бездарно, что хлеба, мяса, молока от крупных хозяйств все никак не получим в мало-мальски достаточных количествах.

Так что обывательские разговоры о совести и душе нужно по крайней мере отложить до выяснения причин дороговизны, причин нехватки продуктов питания в стране,— тогда и ясно будет, о чьей совести вести речь. Вообще-то говоря, если душа — в некоем мистическом значении слова — вмешивается в рыночные отношения, то ничего хорошего не получается. В Средней Азии я знаю один колхоз, где приусадебные сады цветут и плодоносят обильнее, чем всюду вокруг, а их владельцы живут беднее, чем соседи. Оказывается, здешняя земля орошается водами священного источника, и все, что на ней вырастает, по мусульманским законам не подлежит продаже — табу! А раз табу, то нет необходимости искать наиболее товарные сорта яблок и винограда, нет необходимости строить траншеи для цитрусовых,— что росло от века, то и теперь растет. Идеологические условности приглушили экономические возможности, притормозили инициативу.

.....

Может быть, *идеологические условности* тормозят и развитие экономики всей страны? Частная инициатива — табу! Рыночные отношения — табу! Стремление к прибыли — табу! Это ничего, что хлеб везем через один океан — из Америки, а мясо — через другой, из Новой Зеландии. Зато экономика наша щедро омывается священными идеями Маркса-Энгельса-Ленина... (чуть

было не сказал — Сталина, но теперь не принято, хотя по существу, чего же стыдиться?)

Можно, конечно, предположить, что все действующие запреты — печальная ошибка, условности, недоразумение, которое само собой рассеется по мере того, как будет увеличиваться разрыв между потребностями населения в продуктах питания и низкой производительностью крестьянского труда, хилыми возможностями социалистического сельского хозяйства эти потребности удовлетворить. Но не будем выдавать желаемое за действительное. Запреты — не случайность и не условность. Они инструмент *правлящей структуры*, инструмент партийной бюрократии — инструмент охраны существующих государственных порядков. И установлены все запреты в стремлении оградить государство партийных чиновников от посягательств, скажем, со стороны экономически окрепшего крестьянства или со стороны политически осознавшей себя техноструктуры.

Сталин понимал это лучше других. И хотя сегодняшняя партийная верхушка старается делать вид, что не замечает его тени, именно он среди прочих классиков марксизма-ленинизма ближе к нынешней политике правящего класса: «Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в *Советской стране* составляет рост производительности труда? — спрашивал он в своей знаменитой речи против Бухарина. — Нет, не верно. Нам нужен не всякий рост производительности труда. Нам нужен *определенный* рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает систематический перевес *социалистического* (то есть не рыночного, а напрямую подвластного партийной бюрократии, объективно работающего на

укрепление ее власти — Л.Т.) сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим.¹⁰⁾

Именно запреты составляют суть власти, содержание деятельности партийной бюрократии: она обойдется без хлебного изобилия в стране, ей не нужна торговая прибыль, не обязательна всесторонне и гармонично развитая экономика — ей нужна только власть, безграничное изобилие власти, прибыль в виде увеличения власти, развитая система получения все новой и новой власти по мере продвижения в партийной иерархии.

Поскольку партийная бюрократия, как некогда — вырождающийся класс феодальных землевладельцев, никоим образом не участвует в общем потоке производства материальных и духовных ценностей, который и зовется прогрессом общества, у нее остается только одна возможность не быть смытой этим потоком: возможность установить строгую систему запретов, ограничений, «табу». И все «мероприятия партии и правительства в области экономики», которые объявляются каждый раз как великий дар народу, есть не что иное, как робкое лавирование партийной бюрократии среди ею же установленных плотин и барьеров — лавируют, чтобы вовсе не утонуть.

Но чёрный рынок как раз ничем и не угрожает стабильности нынешнего государства. Строго говоря, он ему целиком и полностью подконтролен, а потому — выгоден. Колхозная система с самого начала и задумывалась как система чёрного рынка, и сфера его значительно шире базарной площади, — это мы сразу увидим, вновь обратившись к Сталину:

«И если у вас в артели нет еще изобилия продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям,

все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять, и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное, решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника.»¹¹⁾

Добрый Сталин, который, как видим, разрешил крестьянской семье не умирать с голоду — в тридцатых годах — как, впрочем, и добрый Брежнев, который настойчиво подталкивает крестьян к интенсификации труда на приусадебных хозяйствах — в семидесятых, — не уточняют, конечно, какую часть суток крестьянин должен отдать «личному хозяйству». Ясно, что лишь ту, что остается от трудов в колхозе... Вот где начинается «чёрный рынок»! Здесь, а не у базарных ворот.

Он начинается с того, что крестьянина *вынуждают* продавать обществу свой *сверхурочный* труд, тогда как его труд в колхозе попросту отнимается задаром или почти задаром, без удовлетворения элементарных нужд крестьянской семьи. Вот где самая главная «купля-продажа» на чёрном рынке: не морковка продается и не петрушка, но труд и жизнь крестьянина...

Но кто же здесь покупатель?

(Продолжение следует)

П Р И М Е Ч А Н И Я

1) Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стеногр. отчет, стр.1.

2) Г.В.Дьячков. Общественное и личное в колхозах. М., 1968. стр.22.

3) «Закон о сельскохозяйственном налоге» от 1 сентября 1939 г., ст. 346.

4) Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971., стр.11.

5) А.-И.С.Вилимавичус. Личное подсобное хозяйство при социализме, его место, роль и тенденция развития. Автореферат диссертации. 1976, стр.3, 19.

6) В.И.Шубкин. Социологические опыты. М., 1970, стр.78.

7) Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971, стр.11.

8) В.Солоухин. Трава. «Наука и жизнь», №10, 1972.

9) Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство...стр.26.

10) И.В.Сталин. Соч. Т. 12, стр. 79.

11) Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. 1935, стр.1.

Лев ТИМОФЕЕВ

Вышла из печати новая книга:

о. Дм. Дудко

ПРЕМУДРОСТИЮ ВОНМЕМ

Цена: \$9.00

Заказы направлять по адресу:

“FREE WORD”

P.O. BOX 509 MOUNT VERNON, N.Y. 10550

В.Н.ТРОСТНИКОВ

О ДУХОВНОМ ДЕЛАНИИ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ «МЫСЛИ О РОССИИ»

Ах, как хотелось бы понять, почему человек встает на удивительный путь иночества! Вот только это разгадать бы, а уж остальное само разгадается. Это — начало начал, таинственное сопряжение двух частей Бытия, исток христианской истории, чудодейственная затравка бурления нашей цивилизации. Но понять это как раз труднее всего. Одно можно сказать с полной уверенностью: здесь осуществляется *непосредственное* вмешательство Бога в жизнь человечества. Дыхание Творца в истории то усиливается, то ослабевает, Дух дышит где хочет. Иногда оно становится таким неуловимым, что и зеркало, кажется, не запотеет, и тогда наше бытие начинает промерзать, съеживаться и терять глубину; общество делается все однороднее, а индивидуумы — все мельче. В другие времена оно усиливается, и полузаснувшие народы взбадриваются, наполняются теплом и снова обретают способность слышать неслышимое и видеть скрытое от глаз. Но в судьбе тех, кто уходит в монахи, это дыхание пышет обжигающим жаром. Сам Господь призывает их к Себе, и никто на земле не в силах их удержать. Трудно идти против рожна, сказал Христос; трудно противостоять могуществу Бога, указавшего перстом на своего избранника. И нашим земным умом невозможно проникнуть в чудо первого зова, раздающегося в его душе.

В.Н.Тростников — автор книги «Мысли перед рассветом», ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1980.

Но если взять более поздний момент, когда иррациональность прорвавшейся в наш мир потусторонней воли начинает спадать и уступать место конкретности дел Божьего избранника, то происходящее становится отчасти выразимым и на нашем «трехмерном языке». Человек уходит в пустынь не оттого, что видит там что-то для себя очень привлекательное, а оттого, что для него теряет всякую привлекательность жизнь в миру. Ему вдруг открывается призрачность всего того, чем живет большинство людей, бессмысленность их усилий и недостижимость их целей. Он начинает замечать, что слой Бытия, в котором разворачивается мирская жизнь, очень тонок и разрежен. Подобно птице, которую держат в тесном чулане и в которой проснулся вдруг инстинкт поднебесного полета, он чувствует удушье и впадает в тоску. Бегство из мира становится для него такой же жизненной необходимостью, как бегство из темницы для арестанта, вообразившего себе вольные просторы отчего края.

Поскольку мы в этом мире и вправду помещены в тонкий и скудный слой Бытия, поскольку наши цели и вправду иллюзорны и обманчивы, можно подумать, что Богу достаточно лишь открыть человеку истину, и человек уйдет в монахи. Но понятие «открыть истину» весьма неопределенно. Если рыбе, живущей в луже или в аквариуме, просто сообщить о том, что где-то есть широкая и глубокая река, это не толкнет ее на какие-либо действия. Если же она проникнется живым ощущением пребывания в большой реке, если некоей генетической памятью вспомнит, как там прекрасно, то она будет готова на все, лишь бы попасть в реку. То же относится и к людям. Чисто теоретически открыть для себя глубинные измерения Бытия может любой, кто обладает

достаточной культурой мышления, но далеко не каждый станет после этого отшельником. Чтобы стать им, нужно не только понять, но и всей душой почувствовать тщету наших земных устремлений, а для этого надо ясно ощутить какое-то другое человеческое существование — объемное и наполненное непреходящим смыслом. Но образ человека, достигшего этого абсолютного существования, есть образ Христа. Это значит, что в пустынь уходили те, кому открылось не умозрительное понимание Сущего, а живое ощущение Христа. Все наши пустытники были люди, уязвленные Христом, беззаветно полюбившие Христа. К каждому из них можно отнести слова Пушкина: «он имел одно виденье, непостижное уму, и глубоко впечатленье в сердце врезалось ему». Но открыть живую истину о Христе означает убрать то тусклое стекло, глядя через которое мы можем только догадываться, но не видеть лицом к лицу, а убрать это стекло означает ниспослать на человека Святой Дух. Раньше так и говорили: монахом становится тот, на кого снизошел Святой Дух.

Вот каким путем Бог вызывает в душах некоторых избранных неудержимое стремление к христианскому совершенствованию. Плоды их работы Он использует затем для привития новых качеств организму всего народа. Таким образом, здесь имеются как бы два противоположно направленных информационных потока. В первом из них информация течет от подвижников к Богу и несет сведения о том, какой может стать индивидуальная христианская душа; во втором она движется от Бога к тем онтологическим инстанциям, которые управляют коллективной психикой, и доставляет им сведения, какого рода изменения нужно вносить в соборную душу. С точки зрения здешнего мира передача информации связана с посредническим

агентом, в мире же онтологии она возникает при исчезновении преграды.

Нам сподручнее осмысливать происходящее в терминах здешнего мира, поэтому мы будем говорить так: подвижник, одержимый желанием познать Христа, в результате напряженного труда вырабатывает невидимое вещество, некий духовный нектар, эссенцию христианского идеала представителя данного народа; этот нектар собирается Богом и претворяется Им в духовную субстанцию, пригодную для всех — так сказать, в мед; нация, питающаяся этим незримым медом, проникается чувством единства, обретает целостную душу, куда затем втекают те атрибуты Христа, которые не помещаются в индивидуальных душах.

Знает ли подвижник, что он служит обществу? Серафим Саровский, видимо, знал это, ибо ему принадлежат слова: «Стяжи мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся». Но в большинстве случаев инок заботится о самом себе: он спасает *свою* душу. Результат его подвига идет не непосредственно к народной душе, а сначала восходит к Творцу, подвергается Его высшему воздействию и уже после этого ниспосылается в соборную онтологию. Такое мистическое воздействие никто, кроме Бога, оказать не может; никто, кроме Него не переработает невидимый нектар в невидимый мед. Поэтому участие Бога является необходимым. Без него не возникнет ни нация, ни государство. Как сказал Бердяев, «государство самим фактом своего существования свидетельствует об онтологическом реализме».

Тут трудно удержаться, чтобы не вспомнить со вздохом о нашей *политической реальности*. Сейчас везде только и слышны уговоры, призывы, а иногда и

строгие приказы любить людей, служить народу, служить человечеству, оставлять плоды своих трудов идущему нам на смену поколению и поколениям далекого будущего. И сколько мы себя помним, все это столь повсеместно воспеваемое, восхваляемое и даже предписываемое законом служение людям неизменно оборачивалось самой грязной демагогией или, в лучшем случае, оставалось бесплодным. Разве этот наш опыт не есть лучшее подтверждение слов Христа: «Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33)? Эту фразу не следует понимать в сентиментально-психологическом смысле: в ней предельно кратко, хочется даже сказать, *научно*, раскрывается один из важных принципов мироустройства. Это вовсе не нравственный, а *космологический* постулат, который можно переформулировать так: «все подлинно ценное делается в мире через Бога»...

С наступлением Новой Эры во всей Европе, в северной части Африки, на Аравийском полуострове, в Палестине, Сирии, Антиохии и на островах Средиземного моря начался невиданный доселе процесс *духовного делания*. На всем этом огромном пространстве рассеялось удивительное племя великих мужей, восплававших жаждой познать Бога и приблизиться к Нему. Вот что имело фундаментальное историческое значение, а отнюдь не завоевания таких-то царей и борьба таких-то слоев населения; вот что определило судьбы мира. Впервые за время существования нашего рода человеческая личность поднялась до такого громадного уровня. В монастырях, скитах, пещерах, в глуши лесов и в тишине пустынь, меж угрюмых скал и на диких речных берегах начали свою нескончаемую работу тысячи добровольных помощников Бога, замыслившего при их участии создать новозаветного человека и

заселить им всю землю. Изю всех уголков от Атлантического океана до Индии и от Северного моря до Сахары, к нашему Творцу стал неслышно возноситься чудесный нектар.

В сборнике «Добротолубие», изданном впервые на греческом языке, а затем переведенном и на русский, помещены отчеты наиболее знаменитых подвижников первых веков нашей эры. В предисловии к русскому изданию составитель писал:

«Слово «Добротолубие»... означает любовь к прекрасному, возвышенному, доброму. Ближайшим образом оно содержит в себе истолкование сокровенной в Господе Иисусе Христе жизни...

Проявления ее, равно как и богатства области, в которой она раскрывается, не менее обильны и разнообразны, как и явления обычной жизни. И если б могло быть ясно понято и понятно изображено все, бывающее там: зарождения и укрепления разных проявлений духовной жизни, степени общего преуспеяния и свойственное каждой состояние ума и сердца, взаимодействие во всем свободы и благодати, ощущения близости и отдаления Божия, чувства промыслительного вседержительства и положения себя (окончательное и безвозвратное) в десницу Господню, с отложением всех способов действия, при непрестанном, напряженном действовании,— если бы, повторяем, все сие и многое другое, неразлучно с истинною в Господе жизнью, могло быть ясно и удобопонятно изображено, то представило бы картину, сколько привлекательную, столько и поучительную,— картину, похожую на всемирное путешествие».

Со второго тысячелетия нашей эры в этот процесс включилась Древняя Русь. Вот список самых прославленных духовных деятелей этого периода:

Варлаам Хутынский. Родился в Новгороде от богатых родителей. Основал под Новгородом Хутынский монастырь. Умер в 1243 году.

Сергий Радонежский. Родился в Ростове Великом в боярской семье. Знаменитый деятель своего времени, советчик князей, основатель Троице-Сергиевой лавры под Москвой. Благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. Жил с 1314 по 1392 г.

Кирилл Белозерский. Трудился в пекарне Симонова монастыря в Москве. Друг Сергия Радонежского. Тайно ушел к Белому озеру, выкопал там пещеру и начал подвижническую жизнь. Чудотворец. На месте его подвигов выросла обширная Белозерская обитель. Жил с 1337 по 1427 г.

Зосима, Герман и Савватий. В 1429 году, влекомые духом пустыннолюбия, удалились на Соловецкий остров, где 6 лет провели в пещере. Позже на этом месте вырос один из самых больших и славных монастырей России.

Пафнутий Боровский. Основал в 1444 году монастырь в Боровске, между Москвой и Калугой. Скончался в 1478 году, восьмидесяти трех лет от роду.

Иосиф Волоцкий. Знаменитый борец против ереси «жидовствующих». Был учеником и постриженником Пафнутия. В виде простого послушника пришел в Белозерско-Кириллов монастырь, затем ушел в Волоколамск и устроил там монашеское общежитие, разработав для него устав. Скончался в 1518 году.

Нил Сорский. Происходил из бояр Майковых. Великий монах и ученый, переводчик и толкователь византийских отцов Церкви. Путешествовал в Грецию. На реке Соре, севернее Вологды, основал строгое общежитие. Скончался в 1508 году.

Александр Свирский. 13 лет пробыл в Валаамском монастыре на Ладожском озере. В 1487 году отошел в Свирскую пустынь между Ладожским и Онежским озерами, где в тесной хижине провел семь лет. Когда стали приходить к нему другие труженики, построил небольшую обитель, принял священство и управление пустынным общежитием. Позже на этом месте возник известный Свирский монастырь. Умер в 1533 году в возрасте 85 лет.

Нил Столбенский. Родом из Новгорода. В семи верстах от Осташкова на Валдае выкопал пещеру, устроил в ней келью и жил в ней 27 лет. Скончался в 1555 году.

Таково созвездие наших славнейших имен. Это не просто светлые умы, горячие сердца и яркие характеры, а и *основатели нашего государства*. Это они, а не Иван Третий и не Петр Первый, заложили великую Российскую державу, от которой до сих пор зависят судьбы всего мира. Да будут вечно благословенны эти богатыри духа, святые отцы наши! Их самоотверженное делание есть начало нашей общенациональной истории. Это — весна и раннее лето, когда был собран основной запас невидимого меда, без которого нет великой нации. Но слепая к невидимому современная наука не замечает и не понимает такого собирания и начинает свое летописание российской государственности с более позднего времени, когда она стала уже явно открываться и физическому зрению. Тем самым, наука не только упускает из виду сущность двух или трех столетий, но и всю дальнейшую историю трактует превратно.

Как видно из приведенного перечня, наибольшей интенсивности подвижническая жизнь достигла во второй половине пятнадцатого — первой половине шестнадцатого веков. Этот столетний отрезок времени был уникальным в нашей истории. До него и после него такого необычайного напряжения внутренней работы уже не наблюдалось. Конечно, в эту работу были включены не только названные выше особо выдающиеся деятели, но и тысячи менее известных или вообще безвестных сейчас иноков. Видно, Святой Дух нисходил тогда на Русь в изобилии. Потом этого уже не было. В «Истории православной христианской Церкви» мы читаем: «с половины XVI века число истинных подвижников монашества стало уменьшаться». Это подтверждается цифрами. До конца XIII века на Руси было 10 пустыней, т.е. уединенных монастырей, причем почти все из них были основаны в XIII веке. В XIV веке их было основано уже 42, в XV веке — 57, в XVI веке —

51. Дальше наступает резкий спад. И вот за этот-то период и было запасено все, что Россия расходовала, не восполняя, в течение четырех последующих столетий.

Максимум подвижничества приходится у нас на рубеж XV и XVI веков. А в середине XVI века появляются первые признаки того, что Россия стала единым мистическим сверхорганизмом. Эти моменты разделяет срок жизни одного-двух поколений, т.е. как раз столько, сколько должно разделять причину и следствие.

Как известно, Московское княжество окончательно слилось с другими соседними княжествами, став ядром общерусского государства, при Иване Третьем, умершем в 1508 году. Значительную роль, которую играла в этом процессе христианская вера, уже прочно укрепившаяся к тому времени в душах русских людей, отмечают многие историки. Даже Ключевский, имевший тенденцию искать во всех исторических событиях в первую очередь хозяйственную подоплеку, по этому поводу пишет:

«Союз князей, образовавшийся под рукою московского государя из ближних и дальних его родичей еще в удельные века, теперь расширился и скрепился новыми интересами, усилившими авторитет московского государя... Теперь этот союз расширился под действием новой связи, входящей в его состав, интереса религиозного... Сами местные общества начинают открыто обращаться к Москве, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемые ими. Благодаря этому тяготению московское собрание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением».

Да, что-то коренным образом перестраивалось на Руси в тот решающий период, и перестройка была стремительной. Но ее суть состояла не в появлении чего-то материального, зримого. Кирпичный Кремль с его прекрасными соборами, построенный Иваном Третьим,

был лишь символом гораздо более важного, невидимого, строительства. Сознание русских людей переходило на новую, высшую ступень. Отдельные души сливались в единую христианскую сверхдушу, и слияние княжеств было только следствием этого. В дни современников Ивана Третьего, его сына Василия и внука Ивана Четвертого возникло нечто качественно новое — мистическое тело России. Это ощущали и простые люди, и князья, и монахи, но каждый ощущал и понимал это по-своему. Все осознавали важность и глубину происходящих перемен, но давали им разные истолкования. Очень популярной была, например, та точка зрения, что, поскольку недавно под натиском турок пал Константинополь, России самой судьбой велено стать оплотом мирового православия вместо Византии. Инок Филофей писал великому князю Василию в первой половине XVI века:

«Внимай тому, благочестивый царь! Два Рима пали, третий — Москва стоит, а четвертому не бывать. Соборная церковь наша в твоём державном царстве одна теперь паче солнца сияет благочестием во всей поднебесной; все православные царства собрались в одном твоём царстве; на всей земле один ты — христианский царь».

Эта же идея выражена и в словах цареградского патриарха Иеремии, обращенных к сыну Ивана Грозного, Федору Ивановичу:

«Воистину в тебе Дух Святой пребывает, и от Бога такая мысль внушена тебе; ветхий Рим пал от ересей, вторым Римом — Константинополем — завладели агарянские внуки, безбожные турки, твое же великое российское царство, третий Рим, всех превзошло благочестием; ты один во всей вселенной именуешься христианским царем».

Хотя здесь не рассматриваются детали и, несомненно, присутствуют элементы чисто политического мышления, суть событий схвачена верно: подчеркнута провиденциальность происходящего, выделено главное в нарождающейся великой России — ее христианское сверхсознание. При всей своей краткости, каким контрастом служит это описание теориям современной «научной» истории! Пожалуй, никто из ученых не находится сегодня в более незавидном положении, чем историки, никто так безнадежно не сбит с правильного пути идеологией материализма. Тот факт, что все важнейшие события разворачиваются в невидимой части Бытия, что сущность явлений недоступна нашим органам чувств и должна реконструироваться нашим разумом и нашей божественной интуицией, является фактом универсальным и относится ко всем областям, изучаемым наукой. Но физики уже признали этот факт, и хотя они избегают делать из него логические и философские выводы, такое признание дает им возможность получать какие-то результаты. Эмбриологи *почти* признали его, вводя в свой научный арсенал то «поля Гурвича», то еще какие-нибудь наукообразные термины, маскирующие известную еще Аристотелю «энтелехию», которая незримым образом управляет развитием зародыша. Исследователи поведения животных тоже, фактически, сделали такое признание, так как все время настаивают на том, что нужно подходить к изучению поведенческих механизмов не с точки зрения интересов отдельных животных, а с точки зрения выгоды популяции в целом. Они рассматривают популяцию как единый сверхорганизм, и это их выручает. Психологам уже значительно труднее выяснить истину, поскольку понятие человеческой души,

которое, по самому названию их науки, должно было бы быть для них исходным, они могут протаскивать в свои исследования лишь нелегально или под чудовищным прикрытием фрейдизма. Но хуже всего все-таки историкам. Предмет их изучения — человеческое общество — является самой тонкой, сложной и критичной по отношению к воздействиям со стороны незримой потусторонней онтологии системой изо всех систем, существующих во вселенной, поэтому Божий промысел сказывается в истории сильнее, чем где бы то ни было, определяя в ней все самое основное. Но историкам нельзя замечать этот промысел. Так что же они могут понять в таком случае? Если даже поведение атома можно осмыслить, только изучая не сам атом, а ту волновую функцию, которая за ним стоит и является носителем всех его свойств; если действия стада зубров останутся непонятными без предположения, что имеется какая-то стадная душа, обладающая собственными стремлениями, то что уж говорить о людских сообществах, ни одно из которых никогда не обходилось без развитой мифологии, без избыточной отвлеченными понятиями религии, без многочисленных ритуалов и свято оберегаемых традиций, без национальных святынь и многого другого в этом роде, т.е. без того, что является очевидным проявлением целостного коллективного сознания? Изучая описания событий, происходивших в истории, мы неизменно видим, что людей приводят в движение и заставляют отчаянно бороться, упорно трудиться, воевать, претерпевать лишения и отдавать свои жизни такие причины, как вера, патриотизм, ненависть к захватчикам, любовь к родной земле, уважение к верховной власти — факторы чисто духовной природы. Но современные историки хотят внушить нам, что все это лишь кажется, что если копнуть

поглубже, обнаружится, что людьми движут только биологические интересы индивидуумов и имущественные интересы классов...

О, как тоскливо читать наши книги по истории! В них нечем дышать, в них постоянно ощущаешь умственное убожество, совершенно не соответствующее мощи и богатству содержания описываемого. Эти книги выглядят так, как выглядела бы биография какого-нибудь выдающегося лица, написанная в таком стиле: «В полдень он захотел есть и пошел в магазин, чтобы купить мяса. Вечером почувствовал потребность заработать побольше денег и решил в ближайшее время взяться за какой-нибудь приработок. Перед сном ощутил переполнение в желудке и сходил в туалет. Утром снова проголодался и зажарил себе яичницу». Конечно, все это и в самом деле было — было даже в жизни Льва Толстого и Пабло Пикассо, но писать об этом в их биографиях незачем, ибо *их жизнь есть не это*. А вот историки утверждают, что именно это есть жизнь народов, и только об этом они и пишут. Берем наугад:

«Рост феодальных отношений в Киевской Руси происходил в условиях ожесточенной классовой борьбы и восстаний смердов и городских низов против господствующего феодального класса».

«Солон осуществил целый ряд экономических и политических реформ, способствовавших разложению родового строя. Одна из них состояла в том, что права и обязанности граждан устанавливались в соответствии с размерами их собственности».

«Философия Платона — философия эпохи мировой катастрофы рабовладельческой культуры».

Первая цитата принадлежит одному из авторитетнейших советских историков, академику М.Н.Тихомирову; вторая — лучшему современному специалисту по античной культуре, А.Ф.Лосеву; третья — виднейшему

культурологу В.Ф.Асмусу. Это — высокоученые люди, которые много читали, изучали источники; они хранят в своей памяти бездну исторических событий. Но как только от описания событий они переходят к вскрытию их сущности, так сразу же все начинает сводиться у них к столкновениям самых примитивных побуждений. Такой-то класс стремился отнять то-то у другого класса; король хотел захватить себе такие-то земли; крестьяне не смогли больше терпеть посягательства знати на их угодья; царевне было выгодно распространить такой-то слух; бояре надеялись, что, посадив на престол того-то, они обретут больше влияния и власти; купцы прилагали все усилия, чтобы добиться льготных налогов... И всюду это, только это, и ничего, кроме этого. Все это, наверное, и вправду имело место, как в жизни Льва Толстого имела место яичница с колбасой, но утверждать, что это и есть история человечества — настоящее сумасшествие. Только глубоко въевшийся в сознание и подсознание шизофренический взгляд на мир как на самый самовоспроизводящийся автомат, запущенный неизвестно кем и неизвестно для чего, может породить такую трактовку исторического процесса. У наших историков получается так, будто пышная античная культура была следствием рабовладения, великая мысль Платона — следствием кризиса производственных отношений, а христианская Киевская Русь — следствием классовой борьбы и восстаний. Но ведь более сложное никогда не может быть следствием более простого — об этом свидетельствует и строгая логика, и просто здравый смысл. Любое человеческое общество есть изумительный по своей яркости и разнообразию своих частей и красок цветок мироздания; от его сложности захватывает дух; в нем проглядывает промысел, воля, цель, свобода. Но в писаниях историков оно становится

примитивнее атома водорода. И конечно уж, историки не признают такой исторической очевидности, как наличие у каждого людского общества души, не сводящейся к сумме индивидуальных душ и его членов. Людям они начисто отказывают в том, что имеется даже у полевых мышей и зубров.

Разумеется, это создает в исторической науке не меньший кризис, чем тот, который испытывала физика до введения в теорию волновых функций. Но сама сложность исторического движения помогает ученым делать вид, будто никакого кризиса нет. В истории все так многогранно и так перепутано, что здесь трудно дать какие-либо строгие доказательства чего бы то ни было, в том числе и доказательства ложности концепции. И все же специалисты иногда чувствуют, что дело зашло в тупик. Вероятно поэтому недавно было предложено ввести новую характеристику человеческих обществ — «пассионарность». Под этим словом имеется в виду нечто вроде «коллективной души», а наукообразность термина призвана усыпить бдительность идеологов. Но их не так легко обмануть. Даже эта робкая попытка улучшить методологию истории была встречена весьма недоброжелательно.

И только отойдя от нашего времени достаточно далеко назад, мы начнем встречать элементы верного понимания исторических пружин. Признание роли невидимых реальностей в историческом процессе было не чуждо, скажем, Андрею Белому, который писал:

«Коллективное тело Церкви есть какое угодно тело, но оно не есть тело физическое... Говорить о нереальности, нетелесности такой Церкви на основании ее физической неосвязаемости смешно».

Еще конкретнее сформулировал правильную историческую концепцию о. Сергей Булгаков:

«Культура есть плоть истории, аскетизм ее душа. У нас до сих пор так плохо и односторонне понимают религиозно-историческую сущность аскетизма, что видят в нем лишь противоположность культуре, отрицание истории. Между тем он является известным устремлением этой культуры, ее духовным фактором. Он может, а по нашему мнению, и должен, оказаться силой, спасительной и для самой культуры, ибо духовное здоровье связано именно с ним, а не с языческим вещелюбием, несущим с собой гниение и смерть для культуры».

Если говорить о более ранних временах, то следует упомянуть нашего замечательного мыслителя Петра Чаадаева. Вот одна из его концепций:

«Но если принять во внимание, что народы, хотя и являются совокупностями индивидуумов, но в сущности они такие же моральные величины, как и отдельные единицы и что в силу этого один и тот же закон господствует над умственной жизнью как тех, так и других,— то, думаю, деятельность великих человеческих семейств зависит всецело от того чувства, которое побуждает их сознавать себя обособленным от остальной части человечества, и имеющими свое собственное существование и свой личный интерес. Это чувство есть необходимый элемент всемирного сознания, так сказать, «Я» коллективного человеческого существа».

Что же касается XVI века, когда начался подготовленный трудами христианских подвижников быстрый процесс «схватывания» российской сверхдуши, то ее появление раньше и отчетливее всех почувствовал царь Иван Грозный.

Этот царь всегда был одной из самых загадочных личностей. О нем написана масса специальных работ, его образ является чуть ли не самым притягательным для исторических романов и кинофильмов, его имя неизменно популярно в каждом поколении русских людей, но никто не может до конца понять, что это был за

человек и что им двигало. Все кажется в нем противоречивым. Необыкновенно горд и самолюбив, но изменнику Курбскому, бежавшему в Литву, пишет длинные оправдательные письма. Никогда не сомневается в божественном происхождении своей власти, но добровольно отрекается от престола и тайком уезжает из Москвы. Страшно жесток, но целые дни проводит в молитвах. Вводит громоздкий и сложный институт опричнины, но затем никак его не использует. В памяти потомков остается как злодей и тиран, но всегда ассоциируется с мыслью о величии России. Иван Грозный не подходит ни под какое рациональное объяснение. Его не может раскусить ни та теория, которая кладет во главу угла развитие народного хозяйства, ни та, для которой главным представляется расширение территории и укрепление власти. Не раз пытались приписать Грозному какую-то конкретную историческую миссию и тем самым найти ключ к его действиям, но это никогда не удавалось. При всей привычке историков к натяжкам, слишком уж явным оказывались противоречия любой такой концепции, ее несогласие с фактами. И тогда сделали то, что только и оставалось сделать в такой ситуации — начали давать его поведению психологические объяснения. Даже Ключевский, который таких объяснений, в общем-то не любит, писал, что «в направлении, которое царь дал политическому столкновению, много виноват его личный характер, который потому и получает некоторое значение в нашей государственной истории».

Здесь имеется в виду, что Иван, рано осиротев, вырос нервным и подозрительным, а потеряв любимую жену Анастасию, и вовсе замкнулся в себе, постепенно озлобился на весь мир и стал полубольным человеком,

делавшим все по капризу и по прихоти. Но это плохо увязывается с образом умного, дальновидного и, главное, очень ответственно относящегося к своей миссии монарха, которого рисуют нам документы. И уж во всяком случае никакие «психоанализы» не могут объяснить феномена опричнины — главного камня преткновения всех наших историков.

Если бы суть Ивана Грозного заключалась в его самодурстве и вспыльчивости, то опричнина не могла бы быть подготовлена с такой тщательностью. По всему видно, что это был не каприз, не импульсивное действие, не мера самозащиты чего-то вдруг испугавшегося властителя, а плод обширного замысла, поражающего своей основательностью. Все государство было разделено Иваном на две части — земщину и опричнину. Во главе земщины были поставлены бояре, во главе опричнины стал сам царь. Опричнина была особым двором, с особыми боярами, особым дворецким, особыми казначеями, дьяками, приказными и т.д., короче, с особым штатом. На содержание этого штата Иван выделил около двадцати городов с уездами. Земли, отданные опричнине, составили чуть ли не треть всей территории государства. Бывших владельцев этих земель выселили на другие, большей частью на пустовавшие, земли. Столицей земщины оставалась Москва, столицей опричнины стала Александровская слобода в ста верстах от Москвы.

Не раз высказывалась та точка зрения, что опричнина была создана Иваном для разгрома стеснявшего его власть боярства. Но многие крупные знатоки этого периода, в том числе С.Б.Веселовский и В.О.Ключевский, возражали против этой теории. Анализ фактов показывает, что опричнина была не поставлена против

бояр, а сама играла роль боярства в той особой части государства, которую создал Иван внутри России и в которой распоряжался сам, уступив остальную часть боярской думе. Иногда он даже чувствовал себя изгнанником в собственной стране. Однажды он написал: «По множеству беззаконий моих распостерся на меня гнев Божий, изгнан я боярами ради их самовольства из своего достояния и скитаюсь по странам». В 1574 году он венчал на царство некоего крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, присвоив ему титул великого князя всея Руси. Правительственные указы писались от имени этого Симеона, а царь ездил к нему как простой боярин, величая себя князем Московским Иванцом Васильевым. Если бы Иван хотел действительно скрутить бояр, он легко мог бы сделать это обычными средствами интриг, столкнув их между собою, или просто по одиночке предав казни. Именно так действовал потом Годунов. Иван Грозный имел гораздо больше оснований для этого — он чувствовал себя природным царем и у него никогда не возникало ни малейшего сомнения в неограниченности своей власти. Казнить бояр он мог бы и безо всякой опричнины. Но не в этом был его план. Недавние архивные находки в Казани полностью подтверждают бессмысленность опричнины как аппарата подавления боярства. Как пишет историк Скрынников, «Иван продержал опальную знать на восточной окраине немногим более года, а затем круто изменил курс и объявил о прощении княжат. Ссылные получили разрешение вернуться в Москву. Там им возвращали их старые вотчины, либо предоставляли равноценные земли. Первоначальные цели и замыслы опричнины потерпели, таким образом, полное крушение».

Здесь все правильно, кроме одного. Даже и первоначальные замыслы опричнины не заключались в ликвидации боярства. Такой мысли у Ивана вообще никогда не было. Но сознание материалистически мыслящего историка не может понять истинных причин поведения Ивана, так как они лежат в области невидимого, и хватается за то, что кажется ему реальным.

В.Н.ТРОСТНИКОВ

(Продолжение следует)

ФОТОКОМПЬЮТЕРНАЯ ТИПОГРАФИЯ
НОВЕЙШИЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАБОР И ДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ
ОФСЕТНАЯ ПЕЧАТЬ КНИГ, ЖУРНАЛОВ, ГАЗЕТ, БРОШЮР, АФИШ.
БОЛЬШОЙ ВЫБОР МОДЕРНЫХ РУССКИХ ШРИФТОВ (свыше 200).
ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ — БЕСПЛАТНАЯ КОРРЕКТУРА
ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПЕЧАТИ — низкие цены
ДЛЯ НОВЫХ ЗАКАЗЧИКОВ — ОСОБАЯ СКИДКА
Писать или звонить Борису Бересту: (212) 445-2836

LITERARY FRONTIERS

P.O. Box 54101, Linden Hill Station, New York 11354

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Во время земной жизни Иисуса Христа еврейский народ находился под владычеством Римской Империи. Рим не требовал от евреев отречения от своего Бога, не навязывал им свои верования и обычаи и предоставил им право жить по своим законам, вере, правилам и традициям. Поэтому евреи могли быть лояльными Риму, не изменяя своему Богу, о чем и говорил Христос.

После того две тысячи лет евреи жили в рассеянии по всему земному шару, говорили на разных языках, но не потеряли своего единства. Что же им помогло сохранить свое единство и дождаться своей национальной независимой государственности? — Только религия.

Почти триста лет Русь находилась под игом татар. Но татары, как и Римская Империя, не требовали от русских отречения от своего христианского Бога и предоставили им право жить по своим обычаям и традициям и исповедовать христианскую религию. Только религия и спасла Русь и помогла русским людям избавиться от татарского ига и обрести свою независимую государственность.

Но вот на Руси появились новые поработители. Эти поработители прекрасно понимали, что русских людей, несмотря на их политические разногласия, единит Православная вера, а потому они прежде всего и повели борьбу именно против нее. Всем нам известно, в чем выразилась эта борьба: физическое уничтожение лучших представителей Православной Церкви, разрушение

Доклад, прочитанный на съезде православной русской общности в Австралии.

церквей, уничтожение монастырей и, наконец, разложение оставшейся Церкви изнутри и полное подчинение ее своим интересам. Борьба эта не прекращалась и продолжается до сего времени. От исхода этой борьбы и зависит судьба России: быть ей или не быть.

Можно сказать, что Россия была в духовном отношении почти мертва, сопротивление ее поработителям подавлено, православная церковь изгнана из сердец русских людей, и все стали атеистами. Так казалось, и поработители торжествовали.

Но вот за последнее время появились признаки оживления веры, как будто наметилось, пусть медленное, но все же неуклонное ее возрождение. В сердцах и умах русских людей стали возникать мысли не сродные мыслям поработителей. Русские люди стали интересоваться историей своего государства, своими предками, их верой, их традициями и обычаями; историей Русской Православной Церкви и ее роли в развитии русского государства. Они узнали, что роль Русской Православной Церкви в развитии русского государства была не отрицательной, как их уверяли, а положительной. Ее роль была положительной не только в развитии русского государства, но и в области культуры, и в области смягчения законодательства и нравов. Появилась тяга к более близкому знакомству с христианским вероучением, с православным богослужением. А самое главное, — люди не только стали мыслить так, но и публиковать свои мысли без ведома поработителей в Самиздате. Конечно, поработители этому всячески препятствуют и ведут с этим ожесточенную борьбу путем запугивания, арестов, ссылок и пр. Но капля и камень точит, а этих капель появляется все больше и больше.

Вопрос о взаимоотношениях между государством и Церковью довольно часто дебатруется и в периодической печати, и в литературе.

Нас, конечно, интересует этот вопрос не столько в мировом масштабе, сколько по отношению к России. Посмотрим, что было в прошлом.

В период от св. Владимира до Петра I, отношения между государством и Православной Церковью были в согласии: они не мешали, а помогали друг другу. Церковь не была подчинена государству, государство не было в подчинении у Церкви, действуя свободно каждый в своей области.

Начиная с Петра I, положение Церкви в России изменилось. По государственным соображениям Петр I подчинил Церковь государству, отменил патриаршество, в Синод назначил обер-прокурора, без ведома которого Синод ничего не мог решать.

Мы не будем осуждать или одобрять решение Петра I по церковному вопросу. Мы только констатируем факт. Но необходимо все же заметить, что правительство в России в те времена (имея в виду Императорскую Россию) было всегда христианским, а потому гонений на Церковь не было, и оно не противопоставляло себя Церкви и даже поддерживало Церковь материально.

Достоевский противопоставляет две точки зрения, два принципа во взаимоотношениях Церкви и государства: католический и православный.

Вопрос этот затронут Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Разговор на эту тему происходил в покоях старца Зосимы. В нем принимали участие Иван Карамазов, Миусов и монахи. Разговор возник в связи с тем, что стали обсуждать опубликованную в журнале

статью Ивана Карамазова. Эта статья явилась ответом на книгу «Основы церковно-общественного суда». Основную мысль своей статьи Иван Карамазов рассказал старцу Зосиме в следующих словах:

«Вся мысль моей статьи в том, что в древние времена первых трех веков христианства, христианство на земле являлось лишь Церковью и было лишь Церковь. Когда же римское языческое государство возжелало стать христианским, то непременно случилось так, что, став христианским, оно лишь включило в себя Церковь, но само продолжало оставаться государством языческим по-прежнему в чрезвычайно многих своих отправлениях. В сущности так несомненно и должно было произойти. В Риме, как в государстве, слишком многое осталось от цивилизации и мудрости языческой, как, например, самые даже цели и основы государства. Христова же Церковь, вступив в государство, без сомнения, не могла уступить ничего из своих основ, от того камня, на котором стояла она, и могла преследовать не иначе как свои цели, раз твердо поставленные и указанные ей самим Господом, между прочим: обратить весь мир, а, стало быть, и все древнее языческое государство в Церковь. Таким образом (т.е. в целях будущего), не Церковь должна искать себе определенного места в государстве, как и всякий общественный союз или как «союз для религиозных целей» (как выражается автор, которому возражаю), а напротив, всякое земное государство должно было впоследствии обратиться в Церковь вполне, и стать ничем иным как лишь церковью и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели. Все же это ничем не унизит его, не отнимет ни чести, ни славы его, как великого государства, ни славы властителей его, а лишь поставит его с ложной, еще

языческой и ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу, ведущую к вечным целям».

Возражал и оспаривал его точку зрения Миусов. Ученый иеромонах Паисий так резюмировал споры по этому вопросу: «По иным теориям, слишком выяснившимся в наш XIX век, Церковь должна перерождаться в государство так, как бы из низшего в высший вид, чтобы в нем затем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. Если же не хочет того и сопротивляется, то отводится ей в государстве за то как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, — и это повсеместно в наше время в современных европейских землях. По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не Церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь Церковью и ничем иным более. Сие и буди, и буди». В дальнейшем, возражая Миусову, он еще раз разъясняет православную точку зрения: «не Церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третья дьяволово искушение! А напротив, государство обращается в Церковь, восходит до Церкви и становится Церковью на всей земле, — что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От востока звезда сия засияет».

Итак, Достоевский противопоставляет две точки зрения, два принципа во взаимоотношениях Церкви и государства: католический и православный.

Католическая церковь, по мнению Достоевского, уже превратилась в государство. Там уже только прикрываются именем Христа, от христианства там уже

ничего не осталось. Это он отчетливо показал в главе «Великий инквизитор».

Что касается православного Востока, то здесь придерживаются противоположного принципа: государство в конечном счете превращается во вселенскую Церковь.

Проф. Карташев в своей книге «Вселенские Соборы» указывает, что в новое время появилась еще одна сила, претендующая на мировое господство, на вселенскость, провозглашающая иной принцип. Сила эта, по терминологии проф. Карташева, — безрелигиозный гуманизм или секуляризм. Безрелигиозный гуманизм стремится совершенно изгнать религию с поля деятельности государства. Религия допускается, как частное дело каждого, а потом переходят в открытую борьбу с ней и гонение.

Проф. Карташев в той же книге определяет православный принцип во взаимоотношениях Церкви и государства, как их «симфонию», где «обе природы даны в совершенной полноте и в совершенном объединении без умаления одной за счет другой.»

Симфония Церкви и государства, по нашему мнению, возможна только в том случае, если цель их будет одинакова. Задачи Церкви и государства не смешиваются. Церковь выполняет свою роль, а государство — свою, но стремятся они к одной цели — к Царству Божию.

Здесь возникает другой вопрос, а именно: возможно ли царство Божие на земле и вправе ли человек стремиться к счастью на земле?

Вопрос этот очень хорошо выразил Аксаков в одном из своих стихотворений. Обращаясь к христианским подвижникам, он спрашивает их:

«Вы, заживо умершие для мира,—
 Ты, на столбе стоявший тридцать лет,
 Ты, целый век молившийся в пустыне,
 Ты, в гробовой себя закрывший мгле
 Святые все безумцы, дайте ныне
 Ответ: где жизнь — меж вас иль на земле?
 И вправе ли или не вправе к счастью
 Здесь, на земле стремиться человек,
 Он, созданный ему безвестной властью,
 Он, мучимый страданьем целый век?
 В пещере ль жизнь? В пустыне ль примиренье?
 Вопросы те уже ль не решены?
 Стремление, сомненье и мученье
 От века нам, как видно, суждены...
 Безмолвно все.....

Да, все безмолвно.... Ответа на свой вопрос И.С.Аксаков не получил, и сам решить его не мог.

Как относился к этому вопросу Ф.М.Достоевский?

Вопроса устройства человечества на земле Достоевский касался во многих своих произведениях, например, в «Записках из подполья», в романах «Бесы», «Братья Карамазовы», в рассказе «Сон смешного человека».

В «Записках из подполья» он показывает нам общественный идеал, основанный на экономических отношениях и принципах гуманности. Он убедительно развенчивает этот идеал, который осуществляет демократический Запад. Этот теоретический идеал имеет мало общего с действительностью, так как ни благополучие экономики, ни принципы гуманности не устраняют зла, не влияют благотворно на людей: преступность и разврат при этом не уменьшается, а

скорее увеличивается, о чем говорят факты действительности. Такое общество не является венцом наших желаний.

В романе «Бесы» Достоевский показывает нам общественный строй, известный под именем «шигалевщина». Этот общественный строй осуществил Советский Союз. Из-за этого общественного строя миллионы русских людей погибли и миллионы странствуют по всему миру, так что вряд ли он сможет служить моделью для подражания. Формула этого строя состоит в том, что человечество разделяется на две неравные части. «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми». Примерно на тех же принципах основано и общество под главенством католических кардиналов, изображенное Достоевским в «Братьях Карамазовых», в главе «Великий инквизитор». Там те же девять десятых (пожалуй, и больше) являются послушным стадом.

Наконец, в маленьком рассказе «Сон смешного человека» Достоевский рисует счастливых людей, живущих на другой планете. У них так же, как и на нашей земле, есть смерть и старость, но смерть эта не нарушает их счастья и их радостей. Живут эти люди какой-то бессознательной жизнью. По словам Достоевского, «они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать ее, потому что жизнь их была восполнена.»

Несмотря на то, что Достоевский довольно подробно описывает жизнь этих людей, их непрерывное веселье и радости, он все же сам не был удовлетворен такой жизнью и не очень высоко ценил ее, так как кончилось все тем, что пришелец на эту новую землю развратил их всех, и жизнь у них началась такая же, как и на нашей

земле, т.е. «они научились лгать, быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность — жестокость... Очень быстро брызнула первая кровь...» и пр.

Таким образом, можно сказать, что Достоевский развенчивает все общественные идеалы. Ни один из них не удовлетворяет его, даже свой собственный.

Может быть, Достоевский не хочет счастья людям на земле? Может быть, он думает, что «мертвым лишь блаженство суждено»? Или, может быть, он считает, что будущие поколения не имеют права быть счастливыми, потому что их счастье будет основано на мучениях и страданиях и слезах предыдущих поколений?

Лев Шестов в своей книге «Достоевский и Ницше» утверждает, что «Если когда-нибудь осуществится идеал человеческого счастья на земле, то Достоевский заранее предаст его проклятию».

Для доказательства своего утверждения Лев Шестов приводит целый ряд выписок из различных произведений Достоевского. Из всех этих выписок мы приведем лишь одну — из главы «Бунт» романа «Братья Карамазовы»; из разговора двух братьев — Ивана и Алеше. Иван обращается к Алеше:

— Скажи мне прямо, я зову тебя,— отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулаченком в грудь (о котором Иван раньше рассказывал Алеше) и на неотмщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

— Нет, не согласился бы,— тихо проговорил Алеша.

Приведя целый ряд выписок, подтверждающих его мысль, Лев Шестов утверждает, что Достоевский «не хочет всеобщего счастья в будущем, не хочет, чтобы это будущее оправдывало настоящее. Он требует иного оправдания...»

«Разве судьба Макара Девушкина, которого оплевывают в XIX столетии, становится лучше оттого, что в XXII столетии никому не будет дозволено обижать своего ближнего? Не только не лучше, а хуже. Нет, если уж на то пошло, так пусть же навеки несчастье живет среди людей, пусть и будущих Макаров оплевывают...»

Достоевский, действительно, отвергал все общественные идеалы и считал, что люди не имеют нравственного права быть счастливыми, потому что страдания предыдущих поколений не искупались, не оправдывались. Но все же Достоевский в последние годы своей жизни пришел к заключению, что страдания и мучения предыдущих поколений возможно искупить и, следовательно, люди могут обрести счастье на земле. Это он показал в эпилоге романа «Братья Карамазовы», в последней главе под названием «Похороны Илюшечки. Речь у камня.»

Здесь имеется знаменательный разговор, на который указал комментатор Достоевского А.Л.Волынский, между Алешей Карамазовым и мальчиком Колей Красоткиным. Разговор этот произошел после того, как они вышли из квартиры капитана Снегирева в день похорон Илюшечки, где произошла очень тяжелая сцена.

— Пусть переплачут,— сказал Алеша Коле,— тут уж, конечно, нельзя утешать. Переждем минутку и воротимся.

— Да, нельзя, это ужасно,— подтвердил Коля. — Знаете, Карамазов, понизил он вдруг голос, чтобы никто не услышал. — Мне очень грустно, и если б только можно было его воскресить, то я бы отдал все на свете!

— Ах, и я тоже,— сказал Алеша.

Приведу еще разговор Алеши Карамазова с мальчиками у камня после похорон Илюшечки. Здесь Алеша обратился к мальчикам с речью. После его речи один из мальчиков, тот же Коля Красоткин, обратился к Алеша с вопросом:

— Карамазов! — крикнул Коля,— неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было,— полусмеясь, полувосторженно ответил Алеша.

— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли. На этом заканчивается роман «Братья Карамазовы».

Таким образом, только в самом конце романа и только через ребенка Достоевский указал, что искупить страдания предыдущих поколений можно путем их воскрешения.

Здесь опять возникает вопрос: воскресение произойдет без участия человека, одной только Божеской волей или в сотрудничестве человека с Богом?

Приведем мнения по этому вопросу двух мыслителей — Е.Трубецкого и Н.Ф.Федорова.

Первый говорит:

«Раз началом религиозной жизни человеческого общества является воплощение Божеского в человеческом, человеческий ум и человеческая воля призываются к

творческому участию в деле Божиим. Христианский идеал выражается не в одностороннем *монофизитском* утверждении божеского начала: он требует от нас беззаветной преданности Богу с величайшей энергией человеческого творчества. Человек призван быть на земле сотрудником дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная деятельность...» («Смысл мира и относительные ценности культуры»).

А вот что говорит Н.Ф.Федоров:

«Показывая, что Христос был не только Бог, но и действительный человек, тем самым доказывалась и необходимость деятельности самого человека в деле воскрешения и не только нравственной, но и умственной, и физической, и материальной. Соединяя во Христе два естества, две воли, двойное действие, тем самым признавали необходимость в деле искупления, или воскрешения, двух волей, действующих в полном согласии. Но учение о двух волях, действующих в согласии, оставалось только догматом, теорией, не имевшей выражения в самой жизни; в таком отделении теории от практики не видели отпадения от христианства, устранения от дела искупления и воскресения, не видели отречения от Искупителя и Воскресшего».

Из всего сказанного можно сделать вывод, что все общественные идеалы, игнорирующие Церковь, на практике приводят не к миру, спокойствию и счастью людей, а к прямо противоположным результатам, что подтверждается действительностью.

Мы говорили, что «симфония» Церкви и государства возможна в том случае, если у них цель будет одна, и эту цель мы назвали царством Божиим. Евгений Трубецкой в

указанной выше книге говорит:

«Та область, где зло побеждается лишь внешнею силою, еще не есть царствие Божие; но для последнего далеко не безразлично, что делается у его преддверия. С христианской точки зрения, понятное дело, бесконечно лучше то состояние человечества, где зло сдержано хотя бы внешними, материальными преградами, нежели то, где зло не сдержано ничем...

Евангелие ценит государство не как возможную *часть* Царствия Божия, а как ступень, долженствующую вести к нему в историческом процессе».

«В царствии Божиим зло побеждается *изнутри*... Наоборот, в порядке мирском зло ограничивается *извне*, подавляется внешнею силою государства».

Итак, Царство Божие не преподносится человеку даром. Достижение его требует от людей совместной деятельности. Требуются большие усилия в нравственном совершенствовании от каждого человека с непрестанной молитвой к Богу о помощи, ибо Евангелие нам говорит, что без Его помощи человечество ничего доброго сотворить не может.

Рай на земле без Бога осуществляет коммунизм. Результаты нам хорошо известны, и доказывать абсурдность этой идеи нам не нужно, ибо в результате осуществления этой идеи мы оказались с вами здесь, а не живем в своем отечестве. А как живут русские люди у себя на родине, нам тоже известно. Это та же «шигалевщина», которую нам показал еще до ее осуществления Достоевский. Но, к сожалению, многие русские люди не поверили ему и соблазнились, что привело к ужасной трагедии миллионов русских людей.

МИССИОНИЗМ, НЕ МЕССИАНИЗМ!

Одной из счастливых мыслей, осенивших Бердяева, было различие, проводимое им между мессианизмом (исключительным, всемирно-историческим призванием данного, «избранного» народа или данной церкви), — и миссионизмом (утверждением высокого призвания данного народа или данной церкви, но без претензий на исключительность).

В данной статье мне хотелось бы показать, что правильно понятый, неагрессивный мессианизм есть, по существу, — миссионизм, в котором призыв к выполнению Россией своей исторической и религиозной миссии совмещается с уважением к правам иных народов и культур, на выполнение их миссий и их интересов. Иначе говоря, миссионизм есть мессианизм, прошедший через уроки этической скромности.

Враги России и в прошлом не раз нападали на «русский мессианизм», значение которого при этом чудовищно преувеличивалось. Из Филофея, скромного псковского монаха, призывавшего Русь устоять в православии перед лицом грядущего конца мира (по тогдашнему верованию), Запад сделал какого-то воинствующего изувера, призывавшего к покорению Русью чуть ли не всего мира. Российская Империя была империалистична, но не в большей степени, чем иные европейские державы. Во всяком случае, в первой половине 19 века, русское правительство явно не сочувствовало мечтаниям панславистов (объединить

славян под эгидой России) и проводило пронемецкую внешнюю политику. А заключенное позднее российско-французское соглашение преследовало защитные цели (перед лицом растущей германской угрозы). Русско-турецкая война 1877 года была вызвана турецкими зверствами над болгарами и сербами, а не империалистическими поползновениями.

Это видно хотя бы из того, что когда болгарское правительство проявило недовольство присутствием русских войск в Болгарии,— император Александр Третий отдал приказ о немедленном выводе этих войск.

Но в этой статье я хотел бы говорить более о культурно-религиозном, а не политическом аспекте темы.

Учение славянофилов, призывавших к воплощению духа братства и смирения, многие западные «знатоки» (слава Богу, не все) преподносили также в одеянии русского мессианизма, главной целью которого было, якобы, хотя бы частичное покорение Европы и обращение католиков и протестантов в православие. Тут нужно сказать, что элементы политического мессианизма в славянофильстве, действительно, были, но только элементы. Хомяков, как и многие другие русские патриоты, мечтал о водружении креста вместо полумесяца на куполе храма святой Софии в Константинополе. Освобождение западных и южных славян от немецкого и турецкого владычества воодушевляло славянофилов и значилось в неофициальной программе славянофильства, но далеко не все славянофилы разделяли эти мечтания. Так, Иван Киреевский, один из главных философских столпов славянофильства, был весьма равнодушен к делу освобождения славян. Но Хомяков был не только

философским, но и политическим славянофилом, правда, без особого упора на политику.

В своей книге «Очерки по истории русской философской и общественной мысли» (Франкфурт, 1968), я проводил принципиальное различие между славянофильством как религиозно-философской доктриной и панславизмом как движением по преимуществу политическим. Это различие нельзя понимать слишком буквально, — некоторые славянофилы были и панславистами. Но, в целом, у славянофилов политический аспект играл вторичную роль, подчиненную их религиозно-философским концепциям. Славянофилы верили в русский народ и его высокое призвание, но мысль о покорении иных народов силою меча была им чужда. Если некоторые славянофилы и мечтали иногда о том, чтобы и на Западе воцарилось православие, то это было именно мечтой, а не входило в программу славянофильства.

А что касается миссионерства православия (никогда не бывшего сильной стороной славянофильства), то — какое учение не стремилось обратить иноверных в правоверных? Весь вопрос в том, делается ли это силой или пропагандным нажимом, — или свободной проповедью. В этом духе сам Хомяков говорит: «В делах веры принужденное единство есть ложь, и принужденное послушание есть смерть». Эти слова являются неопровержимым опровержением обвинений по адресу славянофилов в том, что они стремились обратить в православие католиков и протестантов.

Мессианизм в учении славянофилов, действительно, был, но это был благородный мессианизм, вытекавший из веры в свою правду, а не из ненависти к иноверным. Я лично думаю, что всякий мессианизм, даже самый

благородный, подлежит осуждению, как подлежит осуждению всякая национальная или религиозная исключительность. Но, даже при этих оговорках, нельзя отказывать славянофилам в благородстве, что видно из их осуждения всякой национальной и религиозной гордыни. Об этом недвусмысленно говорит тот же Хомяков:

«Не терпит Бог людской гордыни,
не с теми Он, кто говорит
мы — соль земли, мы — столп святыни,
мы — Божий меч, мы — Божий щит.»

У ранних славянофилов было много религиозного воодушевления, но не было фанатизма.

Несостоятельны также обвинения западных критиков в том, что славянофильство, якобы, представляло собой духовную реакцию, поскольку они звали не вперед, а назад, к старым, благочестивым временам.

Славянофилы, действительно, стремились к восстановлению цельности духа, свойственной святым отцам восточного благочестия (особенно греческим, но также и русским). Но они не отвергали и светской мудрости, содержащейся в учениях западных философов, более близких нам по времени. С одной стороны, Иван Киреевский, этот поклонник восточного любомудрия, писал: «Святые отцы, не увлекаясь односторонностью силлогистических построений, держались постоянно той полноты и цельности умозрения, которое составляет отличительный признак христианского любомудрия».

Но, с другой стороны, он же замечает: «возобновить философию святых отцов в том виде, в каком она была в то время, теперь невозможно», ибо «любомудрие святых отцов представляет собой только зародыш будущей философии». Киреевский хочет, чтобы «православное

просвещение овладело всем умственным развитием современного мира, чтобы, обогатившись мирской мудростью, истина христианская тем полнее и торжественнее явила свое господство над относительными истинами человеческого разума».

Во всех этих цитатах видна не только глубокая вера славянофилов в свою правду, но и уважение к современной мирской мудрости, против абсолютизации которой они боролись.

В своем несомненном православно-русском мессианизме, славянофилы были чужды ненависти к Западу (Хомяков называл Запад «страной святых чудес»). Они признавали и относительную правду современной им западной мысли (т.е. философии Канта, Шеллинга и Гегеля). Они не дожили до поветрия материализма, охватившего западную мысль в начале 60-х годов, но нет сомнения, что они жестоко осудили бы это поветрие. (Это сделал отчасти младший славянофил Ю. Самарин в своих «Письмах о материализме», а несколько позже Вл. Соловьев). И нет сомнения, что это материалистическое поветрие осудили бы и такие великаны западной мысли, как Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель.

Но вернемся к теме: национальная идея была подчинена у славянофилов идее религиозной, и об этом нужно помнить всем историкам и критикам славянофильства. В дальнейшей эволюции славянофильства об этом примате религиозного над национальным все более забывалось, хотя никогда явно он не отвергался. Вл. Соловьев в своей поздней знаменитой полемике справедливо осудил позднейшее славянофильство за уклон в «зоологический шовинизм», за его возвеличение русскости в ущерб вселенскости. В ходе этого спора Соловьев даже утверждал, что в этом повинны отчасти и

ранние славянофилы, но это было уже несправедливым выпадом, сделанным в пылу полемики.

Для нас важно отметить, что мессианизм ранних славянофилов носил не только религиозный, но и гуманистический характер, и никогда не переходил в нетерпимый фанатизм. В силу этого, их мессианизм заслуживал бы с большим правом наименования «миссионизма». Они верили в великую миссию русского народа и русского православия, но никогда не сбивались на ненависть к иным народам и иным вероисповеданиям, хотя и критиковали иногда их.

На этом констатировании я хотел бы оставить в стороне исторические реминисценции и обратиться к более углубленному выяснению самого термина «миссионизм».

Миссионизм предполагает веру в свое высокое призвание (в чем он сходится с мессианизмом). Только он относится с уважением к призваниям иных народов и культур. Но поскольку у многих возражения может вызвать не только мессианизм, но и миссионизм, я хотел бы высказать несколько соображений в его защиту.

Поскольку мы утверждаем индивидуальную человеческую личность в ее неповторимости и незаменимости и поскольку мы стоим на почве христианского мировоззрения, мы должны считать, что каждый человек призван Творцом осуществить какое-то индивидуальное задание, в направлении осуществления заветов христианства.

В этом смысле каждый человек имеет какую-то свою миссию, какой скромной и внешне незаметной она ни была бы. Ибо если каждый человек создан по образу и подобию Божию, то он должен стремиться стать достойным такого подобия. Эта же мысль применима,

пусть со специфическими ограничениями, и к отдельным народам. Я далек от мысли считать народы «коллективными личностями». Но я думаю, что каждый народ — больше чем только агрегат составляющих его этнических единиц. Во всяком случае, народы суть коллективные единства личностного характера. Каждый народ — единственен в своем роде, непохож на другие народы. Каждый народ имеет свои достоинства и свои недостатки, и каждый народ должен стремиться выявлять свои лучшие, а не худшие качества и потенции. В этом смысле можно сказать, что у каждого народа есть своя «миссия». Говоря о том, что каждый человек не исчерпывается своей данностью, а имеет перед собой некое задание, проф. Н. Лосский называет это задание — «индивидуальной нормативной идеей». По отношению к народам такое утверждение можно сделать только с большими оговорками. Тем не менее, пусть с оговорками, но и каждый народ должен осуществлять свои лучшие, а не худшие качества, и в этом смысле можно говорить о миссии данного народа.

Миссионизм не видит в своем народе исторического Мессию, и не стремится возвеличиться за счет иных народов, он стремится лишь к тому, чтобы его народ выполнил свой исторический и христианский долг.

Иными словами, миссионизм гораздо скромнее мессианизма, но он не отрекается в то же время от императива своего исторического предназначения. Приведу примеры: когда Гегель утверждал, что главная идея, которую были призваны осуществить древние греки, была идея Красоты — Гармонии, тогда как главная идея, одушевлявшая древних римлян, была идея Права, — он дал пример толкования истории в духе миссионизма. Ибо идеи красоты и права не находятся в

состоянии взаимного конфликта, обе идеи — совместимы. Гегель мог ошибаться в своей историософии, но я хотел подчеркнуть отсутствие исключительности в его понимании призвания народов.

Я отлично сознаю, что термин «мессианизм» настолько вошел в философскую публицистику, что мало кто согласится принять термин «миссионизм», поскольку идеи, обозначаемые этими терминами, сходны между собой (хотя далеко не тождественны!). Но я хотел бы, чтобы историки и критики, употребляя термин «мессианизм», все-таки отдавали себе отчет в том, что в применении к ранним славянофилам, этот термин нуждается в каких-то ограничительных прилагательных (напр. «гуманистический», или «умеренный» мессианизм). Иначе читатель составит себе отрицательное и превратное мнение об учениях Хомякова и Киреевского.

И еще одно замечание: поскольку за термином «мессианизм» установилась (иногда неоправданная) отрицательная репутация, русским мыслящим патриотам и апологетам православия лучше избегать этого слова при обозначении своего кредо. В то время как термин «миссионизм», из-за своей новизны, а также в силу присущего ему самоограничительного смысла, — еще не успел обрасти отрицательными ассоциациями.

Постараюсь предупредить еще одно возможное возражение. Если в Советском Союзе, вопреки всем мерам угнетения религии, все-таки происходит какое-то религиозное возрождение, то это не обязательно возрождение православия. Православных в России среди верующих христиан еще большинство, но все-таки многие склоняют свое ухо к проповеди иных вероисповеданий — адвентистов седьмого дня, баптистов и так далее. Православным людям ни в коем

случае не следует относиться с враждебностью к этим иным вероисповеданиям. Среди них тоже много мучеников. Нужно только вдуматься в причины относительного успеха протестантских сект. Главная причина, по-моему, должна быть ясна: в православии за обрядностью часто забывается благая весть Евангелия, о которой вышеупомянутые секты говорят более прямым, «рациональным» языком. Поэтому православным пастырям, да и мирянам, следует обращать больше внимания на содержание православно-христианской веры, в том числе на разъяснение смысла тех или иных обрядов. Отлично понимаю, что на пути к этому стоят почти неодолимые препятствия, прежде всего, фактический запрет проповедей. Единственный православный пастырь, имевший смелость проповедовать содержание православной веры, отец Дмитрий Дудко, недавно был арестован, а затем принужден «признать свою вину». Но кое-что можно делать и при помощи негласных проповедей, передаваемых «от уха к уху».

Главное в том, что православным христианам в России следует относиться к своим сектантским собратьям именно как к собратьям по вере и по несчастью, а не пытаться конкурировать с ними. Эти сектанты прежде всего наши союзники по вере, и лишь в последнюю очередь — наши соперники.

Предвижу еще одно возможное возражение: а зачем вообще нужны все эти мессианизмы или миссионизмы в общенациональной религиозной жизни? Не лучше ли было бы, если каждый верующий просто исполнял свой религиозный долг в меру своих возможностей и сил? Подобное возражение делается с позиций сугубого индивидуализма, вряд ли приемлемого для церкви. Ведь

каждый верующий,— не только он сам, но еще и член церкви. Церковь, конечно, поощряет индивидуальную молитву, но она ожидает от верующих и молитвы соборной! Церковь есть богочеловеческий организм Христов, включающий в себя и Богоматерь, и сонм святых. Между индивидуальной и соборной молитвой не может быть противоречия,— одно здесь восполняет другое.

Миссия данного народа не есть выдуманная людьми программа, которую нужно осуществлять, а есть некая «заданность», которая ощущается чисто интуитивно, с помощью религиозной интуиции. Как говорил Владимир Соловьев: «идея народа не есть то, что народ думает о себе во времени, а то, что Бог думает о народе в вечности». И надо угадывать мысль Божью о русском народе, а не мудрствовать лукаво, будучи движимы повышенным национальным самолюбием. Но вот что я считаю нужным еще сказать:

Религиозная жизнь в Советском Союзе настолько придавлена жесткими мероприятиями атеистической власти, что напрашивается вопрос: о каком мессианизме или миссионизме может идти речь, когда главное — лишь бы уцелеть, лишь бы сохранить за собой право и возможность молиться коллективно?

Мы знаем тот жестокий факт, что достать Библию в Советском Союзе — дело редкой удачи. Большинство верующих плохо знает даже элементарные молитвы.

И если религиозная жизнь в Советском Союзе, несмотря на все эти кошмарные препятствия, все же держится в значительной части народа, и количество верующих, судя по всем данным, за последние 30 лет скорее увеличилось, чем уменьшилось — то это нужно отнести за счет чудес, которые все-таки бывают иногда в

истории народов. А потом,— кто знает? — может быть, миссия русского православия заключается именно в том, чтобы выстоять в вере, несмотря на все преследования. Может быть, миссия русского православия заключается в раскрытии положительного смысла страдания?

Выстоять в вере в советских условиях ее угнетения значит не только сохранить веру, но и существенно обогатить ее. Хотел бы еще раз подчеркнуть, что слово «миссия», особенно в применении к России, не означает какой-либо религиозной «программы», которую верующим надлежит «выполнять». Миссией может быть раскрытие лучших потенций, заложенных в верующей части русского народа. Но здесь мы вступаем в область коллективного сверхсознания, которая почти непроницаема для рассудка.

Я лично считаю, следуя здесь во многом (но не во всем) раннему славянофильству, что специфическими свойствами православия являются дух братства и смирения. Славянофилы жестоко ошибались в своей вере в простой русский народ, как в бессознательного носителя православной веры. Это народопоклонство, которое от них переняли и Герцен, и народники, не выдержало испытания истории, и было бы неразумно его обновлять. Но их выдвигание братства и смирения как христианских добродетелей, которые особенно (но не исключительно) свойственны русским,— думается, является глубоко оправданным. И эти драгоценные качества, думается, можно проявлять при любых условиях.

Давно уже было замечено, что перегородки между людьми гораздо непроницаемее на Западе, чем на русском Востоке. На Западе, обобщенно говоря, межличная дружба гораздо менее распространена, чем

на русском Востоке, где общение между людьми происходит гораздо более интенсивно. Я не думаю, что этот «дар братства» объясняется лишь племенными особенностями русских или украинцев, этот дар братства выпестован и воспитан именно православием, хотя бы он проявлялся не только в чисто религиозной области. И явить миру эту культуру братства — один из существенных моментов русской православной миссии.

То же, в основном, относится и к смирению. Мне кажется, что православные русские люди особенно восприимчивы к заповеди Христа — «блаженны нищие духом». Христос имел здесь в виду, конечно, не слабоумных, — Он имел в виду, по глубокому моему убеждению, людей, смиренно сознавших свою грешность и свою малость перед лицом Всевышнего. Достоевский был одним из немногих, кто понял, что смирение не есть самоуничтожение, а высшее достижение внутренней свободы. Его знаменитый призыв: «смирись, гордый человек», обращен именно к гордыне ума, которой страдали столь многие из русской интеллигенции, возомнившей себя носителями высшей правды помимо и против христианства. Именно в гордыне человеческой видел Достоевский едва ли не главный источник всех зол. Такие герои произведений, как князь Мышкин в «Идиоте» и старец Зосима в «Братьях Карамазовых» сильны именно своим смирением (в черновых записях к «Идиоту» имеется даже фраза: «смирение — страшная сила»).

Глубокие, иногда почти нечеловеческие страдания, через которые проходит русский народ, неисповедимыми путями способствуют выработке добродетели смирения, без которой трудно войти в Царство Небесное.

Кроме того, русские, вообще говоря, очень

восприимчивы к красоте, чем и объясняется обилие талантов в музыке, живописи, поэзии и т.д. И русские умеют быть особенно восприимчивыми к духовной красоте. Красота православного богослужения, особенно явно выражающаяся в празднике Воскресения Христова, может служить тому убедительным примером. Соответственно, духовная красота — одно из покоряющих свойств православия и русской православной культуры. И, может быть,— явить миру эту духовную красоту,— один из существенных аспектов миссии русского православия.

Суммируя, я сказал бы следующее:

«Миссионизм» означает решительный отказ от какого бы то ни было политического мессианизма. Россия, именуемая теперь Советским Союзом, вобрала в себя больше национальностей, чем она может вместить. И нам, в политическом плане, не следует вообще думать о территориальной экспансии, а скорее о самоограничении (в чем прав Солженицын). Но с тем большей актуальностью выступает вопрос о духовном призвании России.

Еще несколько заключительных слов на тему об идее «святой Руси». Любой добросовестный историк России скажет, что святой Руси никогда не было. Хотя были периоды, когда из среды русских монахов выдвигались настоящие святые. Имя св. Сергия Радонежского до сих пор по праву окружено ореолом, и мы знаем, что этот святитель принял участие и в политической жизни, благословив воинов князя Дмитрия Донского на предстоящую кровавую битву на Куликовом поле. Число русских древних святых достигает внушительной цифры (для таких Божиих избранных). Но наличие святых в древней Руси еще не делает ее святой страной.

Центр тяжести идеи «святой Руси» не в этом, — он в том, что святость читается верующими русскими (м.б. более чем другими) в качестве верховного идеала. Французы называют свою страну «прекрасной Францией», англичане называли свою страну «гордым Альбионом», но только, кажется, русские, желая представить себе Россию в ее идеальном аспекте, называют ее «святой Русью». Однако, представить себе, чтобы русский народ, повинный в столь многих тяжких грехах, даже после «коллективного раскаяния» (к которому призывает Солженицын), станет святым народом, — очень нереально.

В мечте о «святой Руси», повторяю, ценно, что святость читается верующими русскими в качестве верховного идеала. Но руководиться идеей «святой Руси» даже в самом отдаленном будущем — вряд ли реально. Никому не возбраняется мечтать, — и мечта о «святой Руси» возвышенна и даже может, в порядке иррадиации, озарять своим светом души верующих русских.

В качестве же «нормативной идеи» эта мечта утопична. Но не утопичны — возможно более полное воплощение духа братства, не утопично смирять свою гордыню христианским смирением. И не утопично быть восприимчивым к духовной красоте и воплощать ее в религиозном искусстве.

Миссионизм и призывает к осуществлению этих высоких христианских добродетелей, в то время как messiанизм, предполагающий, по определению, веру в свою исключительную избранность, заражен явной или тайной гордыней и не сможет принести истинно добрые плоды.

В.И.АЛЕКСЕЕВ и Феофан СТАВРУ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Можно сказать с достаточным основанием, что за две тысячи лет существования христианства не было гонений, подобных гонениям в России, начатым в 1917 г. коммунистической партией, провозгласившей атеизм своей официальной религией. Игра на различии советского государства и коммунистической партии нисколько не меняет существа дела — власть над русским народом захвачена атеистами. Более кровавых, систематических и настойчивых преследований религии человечество не знает. Из сказанного не следует, что напряженность гонений все шестьдесят с лишним лет была одинакова. Были некоторые колебания стрелки, но стрелка эта была всегда направлена на атеизм.

И вот, после второй Мировой войны все в большем количестве книг, журналов и газет, выходящих в свободном мире, все чаще и чаще отмечаются признаки роста интереса к религии, приводятся факты возвращения к Церкви. С точки зрения марксизма, это настоящая идеологическая катастрофа. Религия, как всякая идеология, должна быть объяснена экономическими факторами. Уничтожение капиталистического базиса в России должно было автоматически привести к исчезновению религиозного чувства. Объяснять пережитками живучесть религии в России можно только в отношении поколения, выросшего в России

дореволюционной, а таких людей остались единицы. Совсем невозможно, с марксистской точки зрения, объяснять возвращение к религии интеллигентной молодежи, детей тех, кто родился и вырос уже при коммунистической власти. Недаром на помощь призвана психиатрия, но всю верующую молодежь России даже коммунистическая власть не способна посадить в сумасшедшие дома.

Религиозное возрождение в России не без основания объясняется авторами, пишущими в свободном мире как, прежде всего, крах марксизма-ленинизма и поиски новых идеалов. Играет роль и рост российского патриотизма, и противоречия между теорией и практикой советской конституции, и мощное, никогда не прекращавшееся, влияние тысячелетней русской культуры, развивавшейся на основании культуры православной.

Знаменательно, что именно А.И.Солженицын, писатель, родившийся в 1918 г., уже после революции, потряс мир показом попытки коммунистической власти расчеловечить целый народ и борьбу народа против этого расчеловечения. Главную роль в сопротивлении расчеловечению русского народа сыграла Православная Церковь.

Борьба коммунистической власти с Православной Церковью прошла через несколько этапов. Вот главные из них:

1917-1927 гг. — Открытая борьба власти с возглавлением Русской Православной Церкви; попытка власти организовать модернистическую революцию внутри Церкви (обновленчество); арест Патриарха Тихона; неприятие народом обновленческого движения; освобождение Патриарха Тихона благодаря провалу обновленчества и протестам в свободном мире; смерть

Патриарха, арест Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра.

1927-1941 гг. — Декларация заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия (Страгородского), включающая фразу: «Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи;»¹ неприятие декларации Митрополита Сергия значительной частью епископата, духовенства и паствы; жесточайшие репрессии власти против непринявших декларацию; образование подпольной катакомбной Церкви, существующей до настоящего времени, в частности, в лице Истинно Православной Церкви и Истинно православных христиан, упоминания о которых постоянно встречаются даже в советских книгах и периодической печати.

1941-1959 гг. — Значительное ослабление преследования религии в России в связи с началом войны, религиозного подъема на оккупированной немцами территории (тема настоящей работы) и распространение влияния этого подъема на всю Россию после окончания войны.

1959 г. — нынешнее время — Хрущевское гонение на религию и Церковь в России (1959-1964 гг.); некоторое ослабление гонений после устранения Хрущева от власти; выработка новых форм атеистической работы, в частности, широкое использование неустойчивых элементов внутри Церкви, вплоть до принудительного введения в церковные советы членов совета и старост атеистов.

Настоящее исследование ставит своей задачей изучить только одну, хронологически незначительную часть приведенной выше схемы послереволюционной истории Русской Церкви, а именно религиозное возрождение на оккупированной немецкой армией

территории (1941-1944 гг.) и показать влияние этого возрождения на ослабление гонений на Церковь в самой России, продолжавшееся до 1959 года.

В вводной главе, I, дается самый общий обзор главных событий в истории Русской Православной Церкви с 1917 по 1939 год. Надо сразу подчеркнуть, что германский фашизм был не менее враждебен христианству, и особенно Русской Православной Церкви, чем советский коммунизм. Тем не менее, их столкновение, приведшее к оккупации германской армией значительной части территории СССР, приблизительно с одной третью населения страны, создало особые условия, сыгравшие решающую роль в судьбе Русской Православной Церкви.

В начале оккупации национал-социалистическое правительство Германии не имело ясно сформулированной политики в отношении религии на оккупированной территории, а немецкая армия отнеслась скорее с симпатией к стихийному религиозному подъему на оккупированной территории. Население России по недоразумению приняло гитлеровское нападение как крестовый поход против коммунизма. Когда цели «крестового похода» стали ясны, население продолжало использовать возможность относительной религиозной терпимости для того, чтобы восстановить Православную Церковь. В целом, по размаху и интенсивности, это религиозное возрождение может быть названо вторым крещением Руси. Странно, что многие историки, писавшие о Русской Православной Церкви под советским режимом, почти полностью игнорировали эту важнейшую главу в истории православия и не заметили влияния религиозного взрыва на изменение коммунистической политики в отношении Церкви и религии. Например, Джон Шелтон Кертис, американский ученый, много лет занимавшийся историей Русской Православной Церкви, даже не упоминает об этом исключительно

важном событии в своей в целом хорошо документированной книге;² а Никита Струве только кратко затрагивает эту тему в книге, написанной значительно позднее книги Кертиса.³ Счастливым исключением является книга Фридриха Хайера,⁴ широко использованная в настоящем исследовании. К сожалению, она посвящена только истории Православной Церкви на Украине и по этой причине не оценивает влияния периода 1941-1944 гг. на историю Русской Православной Церкви в целом.

Между тем, многие общеизвестные исторические факты могли бы, и без специального изучения, навести мысль на влияние событий, происходивших на оккупированной территории, на советскую политику в отношении Русской Православной Церкви. В самом деле, почему, например, Сталин и Молотов приняли трех уцелевших от гонений митрополитов во главе с Местоблюстителем Сергием в сентябре 1943 г., а не после начала войны, когда особенно была нужна идеологическая помощь Церкви, и такая помощь была оказана Митрополитом Сергием, выпустившим первое патриотическое воззвание уже 22 июня 1941 г.? Почему ждали до 4 сентября 1943 г. с приемом, а потом так торопили с выборами Патриарха, что они произошли уже через четыре дня после приема — 8 сентября 1943 г.? Кстати, Митрополит Сергей ждал этих выборов со времени своей верноподданнической декларации 1927 г. Ответ, казалось бы, прост: с конца 1943 г. началось широкое отступление немецкой армии, и надо было что-то делать с тысячами церквей, заново открытыми населением на оккупированной территории. Надо было бесконтрольно восстановленное православие ввести в контролируемые властью рамки Московской Патриархии, а для этого укрепить престиж последней. Одним словом, сила религиозного возрождения, проявившаяся на оккупированной территории, заставила Сталина избрать курс временного сосуществования с Церковью и религией.

Решительное смягчение советской политики в отношении религии в сентябре 1943 г. не было мгновенным. Ряд менее заметных и ясных мероприятий предшествовал этой дате. Уже раздел Польши между Гитлером и Сталиным в 1939 г. принес небольшое облегчение, но причина облегчения была аналогичной событиям 1943 г. Ведь раздел Польши тоже обозначил включение в границы СССР нескольких миллионов православно верующих белорусов и украинцев с неразрушенной религиозной жизнью и 1200 приходами. Возвращение оккупированной территории с многими тысячами открытых вновь церквей и многими миллионами верующих, открывших эти церкви, принесло религиозный НЭП. Оба факта: облегчение гонений в 1939 г. и изменение политики в 1943 г. показывают, что даже диктатуры типа сталинской должны в какой-то степени считаться с настроением населения, особенно в момент национального кризиса или при расширении территории.

Настоящее исследование является результатом многих лет работы, раздумий, опроса многих свидетелей и специалистов, без советов и помощи которых оно не могло бы быть закончено.*

---

* Эта большая работа здесь, в журнале, печатается с сокращениями (сокращен и следующий в этом месте длинный перечень лиц), которые будут восстановлены в отдельном ее издании. Названия работ, на которые ссылаются авторы, даем только в переводе на русский язык, для упрощения и ускорения набора (Ред.).

Глава I

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, 1917-1939 гг.

I Период: 1917-1927 гг.

Известный греческий писатель Николай Казантзакис в одной из ярких глав книги, описывающей его путешествие по Советской России через десять лет после коммунистической революции, касается вопроса религии.⁵ Казантзакис принадлежал к группе западной интеллигенции, очарованной марксистским решением проблемы спасения мира от безнадежного тупика, создавшегося в период между двумя мировыми войнами. Как и другие подобные ему левые писатели, Казантзакис посетил Советский Союз и как гость советского правительства, и как обычный путешественник.

Отношение Казантзакиса к Советской России в общем осталось сочувственным. Он гордился тем, что поехал в Советский Союз без предвзятого мнения, с желанием увидеть в точности то, что там происходит в действительности.

Его комментарии к сценам, связанным с религией, приобретают особый интерес еще потому, что он был, может быть, единственным западным интеллигентом, родившимся в православной семье на Крите и, несмотря на конфликт с Греческой Православной Церковью, сохранившим чуткое отношение к религиозным потребностям человека. Кроме того, Казантзакис выше всего ценил формирующее влияние православия в истории греческого и славянских народов, и, кроме того,

интересовался борьбой между идеями и государственными системами. С этой точки зрения Советский Союз был великолепным опытным полем для величайшей борьбы между религиозной верой и воинствующим философским атеизмом, поддержанным всей мощью государственного аппарата. Поэтому Казантзакис не жалел усилий для того, чтобы вникнуть в положение религии и, особенно, православия в СССР. Он посещал церкви, антирелигиозные музеи, рынки и беседовал с людьми из всех слоев населения. По нашему мнению, при всех своих достоинствах как наблюдателя, Казантзакис все же недостаточно почувствовал глубинную силу русского православия, зато внешняя картина того периода нарисована им верно и остро. Картина эта мрачна и безнадежна. Вот что, приблизительно, Казантзакис пишет в своем ярком, оригинальном стиле:

«Я знаю резного ангела на центральной московской улице, висящего как раненая птица над дверью храма, которую он должен был охранять, и металлическую икону Святого Николая на известном московском перекрестке, тоже еле прибитую и готовую ежеминутно упасть на покрытый снегом тротуар. Когда дует ветер, ангел стонет и вскрикивает, и никто не позаботится выпрямить и укрепить или оторвать его совсем и этим прекратить страдания. Святые в России голодают, ангелы страдают, а религия гонима, как буржуй».

Казантзакис старался видеть весь феномен как борьбу за сердце советского человека и, по всем доступным измерению стандартам, по его мнению, в конце 1920 годов у коммунизма были все преимущества перед любой организованной религией. Несмотря на то, что на Казантзакиса произвела большое впечатление духовность русских православно верующих, которых он видел в немногих нетопленных храмах, он считал их группой

людей, собравшихся для того, чтобы проститься со своей религией и очистить место для нового победителя. Он был свидетелем того, как коммунисты в своих речах, газетах, книгах, школах, во всей своей пропаганде безжалостно нападали не только на христианство, но и на все религии вообще. Слова Маркса «Религия — опиум для народа», по его наблюдениям, в Советском Союзе принимались всерьез. Казантзакис наблюдал, как в школах не только запретили преподавание Закона Божия, но учили систематически и фанатически, что Господь и дьявол — изобретение священников и что человек просто продукт земли, что он вышел из земли и уйдет в землю. Материалистическое мировоззрение прививалось с начальной школы. Книги с религиозным направлением не печатались. Были открыты специальные музеи атеизма, пропагандирующие дарвинскую теорию эволюции, но Казантзакис быстро заметил и другое: коммунисты, «освобождая» от старой религии, создавали новую и, постепенно, у них складывалась коммунистическая «литургия». Часто детям назначали крестных из членов рабочих клубов и новые «крестные» давали детям вместо имен святых такие имена: Нинель (анаграмма Ленина), Труд, Профсоюз и т.д.

Казантзакис был особенно поражен религиозным фанатизмом пропагандистов-антирелигиозников, которых он наблюдал на работе, когда посетил главу издательства журнала «Атеист». Большое помещение было полно редакторов, мужчин и женщин, ученых, специалистов по точным наукам, богословов, сатириков и карикатуристов. Склоненные над столами, они писали с необыкновенным жаром свои популярные сатирические статьи против религии. Когда уродливая женщина, рыжеволосая, с папироской в зубах гордо показала ему стопки журналов, Казантзакис заметил, что они были

полны карикатур. Пьяные монахи танцевали в кабаке; неприличные шутки и поговорки чередовались друг с другом. Стены помещения тоже были покрыты карикатурами на духовенство и религию. Когда Казантзакис наконец встретился с главой издательства, с тонким, аскетического вида рыжебородым субъектом, «с языка которого капал яд», то почувствовал сильное моральное и умственное отталкивание от этого лидера атеизма и его научной аргументации. В результате своих советских наблюдений Казантзакис приходит к заключению, что старая религия гибнет. У нее еще имеются священники, золотые священные одежды, церкви, красиво звучащие колокола, но жизненная сила ушла из дерева, и оно умирает. Религия будет замещена атеизмом, фанатической религией со своей собственной мистикой и догматикой.

Не будем критически разбирать результаты наблюдений Казантзакиса — в них много правды, но много и ошибочного. Например, церкви в Москве в 1920 годах были переполнены и средним поколением, и даже молодежью. Важно, что впечатления Казантзакиса были типичными и мнения его о судьбе религии в России повторялись в сотнях монографий по этому вопросу и в еще большем количестве мемуаров и путевых заметок иностранцев, посетивших СССР в те годы. Вообще едва ли какая-нибудь научная книга о советском обществе не затрагивала вопроса о судьбе религии. Литература о религии в Советском Союзе громадна, особенно много написано о Православной Церкви.

Что касается советской литературы по этому вопросу, то она, конечно, носит пропагандный характер, но и она иногда может пролить достаточно света на некоторые события, если ею правильно пользоваться.

Два вопроса невольно встают перед изучающим историю Церкви в России. Первый вопрос — как могла страна, бывшая в начале столетия наиболее религиозной в Европе, стать страной атеистической? Вторым вопросом — каким образом религия и, в первую очередь, Православная Церковь выжили в стране такого острого атеизма и сумели создать такой религиозный подъем во время Второй мировой войны? Конец настоящей главы и будет посвящен ответу на эти два вопроса. Из вопроса первого вытекает вопрос третий: может быть, религия в России все равно пришла бы в упадок в 20-ом веке, независимо от коммунистического правительства, как это произошло в других европейских странах. Ведь очень вероятно, что научная и техническая революция повлияла бы на секуляризацию русской жизни. У нас достаточно указаний на то, что Русская Православная Церковь в начале нашего столетия, еще до революции, начала испытывать влияние индустриального века. Все это отчасти так, но несомненно, что основной удар по религии нанесен коммунистами, узурпировавшими власть в октябре 1917 года. Неоднократно открыто заявлялось, что политическая революция 1917 года сопровождалась другой революцией, ставившей себе задачу социально и культурно переделать русский народ. Последнее было бы неосуществимо без предварительного уничтожения религии в сердцах и умах советских граждан. Таким образом, Церковь для коммунистов становилась врагом номер один. Известно, что ни одна другая институция старой России не оказывала такого сильного культурного и социального влияния на русское общество, как Православная Церковь. Это было бесспорно верно в отношении большинства населения, которое официально считало себя православным и которое на пороге Первой мировой войны насчитывало

более ста миллионов. У Русской Православной Церкви было 67 епархий с 54.174 церквями, с 50.105 священниками и дьяконами, с 1025 монастырями, с 94.629 монашествующими. Церковь получала значительные государственные субсидии и собственные доходы.⁶

Когда произошла большевистская революция 1917 года, Русская Православная Церковь только что закончила свою реорганизацию. После почти двухсотлетнего синодального управления было восстановлено патриаршество, отмененное Петром Великим. Этому важному мероприятию предшествовали горячие дебаты и широкая подготовительная работа, начавшаяся еще при государе Николае Втором и увенчанная Всероссийским Собором, открывшимся осенью 1917 года.⁷ Восстановление патриаршества показывало желание верующих и иерархов установить независимость Церкви от государства, но и сохранить подобающее положение Православной Церкви в Православном государстве. Восстановление патриаршества было началом необходимых для Церкви реформ. При Временном правительстве было много обсуждений и споров о церковных реформах. Когда большевики захватили власть, то они, неуверенные в своей победе, не препятствовали интронизации избранного Патриарха, имевшей место 29 ноября 1917 года. Но столкновение Патриарха с комиссарами было неизбежно. Начиная с непримиримого противоречия в мировоззрениях, с высказываний Карла Маркса о религии, как опиуме для народа и прямой их интерпретации Лениным — все исключало возможность разумного диалога.⁸ Несмотря на то, что для коммунистов на всех религиях была печать проклятья, положение Русской Православной Церкви в начале революции было наихудшим. Ведь она была наиболее влиятельной религиозной группой и обладала

значительной экономической и политической силой. И прежде всего, она оставалась после падения монархии единственным символом исторической национальной России. С другой стороны, до окончания гражданской войны коммунисты сдерживали свою ненависть к Православной Церкви, откладывая на будущее попытку ее уничтожения.

Патриарх Тихон стал первым защитником Церкви, стараясь оградить ее от вторжения Советского правительства. Человек большой духовности, готовый принести себя в жертву для защиты Церкви и паствы, Патриарх Тихон в сане епископа сменил несколько кафедр, включая возглавление русской православной епархии в США. Он не обладал особенно сильным характером, но зато у него был большой жизненный и административный опыт. Во время пребывания в Северной Америке в 1898-1907 гг., он показал себя способным установить хорошие отношения с православными группами других национальностей. Коммунистическое наступление на Церковь началось с издания явно атеистических декретов, сначала ограничивших, а потом уничтоживших политическую и социальную роль Церкви. Первой такой мерой была часть декрета от 4 декабря 1917 г., объявившего национализацию всей земли, включая земли, принадлежавшие церквям и монастырям. Практическим результатом этого мероприятия было лишение Церкви материальной базы. 18 декабря того же года был издан другой декрет, начавший процесс вытеснения Церкви из социальной жизни. Декрет отменял признание государством действительности церковных браков и разводов. Этот декрет был частью закона о семье, обнародованного еще раньше. Наиболее важным из всех декретов был декрет от 23 января 1918 г., знаменитый декрет об отделении

церкви от государства и школы от церкви, ставший верстовым столбом в истории взаимоотношений между церковью и государством. Декрет лишал Церковь юридического лица, т.е. вообще легального существования, и запрещал церкви и религиозным обществам владеть какой-либо собственностью. Это значило, что даже литургия могла стать чем-то нелегальным, потому что Церковь теряла все права на церковные здания и даже на утварь. Религиозные группы, как стали именоваться приходы, должны были получать церкви в аренду от государства, но не как представители прихода и, тем более Церкви, а в индивидуальном порядке. Это мероприятие явно имело целью контроль над богослужениями. Чтобы затруднить положение еще больше, Комиссариат юстиции, занимавшийся делами, касающимися религии до 1924 г., издал постановление, согласно которому любое церковное здание могло использоваться одновременно для религиозных и, скажем, антирелигиозных целей, таких как лекции, концерты, показ атеистических фильмов, любых собраний или танцев. Декрет одновременно запрещал преподавание религиозных предметов в государственных и частных школах, где преподавались общеобразовательные предметы

Религиозные предметы можно было преподавать частным образом, но даже это право было ограничено декретом от 13 июня 1921 г., разрешившим такое преподавание только лицам старше 18 лет. Взрослые могли обучаться в семинариях, в которых, с другой стороны, запрещалось преподавание предметов общеобразовательных.⁹

Патриарх Тихон, предвидя издание декрета об отделении церкви от государства, за четыре дня до его

опубликования анафематствовал большевиков в особом послании на основании их предыдущих антирелигиозных мероприятий, призывая верующих прервать общение с коммунистами.¹⁰ Таким образом, началась открытая борьба между Церковью и атеистическим государством, продолжавшаяся 8 лет, до самой смерти Патриарха Тихона, защищавшего независимость Церкви.

Патриарх Тихон был уверен в правильности своих действий. Его полностью поддерживал Собор, одобривший послание Патриарха в постановлении от 19-го января (1-го февраля по стар. стилю) 1918 г.¹¹ Паства, в подавляющем большинстве, поддерживала своего Патриарха. Более того, Патриарх становился лично символом единства православной России (что, как увидим, хорошо учел Сталин через четверть столетия, делая Патриархом покорного ему Митрополита Сергия Страгородского).

Ленин, повидимому, учитывая моральную силу Патриарха, удержал Троцкого, который, как член Государственной комиссии по церковным делам, требовал сурового наказания Патриарха. Таким образом, в течение первого года коммунистической революции Патриарх Тихон выступал с открытыми осуждениями советского правительства, а Ленин вынужден был себя сдерживать. Даже осуждение Патриархом «похабного» Брест-Литовского мира он должен был пропустить мимо ушей, не говоря уже о послании Патриарха, осуждавшего советское правительство в связи с празднованием первой годовщины революции. В последнем послании, перечислив ряд преступлений коммунистов, Патриарх призывал к прекращению насилий и освобождению заключенных.¹²

Однако, декрет об отделении церкви от государства оставался в силе и был подтвержден параграфом 13 первой советской конституции в июле 1918 года. Конституция говорила о свободе религиозной и антирелигиозной пропаганды. Реально это уравнивание возможностей пропаганды (отнятое потом) давало огромное преимущество государству и направляло всю государственную пропагандную машину против Церкви. Духовная армия Патриарха Тихона подверглась дискриминации. Параграф 65 советской конституции 1918 г. поставил духовенство в положение граждан низшей категории, включая получение самого низкого продовольственного пайка, выдававшегося в те годы по карточкам. Часто духовные лица лишались карточек вообще. Кроме того, они не имели права быть членами профессиональных союзов и не принимались на государственную службу. Некоторые профессии, особенно педагогические, были для них совсем закрыты. Еще хуже было положение детей духовенства: им было запрещено учиться в школах выше начального уровня. Духовенство также должно было платить более высокую квартирную плату и было обложено высоким налогом. Все это было частью коммунистической кампании по лишению Церкви официального и неофициального руководства паствой. Эти законы сопровождались бесчеловечным преследованием духовных лиц всех категорий. Тысячи духовных лиц были брошены в тюрьмы без какого-либо суда и, согласно подсчетам эмигрантской прессы, 12.000 духовных лиц было умерщвлено.¹³

Патриарх Тихон, возможно, недооценил безжалостности и решительности своего противника. К концу 1918 года он стал более осмотрительным в своей политике в отношении к власти, отступая в направлении подготовки

продолжения существования Церкви в катакомбах для спасения паствы. Несмотря на потери, понесенные церковью в результате первых столкновений с властью, период до 1921 года был периодом расчетливого сосуществования. Как уже отмечалось выше, неуверенность в исходе гражданской войны и союзнической интервенции создавали неустойчивость во взаимоотношении двух принципиальных противников — Православной Церкви и атеистического государства. К 1921 г. большевики получили уверенность в продолжении своей власти. Гражданская война была закончена. Активные враги были либо уничтожены, либо эмигрировали. Следствием этого было увеличение давления на Церковь и церковные организации.

Для активизации наступления на Русскую Православную Церковь коммунисты использовали три главных предлога. Первым предлогом был Собор православного духовенства, эмигрировавшего за границу и съехавшегося в Сремских Карловцах, в нынешней Югославии, в ноябре 1921 г. Вторым предлогом была конфискация церковных ценностей, находившихся в церковных зданиях, для продажи их с целью, по официальной советской версии, закупки хлеба для голодающих в районе Волги. Третьим предлогом и наиболее, повидимому, серьезным было начало отделения от Русской Православной Церкви раскольнических групп, позволившее правительству начать расшатывать организацию Православной Церкви. Наиболее значительной из этих раскольнических групп была так называемая Живая Церковь.

Карловацкий собор был созван группой русских архиереев при поддержке белых офицеров и бывших царских государственных деятелей и чиновников,

отступивших с Белой армией и нашедших приют в Югославии. Главным действующим лицом этой группы был влиятельный Митрополит Антоний (Храповицкий), получивший в свое время абсолютное большинство голосов из трех кандидатов в патриархи во время выборов на Соборе 1917-1918 гг. Патриарх Тихон был в числе трех кандидатов и стал Патриархом не по большинству голосов, а по жребию. Убежденный монархист, Митрополит Антоний организовал «Высшее русское церковное управление за границей». Решения Карловацкого Собора были использованы Советской властью для создания затруднений Православной Церкви в России. В то время как Патриарх Тихон, несмотря на анафематствование Советской власти, придерживался политики невмешательства в гражданскую войну и, еще 25 сентября 1919 г. издал соответствующий указ духовенству, Собор в Карловцах высказал надежду на восстановление династии Романовых в России.¹⁴ Правительство не упустило случая обвинить Патриарха Тихона за решения Карловацкого Собора. Патриарх отвел это обвинение тем, что, после подробного ознакомления с решениями Карловацкого собора, распорядился распустить Высшее Русское Церковное Управление Заграницей, что и было исполнено заграничным духовенством, фактически только переименовавшим свой руководящий орган в «Синод Русской Православной Церкви Заграницей». Против этого мероприятия Патриарх Тихон уже не протестовал. Советское же правительство продолжало использовать решение Карловацкого Собора до конца 30 годов как оружие против Русской Православной Церкви. Роспуск Русского Высшего Церковного Управления Заграницей обозначал тот предел, до которого Патриарх Тихон готов был отступить при нападении Советской

власти, старавшейся подчинить себе Русскую Православную Церковь.

Одновременно на судьбе Русской Православной Церкви отразились экономические трудности, в которые попала страна по окончании гражданской войны. Восемь лет Мировой и гражданской войны привели страну к экономической катастрофе. Миллионы русских людей гибли от голода. В 1921-1922 гг. разразился небывалый голод, несмотря на помощь, оказываемую различными американскими и европейскими организациями. Коммунистическая власть использовала голод как предлог для отобрания церковных ценностей. Такое решение являлось во многих случаях святотатством, с точки зрения православия и католичества. Вопрос этот заслуживает специального внимания, потому что показывает, с какой быстротой и беззастенчивостью власть овладевала методами психологической борьбы против Церкви. Можно спорить, какая часть церковных ценностей, равнявшаяся, приблизительно, 1.500.000 долларов, пошла на помощь голодающим, особенно если сравнить эту цифру с 13.750.000 долларов, которые Бухарин, ведавший пропагандой за границей, истратил в то же время на эту пропаганду,¹⁵ но создается впечатление, что отобрание церковных ценностей просто имело целью спровоцировать Церковь на враждебные государству выступления, и этим дать последнему предлог для усиления гонений, одновременно дискредитируя Церковь в глазах голодающего народа. Расчет, по крайней мере, частично, оказался правильным: верующие и, особенно, духовенство оказывали героическое сопротивление, защищая святыни. Эти открытые столкновения, часто переходившие в кровавые восстания при защите верующими церквей, привели к судам над верующими и иерархами,

такими, как Митрополит Вениамин, судимый в Петрограде, обвиненный и расстрелянный.¹⁶ Но настоящей мишенью с этого времени стал Патриарх, который, согласно канонам Православной Церкви и следуя постановлениям Собора 1918 г., объявил святотатством конфискацию священных предметов и указал духовенству, что за их добровольную отдачу виновные будут отлучены от Церкви. В связи с голодом, он дал указания отдавать только неосвященные ценности. Это поставило Церковь в положение «святейшей контрреволюции». Патриарх был вызван свидетелем на один из судов в Москве, на суд, получивший название «Суда 44-х», и сам оказался в очень трудном положении. Согласно каноническому праву, он должен был осудить конфискацию освященных предметов; более того, он обязан был заявить об этом при столкновении канонического и гражданского законодательства, хотя и хотел бы подчиниться последнему. Это ослабляло позицию Патриарха в борьбе с государством.¹⁷

Многое можно бы было сказать о смелости церковных руководителей, проявленной в это время, и о затруднениях, которые они создали атеистическому правительству, особенно когда западные государства начали мощные протесты против преследований православной и католической иерархий коммунистами; но, несмотря на поддержку с Запада, положение Патриарха Тихона с каждым днем ухудшалось. В 1922 г. началась массовая антирелигиозная кампания. Появился еженедельник «Безбожник». Патриарх был заключен под домашний арест, и его будущее было неопределенно. В эти критические дни начался раскол, угрожавший единству Русской Православной Церкви, осложнивший положение самого Патриарха и его отношение с

властью. Раскольническое движение состояло из нескольких независимых групп, носивших отдельные названия, которые в конце концов получили общее наименование «Живой Церкви» (так в начале называлась одна из небольших модернистских групп), с наиболее известным ее представителем Александром Введенским. Высшее церковное управление стало их главным координирующим органом. Волтер Коллар написал о них: «Все они отличались от Патриаршей Церкви своей подобострастной просоветской позицией и демонстративным сочувствием коммунизму».¹⁸

Одним из способов, при помощи которых руководители Живой Церкви, по большей части прогрессивные священники Петрограда, показывали свои коммунистические симпатии, было настойчивое отрицание правильности запрещения Патриархом отдавать освященные предметы в момент национального кризиса. Многие из них добровольно являлись в суды в качестве свидетелей обвинения против собственных епархиальных руководителей, которые, подчиняясь распоряжению Патриарха Тихона, сопротивлялись изъятию церковных ценностей. Показания живоцерковников играли решающую роль в осуждении и казни многих церковных руководителей.

История Живой Церкви, вероятно, является наиболее темной страницей церковного оппортунизма. Под предлогом желая проведения широких реформ в Русской Православной Церкви, которые соответствовали бы реформам революционной власти, живоцерковники хотели захватить руководство Церковью путем безоговорочного подчинения атеистическому правительству. Последнее, в свою очередь, поощряя церковный раскол, помогало этому движению и, в частности,

разрешило публикацию журнала «Живая Церковь», который начал выходить с 12 мая 1922 г.

Изобретательность Живой Церкви была безгранична. Когда Патриарх находился под арестом, ее представители были допущены к нему и убедили Патриарха назначить Митрополита Ярославского Агафангела Патриаршим Местоблюстителем, т.е. его заместителем. Митрополит Агафангел должен был приехать в Москву и немедленно собрать всероссийский собор для решения вопроса о направлении церковной политики. Зная, что живоцерковники действуют по заданию Советской власти почти как представители последней, Патриарх сперва заколебался, тем более, что Митрополит Агафангел был весьма достойным иерархом. В это время возглавители Живой Церкви выпустили прокламцию, в которой обвиняли Патриаршую Церковь в попытке свергнуть советское правительство. Кроме того, они объявили о согласии советского правительства на созыв собора, который должен был судить виновных иерархов и рассмотреть вопрос о церковном управлении. Иными словами, живоцерковники хотели быть признанными как официальное возглавление Русской Православной Церкви. Бесчестными методами, с помощью власти, они захватили контроль над патриаршей канцелярией, укрепив этим свое положение, тем более, что Патриарх 5 августа 1922 г. был заключен в тюрьму. Согласно мнению историка Стратонова, сторонника Живой Церкви, эти события ускорили начало церковного раскола в Русской Православной Церкви.¹⁹

Из вышесказанного видно, каковы были главные цели Живой Церкви. Надо учитывать, что, поскольку подавляющее большинство лидеров Живой Церкви

были священники, они хотели вообще передать руководство Русской Церковью из рук черного, монашествующего епископата в руки белого приходского духовенства. Они хотели также отменить патриаршество и заменить его синодом, в котором преобладали бы священники. Но что более важно, они, как уже было отмечено, хотели активного участия Церкви в коммунистической политике и социальной перестройке. Живая Церковь хотела быть революционным движением в революционной стране. Практически революционные церковные группы взяли на себя задачу атеистического государства сначала разделить православную паству, а затем уничтожить организованную церковную иерархию. Замешательство в рядах духовенства, вызванное судебными процессами и арестом Патриарха, так же как и провокациями Живой Церкви, отразилось на деятельности так называемого Второго Всероссийского Собора, наскоро собранного Живой Церковью в апреле 1923 г. Из 430 делегатов 250 принадлежали к Живой Церкви. Странники Патриарха все же насчитывали 45 делегатов, избранных и приехавших на Собор вопреки воле самого Патриарха.²⁰

Религиозное собрание, собранное живоцерковниками в 1923 г., может быть рассматриваемо как высшая точка советской антирелигиозной кампании 20-х годов. Священники Александр Введенский и Красницкий, являвшиеся лидерами Живой Церкви, решительно отрицали патриарший образ управления Церковью и яростно нападали на Патриарха Тихона, которого заочно судили и осудили, лишив не только патриаршества, но и духовного сана, что стало наиболее сенсационной частью деятельности «Собора». Затем «Собор» отменил патриаршество и заменил его Высшим Церковным Советом. Не менее важными были

политические установки «Собора», выраженные в различных резолюциях. Резолюции эти требовали от верующих поддержки атеистического коммунизма (требования, характерные и для современной Московской Патриархии), который они именовали борцом за гуманистическую правду и которому хотели помогать в достижении целей, поставленных Октябрьской революцией. В резолюциях отрицалось, что Советская власть преследует Церковь и внушалось верующим, что коммунизм стремится государственными методами осуществить идеалы Царствия Божия на земле.²¹

Опьяненные временным успехом, живоцерковники не учитывали, что советское правительство, поощрявшее их услуги по развалу Русской Православной Церкви, не торопилось признать Живую Церковь единственным представителем Русской Православной Церкви. Осторожность правительства объяснялась тем, что большинство паствы осталось верным арестованному Патриарху. Кроме того, за границей поднялась волна протестов против ареста Патриарха, начиная с Синода Русской Православной Церкви Заграницей и кончая Архиепископом Кентерберийским и Лордом Керзоном, министром иностранных дел Англии. Все это может объяснить поведение советского правительства в отношении заключенного Патриарха, который был освобожден в обмен на противоречивое покаяние.

Покаяние Патриарха Тихона, опубликованное в советской печати, открывает серию проблем, встающих перед историком Церкви в СССР в связи с рядом аналогичных документов, время от времени публикуемых в советской печати. Трудность установления подлинности подобных документов сводится к тому, что каждый документ может быть подлинным в полном смысле этого слова, но возможно и другое. К

подлинному документу могли быть сделаны любые добавления, против которых не было возможности протестовать в печати, а протестовать устно крайне опасно. Наконец, документ мог быть просто фальсификацией, опровергать которую было невозможно по вышеупомянутым соображениям. Мог быть и случай, когда духовных лиц заставляли подписывать не ими составленные документы. Примером прямой фальсификации, очевидно, может считаться так называемое Завещание Патриарха Тихона, о чем речь пойдет ниже. Примером добавлений, сделанных под напором власти и прямой угрозы репрессий может оказаться Декларация Митрополита Сергия Страгородского, выпущенная в 1927 г., хотя, к сожалению, маститый Митрополит, опубликовав Декларацию, действовал в дальнейшем строго в ее духе. Не историки, а верующие в своем большинстве, сознавая слишком большую сложность описанных выше проблем, решительно их упростили, и все, что печаталось в советской прессе от имени Патриарха, просто игнорировали. Другое отношение было к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Митрополиту Сергию. В подлинность его Декларации поверили сразу и стали относиться к Митрополиту с подозрением. Разницу между отношением верующих к Патриарху Тихону и Митрополиту Сергию лично наблюдал в Москве один из авторов настоящей книги (Василий Алексеев). К сожалению, в СССР не было Галуппа, и установить упомянутый факт точно невозможно, но привести мнение живого свидетеля событий авторы сочли необходимым.

В своем «покаянии» Патриарх отказывается от всех мероприятий, направленных против правительства. Он объявляет себя более «не врагом» советского.

правительства и государства (но и не другом), обещает порвать все связи с зарубежными и местными монархистами и контрреволюционной деятельностью белогвардейцев.²² Это было трудное обещание, но Патриарх Тихон сдержал слово и до конца жизни стремился только к нахождению модуса вивенди с Советским правительством. Зато он был непреклонен в борьбе с Живой Церковью, Собор которой объявил неканоническим. Патриарх предложил сторонникам этой Церкви на выбор — покаяние и возвращение в Патриаршую юрисдикцию или отлучение от Церкви. После освобождения Патриарха триумф Живой Церкви сразу кончился. Нет сомнения, что его «покаяние», сделанное, конечно, под давлением Советской власти, объяснялось желанием предотвратить раскол и спасти единство Церкви.

«Покаяние» Патриарха Тихона по спорности и неясности вопроса было превзойдено так называемым «Завещанием», опубликованным в советской прессе от имени Святейшего уже после его смерти, последовавшей 25 марта (7 апреля нов. ст.) 1925 г. Главной мыслью «Завещания» был призыв верующих считать Советское правительство властью установившейся и воздерживаться от какой-либо связи с врагами Советского Союза. «Завещание» специально осуждало иерархию карловчан, которая, якобы, приносит вред и Советскому государству, и Церкви-матери, затрудняя взаимоотношения последней с Советской властью. Но самым ложным было опровержение слухов, что патриаршая канцелярия не может высказываться свободно.²³ Имеется много указаний на то, что «Завещание» было фальсификацией.²⁴ Так или иначе, но ясно, что Патриарх Тихон стремился найти модус вивенди с Советской

властью, не жертвуя свободной и канонической чистотой Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (Москва, Изд. Московской Патриархии, 1947), стр. 61.

² Джон Шелтон Кертис, «Церковь и государство в России», 1917-1950, Нью-Йорк, Октагон Букс, 1965.

³ Никита Струве, «Христианство в СССР» (Париж, 1963), на английском: «Христианство в современной России» (Нью-Йорк, Чарльз Скрибнер-сын, 1967).

⁴ Фридрих Хайер, «Православная церковь на Украине с 1917 по 1945». Кельн, Р.Миллер, 1953).

⁵ Н.Казантзакис. «Путешествуя по России», стр. 120-33.

⁶ Об организации Русской Правосл. Церкви см: Джемс Кракрафт, «Церковная реформа Петра Великого», Станфорд, Университи Пресс, 1971.

О положении Церкви на рубеже столетия — Джон Куртис, «Церковь и государство в России», 1917-1950, Нью-Йорк, 1953.

⁷ О подготовке Собора 1917 г. см. неопубликованную докторскую диссертацию: Джемс Куннингам, «Реформа русской церкви, 1900-1906» (Университет Миннесоты, 1973).

⁸ Богдан Боцирков, «Ленин и религия» и др.

⁹ Общее описание этих мер см. в книге М.Спинка, «Церковь и русская революция», Нотр Дам университет, Инд. №959. На русском: «Отделение церкви от государства, Сборник декретов» (Москва, 1924) и др.

¹⁰ М.Спинка, «Церковь и русская революция», (Нью-Йорк, Оксфорд Университи Пресс, 1956).

¹¹ Лев Регельсон, «Трагедия русской церкви», (Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1977)

¹² См. Н.Струве, «Христианство в совр. России»

¹³ Н.Тимашев, «Религия в Сов. России», 1917-42. (Нью-Йорк, 1942)

¹⁴ Архиеп.Никон, «Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого» (Нью-Йорк, Сев-Америк. и Канадская епархии, 1960).

¹⁵ Ричард Иосиф Кук, «Религия в России под Советами», а также Иоанн Хризостомус «История русской церкви в новейшее время» (Мюнхен-Зальцбург, 1965, 1966, 1968).

¹⁶ Франсис МакКуллаг, «Большевистское преследование христианства», а также в книге Н.Струве.

¹⁷ См. в книге Фр.МакКуллаг и у М.Спинка.

¹⁸ Вальтер Коларж, «Религия в Советском Союзе» (Нью-Йорк, Ст.Мартин Пресс. 1961), а также в книге Куртиса.

¹⁹ Стратонов И. Русская церковная смута, 1921-1931», (Берлин, Парабола, 1932).

²⁰ М.Спинка, «Церковь в Советской России».

²¹ То же и этого же автора «Церковь и русская революция».

²² Флетчер, «Изучение выживания», а также Куртис — «Русская церковь и советское государство».

²³ М.Спинка, «Церковь в советской России».

²⁴ Протопресв. В.Виноградов, «О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деят. св.Патриарха Тихона, 1923-1925». (Мюнхен, 1959).

В.И.Алексеев и Ф.Ставрү

Прот. Александр Киселев

ОБЛИК ГЕНЕРАЛА А.А.ВЛАСОВА **(Записки военного священника)**

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

227 страниц, фотографии. Цена \$8.

Заказы по адресу: **St. Seraphim Foundation.**
322 W 108 St. New York, N. Y. 10025.

О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И КАК К НЕЙ ПЕРЕЙТИ?

... Так как, на какой бы степени ни находился человек, другие стороны его жизни остаются присущими в нем; то ни на одной степени он не бывает закабален так, чтобы уж и высвободиться не мог из сей кабалы, но всегда имеет возможность переходить с одной степени на другую, ослабив одну сторону своей жизни и усилив другую. Так и духовный человек может ниспасть в душевность и телесность, и плотяной — подняться до духовности, когда тот возлюбит душевное и плотское, а этот взывает духовного. Человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием, и вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу — вы погасите дух, и человек стал не человек.

Но утверждая, что человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей, я не утверждаю вместе с сим, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли вниз идет он, или снизу вверх, или что эти движения могут совершаться в нем так же быстро и часто, как переходы из одной комнаты в другую, бывающие по несколько раз в день. Я хотел этим только сказать, что человек, себя сознающий и свободный, есть виновник своего состояния внутреннего, и что если он, попав в такое состояние, которое одобрить нельзя,

---

Из книги писем — поучений и наставлений, — широко известного в России подвижника конца XIX века, епископа Феофана-Затворника.

остается в нем, то сам виноват в том и ответен пред Богом и людьми.

Всякая из показанных степеней или проявлений нашей жизни натуральна в нас и, следовательно, не может быть неодобряема сама по себе. Не естественно и, следовательно, само по себе не одобрительно то состояние, в котором мысли блуждают, парят и бурлят, желания непостоянствуют, возбуждаемы будучи страстями,— не натуральными нам, а пришлыми,— и чувства сердца волнуются и мнутся по причине сих же страстей. Я нарочно оттенял эти неестественности внутри нас, говоря о душевной жизни, чтоб остановить на них ваше внимание. Нарочно и теперь поминаю об этом, чтоб тоже заставить вас лучше вникнуть в это дело и отнестись к нему по его достоинству. Блуждание помыслов, непостоянство желаний страстных и тревоги сердца непрестанно беспокоят нас, не давая ни одного дела сделать как должно, и всегда почти сбивая нас с пути. Это болезнь, хотя всеобщая и повсюдная, но не естественная, а нажитая нами произвольно. Враг знает, сколько она подручна ему, и, покушаясь искусить кого, прежде всего старается столкнуть его в этот омут, именно, сначала вводит в поток помыслов, под ними потом зажигает страстные желания, а этими взволновывает сердце.

Кто доведен до этого, у того искушение созрело. Если не опомнится — падает, и падши увлекается в водоворот бурливых движений помыслов, пожеланий и чувств, иногда ненадолго, иногда надолго, а нередко и навсегда. Та жизнь, частичку которой, помните, вы испытали, вся проходит в этом водовороте и бывает, судя по кружкам, где бурливее, где потише, где поскромнее, где нараспашку — во всей своей наготе и срамоте. Но и помимо этого, редко кто бывает свободен от тех бурлений внутри. Нет-нет — и прорвется. От блуждания же мыслей и представлений, не знаю, есть ли кто

свободный? — Так вот эту болезнь нашу извольте заметить (да вы уж ее и заметили отчасти, жалуясь на неудержимость мыслей), — и, заметив, взяться за труд врачевания. Всяко не выпускайте из мысли, что внутри вас постоянно присуще нечто недоброе, что всегда готово сбить вас с должного и направить на недолжное.

Что касается душевности и телесности, то они сами по себе, как замечено уже, безгрешны, как естественные нам; но человек, сформировавшийся по душевности, или еще хуже, по плотскости, не безгрешен. Он виновен в том, что дал в себе господство тому, что не предназначено к господству и должно занимать подчиненное положение. И выходит, что хотя душевность естественна, быть душевным человеку — неестественно; также и плотскость естественна, но быть плотским человеку — неестественно. Погрешность здесь в исключительном преобладании того, что должно состоять в подчинении.

Но когда у кого господствует духовность, тогда хоть это будет его исключительным характером и настроением, он не погрешает, во-первых, потому, что духовность есть норма человеческой жизни, и что, следовательно, бывая духовным, он есть настоящий человек, между тем, как душевный и плотский человек не есть настоящий человек; а во-вторых, потому, что как ни будь кто духовен, он не может не отдавать должного душевности и плотскости, только держит их не жирно и в подчинении духу. Пусть не широка у него душевность (в научных познаниях, искусствах и делах прочих) и крепко стеснена плотскость, — все же он настоящий полный человек. А душевный (многознающий, искусник, делец), а тем паче плотский — не есть настоящий человек, как бы красным ни являлся он вовне. Он — безголов. Отсюда простой человек, Бога боящийся, выше многообразованного и элегантного, но не имеющего в целях своих и стремлениях угождения Богу. По сему же судите и о

произведениях литературы и искусств. Произведения, в коих все плотяно, из рук вон нехороши; но и те, в коих господствует душевность, не отвечают своему назначению, хотя они выше плотских. Таков суд — только о тех произведениях, кои чужды духовных элементов; те же, кои прямо относятся враждебно о всем духовном, т.е. о Боге и вещах божественных,— прямо суть вражеские внушения и терпимы быть не должны.

Из сего вы видите, что по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное,— а за ними и все свое внешнее, т.е. жизнь семейную и общественную. Это — норма!

Я не прилагаю убеждения вам — жить в духе и ему подчинять, полагая, что если вы хорошо разобрали все сказанное, то решение жить так уже присуще в вас.

Еп. Феофан-Затворник

« Зарубежная Русь »

Ежемесячный журнал — общественно-литературный орган русской национальной и православной мысли.

12-ый год издания. Годовая подписка
— 18 долларов.

Адрес : Russia Abroad Publ., P.O. Box 19225,
Washington, D.C. 20036, USA

Редактор А.А. Соллогуб

О ПРИЧИНАХ УПАДКА ВЕРЫ У НЕКОТОРЫХ ХРИСТИАН

«И рече безумец в сердце своем, яко несть Бог».

Св. Давид XI — X вв. до Р.Х.

Скажем несколько слов о вере. «Вера есть утверждение вещей (сущностей) невидимых». «Без веры,— говорит апостол Павел,— невозможно угодить Богу», веровати же надлежит, ибо Он верующим «мздовоздатель (добродатель) бывает», как Сущий. Но вера всегда устремляется горé, ввысь к Престолу Божию. «Я» человека должно необходимо чувствовать свое недостойнство, в смирении ожидать на свой порыв сердца, ума и воли благодатного отклика свыше, ибо Господь «взыскующим Его мздовоздатель бывает». Вера есть и горячее, сердечное устремление к богообщению нашей грешной души с нисходящим Божиим милосердием нашего Спасителя. — И вот, мне думается, что всегда человеку наших дней легче и удобнее не верить, чем верить в Бога.

За семьдесят лет сознательной жизни знал я много людей неверующих, но ни разу не встретил человека, ребенка без суеверий. В бытность мою преподавателем в лицах и гимназиях я производил и проводил часто анонимную анкету о вере и суевериях. Суеверны были все, верующими же в Бога — далеко не все. Выбрать суеверие легко, оно не требует ни волевого, ни

умственного усилия. Среди взрослых авиаторов я не встречал несуетерного, у всех были свои маскиоты, животные, символы. Вера же, особенно христианская, обязывает, она требует хоть некоторого соответствия действий и чувств с тем, что есть в нас как СОВЕСТЬ и СВОБОДА выбора ДОБРА или ЗЛА. Вера и страх Божий открывают путь к милосердию (см. «Влас» А. Некрасова), а милосердие и любовь дают веру (ср. т. II «Крутого маршрута» Е. Гинзбург).

Но вера в Высшее бывает и прирожденной человеческой душе. Известный ученый историк и психолог Э. Клапаред рассказал нам случай воспитания ребенка без упоминания о Боге, святых и Церкви. Поклонник Ж. Ж. Руссо дал указания воспитателю своего сына, и мальчика в обширном имении отца обучали по принципам книги Руссо «Эмиль, или о воспитании». Однако, заметили, что мальчик в известное время дня старается скрыться в саду от всех глаз. Гувернеру и отцу удалось выследить и узнать тайну отрока лет 10-11. Спрятавшись в кустах, он, упав на колени, простирал руки к свету и солнцу, шепча нечто. Не страх, не нужда вызвали это чувство в душе, а желание славить, славословить. Нечто подобное тому, что и мы в православной Церкви говорим: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» Да и большая часть Псалмов есть хвала и слава Богу, а не только прошения.

* * *

Попробуем теперь разобраться в причинах упадка веры и в России. и на Западе. По мнению философа С. А. Левицкого, главной причиной этого можно считать гордыню разума и ненаучное преклонение перед наукою в ее разных формах познания мира. Мне верится в необходимость рассмотреть те обстоятельства,

которые толкают многих к скептицизму и атеизму, т.е. к безбожию. Во-первых, это воспитание детей и юношества в духе леводушного социализма. Тогда уделяется внимание разным социологическим теориям, а св. Писание, понятие о Боге, о жизни и учении Христа всячески замалчивается или искажается. В мораль, этику стараются ввести релятивное отношение ко злу и добру, затемняя понятие СОВЕСТИ, долга, иерархии ценностей, всякими софизмами и злым суемудрием. Из сознания тщательно и злоковарно удаляют понятие ГРЕХА, грех приравнивается к ошибке или проступку. Всякое преступление стремятся объяснить и оправдать влиянием среды, пережитками прошлого.

О смысле и значении Заповедей, о молитве, о покаянии не говорится ни слова. Для русских же вопрос христианства есть вопрос судьбоносной важности. С веры св. Владимира «стала Русь христианской», с Владимира Ленина она же официально стала антихристианской и богборческой державой. Известно, что не произошло отделение Церкви от государства, но проникновение во все формы жизни Церкви партийной политики и указки. Совершаются аресты лучших священников именно за их преданное служение пастве, христианству и проповеди. Многих это устрашает, и происходит то, что сказано в Евангелии: «поражу пастыря, и разбегутся овцы». Власти в СССР удаляют и уничтожают всякую христианскую литературу, а не только Библию, опасаясь ее проникновения в круги верующих или просто интересующихся. Утешением тут может служить тот факт, что если в душе человека есть и малая искра веры, она под гонением разгорается в пламя веры. Ищущий упорно найдет нужную литературу и наставника в вере.

Второй причиной оскудения веры у многих в СССР считаю лишение людей свободы. Вбивают в головы положение марксизма, что свобода есть осознанная необходимость. Но это полное извращение понятия СВОБОДЫ. Свобода связана с нашей свободой воли в выборе Добра и Зла. Всякому ясно отличие в понимании: выбран ли патриарх или назначен властью, я еду куда хочу по своей воле, или меня высылают силой. Рабство же как раз и подчиняет, лишает свободы. Партия порабощает личность в СССР. Христос сказал: «познайте Истину, и Истина сделает вас свободными» (духом).

Третья причина в отрыве от веры в Бога заключается в упомянутом уже отсутствии страха Божия. «Страх Божий — начало премудрости» — указывает Библия. Ищут знаний, не мудрости, а куда уж там премудрости! Страх Божий в основе есть опасение, боязнь грехом, суетностью, злобой или гордостью замутнить сердце и душу и тем лишит ее БОГООБЩЕНИЯ в искренней молитве. Кого любишь, того боишься огорчить, отдалить от себя своим эгоизмом, себялюбивыми действиями, словами и чувствами. Любящий радуется, но и смиряется перед любимым. Увлечение же ума одним разумом ослабляет духовность. В ХУІІІ веке это перед смертью понял Феофан Прокопович. Умирая, он воскликнул: «Эх, глава, глава! Разумом упившись, камо ся приклониши?!».

Четвертой причиной оскудения веры считаю переполнение жизни и личных увлечений материальными ценностями. Мы живем на Западе и преимущественно действуем только в трехмерном пространстве, окруженные вещами, т.е., материализованной энергией. Материю мы мерим, взвешиваем,

анализируем. Некогда, в начале двадцатых годов, были еще диспуты на религиозные темы с атеистами. Оппонент профессора Н.О.Лосского заявил, что то, чего он не видит, не взвешивает, то и не существует. Н.О.Лосский вскользь заметил: «Я не вижу, не взвешиваю ума моего оппонента, значит ли это, что его ум не существует?» Гром рукоплесканий покрыл слова профессора. Дух, духовное весить и мерить нельзя, а отрицать чужой, тысячелетиями собранный духовный опыт можно, ну и отрицают. Вспомним и апостола Фому. Он не хотел верить в воскресшего Христа ни на основании веродостойных свидетельств своих друзей, ни на том, что сам мог увидеть. Глазам, собственному зрению, не желал бы он поверить, а только осязанию ран своего Учителя, Спасителя. Не поверю-де, «пока не вложу руку в ребра Его». А Клеопе и его спутникам в Эммаус не нужно было осязать, и присутствие Христа открылось им словами Спутника и тем, что «горело сердце». Бог, Божественное кроме неизмеримости и сверхрационально, сверхразумно в бесчисленности сторон и проявлений Его истинности: «Душе Истины, иже везде сый (сущий) и вся исполняяй».

В Библии и христианской догматике мы сталкиваемся и с нерациональным, сверхрациональным. Случается, что земное, материальное в человеке, не просветленном верою, бунтует, не хочет признать Непостижимое, Сверхвременное. Бывает, и большие умы томятся в плену рассудка — рацио, а люди попроще, одурманенные пропагандою атеизма, машут рукою на Тайну и Глубину Божию, спускаются на дно обыденщины, угащают в себе горение духа: «Не вижу, не знаю, не понимаю... вот и нет ничего». В живой переписке с покойным ныне писателем Б.К.Зайцевым я затронул

вопрос о его пути к Богу. Борис Константинович был человеком глубокой и чистой веры, подобной вере академика и лауреата премии Нобеля И. Павлова или Л. Пастера. На писателя еще в молодости повлияли страдания личные и окружающих людей. Они породили рождение страха Божия, а через него и любви к Богу и Сыну Божию — Христу. Нежно-чуткие и любвеобильные сердца страдание не ожесточает, а закаляет, укрепляет в преданности воле Божией.

Пятая причина отрыва от веры и Церкви связана с переполнением жизни ложью. Христос указал, что «диавол есть отец лжи». В СССР лжет пропаганда, лгут агитаторы, ложь, фальшь видят вокруг себя, слушают ложь, читают ложь, соглашаются с ложью. Даже если человек поверит в ложь, ее существо будет вредить душе, сердцу и уму, как отравленная пища организму, хотя на вид и на вкус она кажется доброкачественной. А. И. Солженицын заметил это и призвал своих читателей и сограждан в СССР «жить не по лжи». Ложь всегда надевает маску, гримируется под правду и добро, в этом ее опасность. Апостол Павел указал: «мир во зле лежит». Отсюда так бывает трудно делать истинное добро, и это делание возможно лишь с Божией помощью.

Шестое препятствие для веры находится в непрерывном борении, кознях и разных соблазнах, которые производят слуги диавола и он сам. Всякий искренний христианин не может не верить свидетельству Евангелий, деяний Апостолов и опыту жизни сотен святых, ясно говорящих о духовной борьбе со слугами сатаны, о борьбе диавола с Добром, истинной верой в Бога и милосердием. В значительной мере слуги Зла используют в людях их стремление к славословию и преклонению перед Всевышним, подменяя Его обожанием вождя (Ленин, Гитлер, Сталин). В жизни

христианина здесь помогает смиренная молитва, трезвение ума и терпение. Вера и молитва по возможности должна быть проста. Не случайно св. Серафим Саровский (1759-1833) говорит: «Где просто, там и ангелов со сто». Эту поговорку найдем и в словаре В.Даля. По учению же св. Григория Богослова его богословствование ведется «по способу рыбаей, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно». Много позже великий ученый Блез Паскаль изрек: «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова. Не философов и ученых». Это записал ученый математик, физик и философ, указуя на путь веры, отдачи себя Богу, а не пустому мудрствованию о Непостижимом, о Боге, или воображению, что один разум без веры и любви может устроить жизнь людей.

Седьмая причина ухода от веры в Бога и нашего Спасителя — Второй Ипостаси св. Троицы, — состоит в слабости нашей природы, нашего «Я», легко поддающегося под соблазн попустительства и духовной лени. В глубине души, в потаенном подсознании человека, в недрах его совести живет некая уверенность, что вера требует смирения, жертвы, что путь ее, особенно ныне, путь тернистый и трудный, а «Царствие Божие силою нудится» (приобретается усилием). Эгоцентризм, желание легкого, уводят от Бога. Вера и молитва нас обязывают, а мы этого и опасаемся. И когда и звезды считать и мерить учимся, то смотрим вверх, а не ввысь к Тому, Кто сотворил всё и вся.

Р.ПЛЕТНЕВ

ВЗОРВАННЫЙ ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ — НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

В самом начале Отечественной войны 1812 года, когда Наполеон вторгся в пределы Российского государства, Александр I, движимый религиозно-патриотическим чувством, дал обет после изгнания французов из России воздвигнуть храм во славу Божию. Этим он хотел воздать в духе христианства благодарность Богу за помощь в спасении России от нашествия иноплемеников и увековечить в памяти потомства это достопамятное событие. Указ о построении храма был издан в год изгнания французов из пределов отечества — 25 декабря 1812 года.

Однако в 1825 году Александр I умер и строительство храма растянулось по разным причинам, в том числе и из-за отсутствия средств, больше, чем на полстолетие.

После смерти Александра I и неудачной попытки постройки храма на Воробьевых горах по проекту художника-инженера Витберга в 1817 году, Николай I повелел сделать новый проект храма в старинном русском стиле. Храм должен был быть больших размеров, отличаться правильностью форм, легкостью и красотой, а также богатством внешней и внутренней отделки. Кроме того, храм по идее должен был быть памятником Отечественной войны. Новый проект был создан архитекторами-строителями Константином Андреевичем Тоном и Романом Кузьминым. Николай I сам выбрал место для его постройки. И дивной красоты храм этот во имя ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ был воздвигнут в Москве рядом с Кремлем, как церковь и как памятник победы над Наполеоном. Почти 70 лет

Храм Христа Спасителя

строился храм в царствование четырех императоров, начиная с 1817 года при Александре I и до освящения его в 1883 году в присутствии Александра III.

Этот величественный памятник, бесценную народную реликвию, коммунисты взорвали в 1931 году, надругавшись над религиозными и национальными чувствами нашего народа.

Кто был инициатором этого безумия, точных доказательств нет. Есть все же указание в полученном из России списке уничтоженных 177 церквей и архитектурных памятников в Москве. Список озаглавлен: «Памятники, снесенные по инициативе Л.М.Кагановича», — первым в списке указан Храм Христа Спасителя. Косвенным подтверждением этого может служить и заявление Хрущева в одном из его выступлений, что Каганович, бывший в то время наркомом транспорта и связи, чьим именем первоначально было названо московское метро, хотел снести и храм Василия Блаженного на Красной Площади, как мешающий движению. Но Сталин воспротивился этому.

Что представлял собой этот памятник и чем он был для русского народа, об этом свидетельствует неуывающая народная память о нем.

Хотя храм строился по обету Александра I, средств на его сооружение не всегда хватало. Пришлось поэтому прибегнуть к помощи народа, который горячо откликнулся на этот призыв сборами по всей России. Таким образом храм-памятник сооружен был на народные деньги. В силу этого он являлся как бы частицей души и сердца каждого православного россиянина.

Этот исторический памятник олицетворял победу над невиданным нашествием на Россию двенадцати языков и беспримерное мужество, преданность и героизм нашей армии. Кроме прямого религиозного назначения, он являлся также музеем воинской славы нашего народа.

С архитектурно-художественной точки зрения памятник был пропорционален и очень красив. Это было одно из красивейших сооружений не только в России, но и в мире. В плане пятиглавый храм представлял собою

**Храм Христа Спасителя
Внутренний вид — иконостас**

равносторонний крест громадных размеров, почти 100х100 метров. Диаметр главного купола равнялся 30-ти метрам, на шесть метров шире купола Исаакиевского собора. Четыре главы меньших размеров служили колокольнями с 14-тью большими и многими малыми колоколами.

Наружное убранство храма гармонировало с белокаменной Москвой. Облицовка его беловатым протопоповским мрамором соответствовала окружающей обстановке. Позолоченные главы, на что ушло 100 килограммов чистого золота, придавали памятнику сказочно-волшебный вид. Храм поражал своим величием, общей гармонией и великолепными скульптурными работами — барельефами русских художников-ваятелей: Клодта, Логановского и Рамазанова, украшавшими наружные арки порталов. Работа над изготовлением этих 48-ми барельефов продолжалась 17 лет.

Все изображения священно-исторического характера напоминали события Отечественной войны 1812 года. Здесь показаны наши святые: заступники, защитники и молитвенники за Землю Русскую, представлены также были деятели, потрудившиеся на церковно-миссионерской ниве, а также князья и цари, твердо стоявшие за благо Руси.

Говоря о наружной отделке этого чудного сооружения, нужно упомянуть о четырех широких пятнадцатиступенчатых крыльцах из темнокрасного и пестрого отполированного финляндского гранита с художественно оформленными электрическими фонарями-светильниками по сторонам. Храм имел 12 бронзовых литых дверей с изображениями событий из священной истории. Вес каждой двери — 13 тонн. 60 окон освещали храм. Высота его — 103 метра.

Внутренняя отделка храма соответствовала его внешнему великолепию. Луи Лежер, член Института Академии Наук, в изданной им в 1910 году в Париже книге «Москва» сравнивает храм Христа Спасителя с парижской церковью Инвалидов, где похоронен Наполеон. Оба храма в одинаковой мере являются хранителями воинской славы. Касаясь отделки Храма Христа Спасителя, Лежер находит, что она превосходит великолепие отделки Исаакиевского Собора.

Внутри храм был разделен на три части: коридор, хоры и собственно храм. Коридор предназначался для крестных ходов, как в старинных русских церквях, и вместе с тем служил наглядным памятником событий Отечественной войны, был как бы музеем. Верхнюю часть коридора составляли украшенные живописью хоры с двумя приделами: во имя Николая чудотворца — правый и св. князя Александра Невского — левый. Главный храм посвящен был Рождеству Христа Спасителя.

Очень интересен был в храме главный иконостас в виде восьмигранной часовни, сделанный из белого мрамора с орнаментами и инкрустацией из разных пород мрамора. Часовню венчал бронзовый вызолоченный шатер с золотой главкой и крестом. Внутри этой часовни находился престол, так что она служила и на престольной сенью.

Описать все внутреннее благолепие храма просто невозможно. Роспись его производилась в течение 20 лет виднейшими живописцами — академиками и профессорами, а также знаменитыми художниками, чьи полотна украшают Третьяковскую Галерею в Москве и Русский Музей в Питере. Все священные изображения, занимавшие центральную часть храма, по содержанию своему представляли евангельское сказание о земной

жизни Иисуса Христа. Прочие священные картины изображали события особо знаменательные в духовной и гражданской жизни нашего народа. Все священные изображения принадлежали исключительно кисти русских живописцев и скульпторов.

Так профессор живописи А.Т.Марков в течение шести лет трудился над колоссальным изображением Господа Саваофа на своде главного купола. «Тайная Вечеря» была исполнена академиком Семирадским. Семь картин написал проф. В.П.Верещагин (не баталист): «Рождество Христово», «Моление о чаше», «Се Человек», «Несение Креста», «Распятие», «Снятие со Креста» и «Положение во гроб». Кроме уже названных имен, в росписи храма принимали участие: Суриков, акад. Журавлев, Крамской, Прянишников, Литовченко, Сорокин, Шильцов, Сведомский, Бондаревский и др. Помимо картин настенной росписи на священные темы, в храме находилось много икон, почитаемых по всей России.

Храм Христа Спасителя был памятником Отечественной войны. Об этом наглядно свидетельствовали 177 белых мраморных досок на стенах коридора, как для украшения, так и для напоминания о событиях 1812 года. На них были воспроизведены все манифесты, вышедшие в то время, и прочие документы, относившиеся к Отечественной войне: от 13 июня 1812 года — Высочайшее объявление о вторжении неприятеля в пределы Российской Империи, от 6-го июля — воззвание к народу русскому и Москве об ополчении. Далее в хронологическом порядке следовало описание семидесяти одного сражения, имевших место в пределах России в 1812 году. Против алтаря был помещен манифест об изгнании неприятеля из пределов Российского Государства 25 декабря 1812 года. В северной части коридора было еще несколько

манифестов, три благодарственных: Русскому народу, дворянству и городу Москве.

Манифест об учреждении медали в память 1812 года и манифест о построении храма Христа Спасителя в Москве, в благодарность Богу и на память последующим векам.

Затем по южной и западной сторонам в таком же порядке следовали описания восьмидесяти семи сражений, происходивших за границей и манифесты о взятии Парижа, низложении Наполеона и водворении мира в Европе. В храме находилось много боевых знамен полков, участвовавших в сражениях, в частности, в Бородинской битве.

Теперь этого храма, величайшей достопримечательности Москвы, нет. На его месте построили бассейн, бездействующий 9 месяцев в году из-за сурового климата. Для чего понадобилось разрушать народную святыню? Хотели на этом месте поставить дворец советов. Где же он? Кто виновник этого злодеяния? Виновник всех бед, постигших Россию за последние 60 лет один — коммунистическая власть. Это она разрушила не только Храм Христа Спасителя, но тысячи церквей и монастырей, уничтожив бесценные сокровища, накопленные народом.

Но вот отгремела 2-я мировая война. Победа, доставшаяся ценою колоссальных жертв и лишений, открыла многим глаза на действительность. Власть осудила преступления и злодеяния Сталина. Распустила многие лагеря заключенных. На Бородинском поле отремонтированы памятники Отечественной войны. В Москве, на Кутузовском проспекте, восстановлена разрушенная одновременно с Храмом Христа Спасителя Триумфальная арка в честь победы 1812 года. Построено помещение для Бородинской Панорамы. Воздвигнут

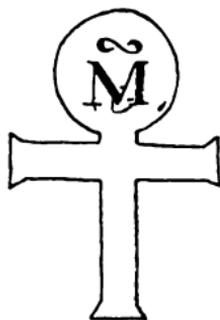
памятник Кутузову. Но где же самый величественный памятник Отечественной войны, храм Христа Спасителя? О восстановлении его не слышно, хотя имеется Общество и Комиссия по восстановлению и охране памятников. В чем же дело? Дело в том, что все мероприятия антинародной безбожной коммунистической власти конъюнктурные и заключаются в полумерах. Власть не в состоянии отказаться от идеи интернационализма. Ей на Россию с ее верованиями, традициями и культурой, по выражению Ленина, наплевать. Поэтому вот так и плюет она на Россию уже более полу столетия.

Надругавшись над памятью предков, поправ духовные ценности народа, допустив уничтожение миллионов ни в чем не повинных людей, коммунисты поставили себя вне Божьего и человеческого законов, отрешив тем самым себя от цивилизованного общества.

Рана, нанесенная ими нашему народу, незаживаема. Она будет кровоточить до тех пор, пока к власти не придут люди, достойные называться представителями народа, а не фиктивными его «избранниками». Они вкуче с общественностью восстановят тогда и Храм Христа Спасителя, и еще многое другое уничтоженное антинародной коммунистической властью.

В.З.СОРОКИН

1
АЛbМАНАХ
ЖЕНЩИНАМ О ЖЕНЩИНАХ

10 ДЕКАБРЯ 1979

СП-Б

Татьяна Михайловна Горичева — 1947 г.рождения.

Окончила философский факультет Ленинградского Университета (диплом писала по философии Хайдеггера, была его корреспонденткой). Преподавала эстетику, работала библиографом по философской литературе, социологом в Русском музее. Сейчас работает редактором отдела «Религия и философия» свободного журнала «37». Основные работы: «Анонимное христианство в философии», «Психоанализ и аскеза», «Христианство и культура». В данное время работает над проблемой православной культуры и христианского Возрождения в России

Прошлый год и начало нынешнего ознаменовались на нашей родине, поработенной компартией, новым явлением: выходом самиздатских женских журналов. Вышло три номера журнала «Женщины в России», были и другие выпуски. В иностранной печати их сочли свидетельством появления в СССР «феминистского движения», по аналогии с западным, что ни в малой мере не соответствует действительности. «Феминистское движение» на Западе зачастую состоит из вздора, от западного пресыщения и отсутствия у людей достойных их жизненных идей и целей. Женщины в Советском Союзе, якобы освобожденные коммунистами, на деле поработены ими втройне и добиваются для себя и для всех элементарных условий человеческого существования.

Одно из женских самиздатских изданий публикуем здесь: Альманах «Женщинам о женщинах», обложку которого воспроизводим. Напечатан альманах на пишущей машинке и размножен, вероятно, на ротаторе. Помещенное в нем обращение Т.М.Горичевой говорит об острой жажде духовного общения и религиозной жизни, чего лишает людей комдиктатура. Газеты сообщали, что Т.Горичева, вместе с двумя издательницами журнала «Женщины в России», в июле была выслана за границу и прибыла в Вену. (Ред.).

Возлюбленная сестра,

В праздник Успения Божьей Матери я хотела бы написать тебе о том, что значит Божья Матерь в моей жизни, как через Нее я обрела себя и Бога.

Невозможно рассказать обо всех дарах, которые получаешь в молитве к Ней, в созерцании Ее — это каждодневное откровение Любви и Жертвы. Но хотелось бы сказать несколько скромных слов о Божьей Матери как о совершенном воплощении человека и женщины.

Божья Матерь — сама женственность. Она снимает то проклятье, которое лежало на всем «женском» в более ранних религиях. Яхве противостояла Астарта. Великая Мать языческих религий воплощала собой всё иррациональное, темное, плотское. Лишь в христианстве произошло и происходит полное обожение плоти. Лишь в христианстве уничтожается дуализм тела и духа. В христианстве Бог явился во плоти, будущая жизнь также мыслится как жизнь в теле. В христианстве зависимость духа от тела и тела от духа достигает высших пределов. Поэтому здесь наказуется не только явный грех, тайные желания столь же материальны и реальны: «Кто посмотрит на женщину с вожделением...»

Богородица поднята в своей чистоте выше Ангелов. Она — «едино Чистая», Она — Церковь Христова, Она «прекрасна вся».

С детства не знала Божья Матерь ни похоти житейской, ни похоти телесной. Ничто нечистое не смело приблизиться к Ней. В Богородице впервые в истории человечества мы встречаем совершенную просветленность телесной и бессознательной стихии. Женское начало, униженное в языческих религиях до демонического, освящается здесь в такой степени; возносится на

столь недостижимую высоту, что становится сосудом для восприятия Духа Святого — «И чрево Твое бысть пространнейшее небес». Радуйся, храме, Духом позлащенный!

Все это открылось мне по мере моего духовного выздоровления и воцерковления. Августин Блаженный сказал: «Христос — разрешение всех вопросов». То же можно сказать и о Пресвятой Владычице, идеальном Человеке, идеальной женщине.

Какие же вопросы на пути к самопознанию разрешила я, сподобившаяся каждодневно молиться Ей и созерцать Ее?

Вопрос обретения себя. Помнишь, лет семь тому назад мы читали Карла Юнга о двух архетипах женского сознания. Один — «подражание матери», другой — «восстание против матери». Девочка с сильным «комплексом Электры» ревнует отца к матери и с самого детства занимает антиматеринские, антиженские позиции. Ее сверх — я обрастает мужскими добродетелями и нормативами. Она развивает интеллект, волю, в ней с детства может появиться презрение к плоти (как к материнскому, к материи), развивается склонность к спиритуализму. Такие женщины неохотно вступают в брак и не хотят иметь детей. Они становятся деятелями культуры и науки, иногда религиозными «фанатиками», иногда политиками. Но они могут стать и носителями противоположного, деструктивного начала: преступницами, анархистками, проститутками.

Тогда я призналась тебе, что чувствую себя во власти этого архетипа.

Но не только «архетип» был виной тому, что я не ощущала свой пол. Все советское воспитание ориентировано на абстрактно-односторонний «псевдомужской» идеал личности. Кому подражали мы с тобой

со школьной скамьи, кто был нашим кумиром? Печорин, Онегин и другие романтические личности, чей ум, чья внутренняя трагедия поднимали их над толпой, делали людьми интересными. И уж, конечно, не хотелось походить на какую-нибудь глуповатую княжну Мэри, на всех этих обманутых и покинутых, послуживших лишь материалом, лишенных высшей духовной жизни существ.

А что мы знали о браке? Мы любили Наташу Ростову в ее романтических восторгах и недоумевали по поводу «желтых пеленок» в эпилоге. Мы знали, что интересны только несчастные браки (ибо «все счастливые семьи счастливы одинаково») и никому не хотелось походить на Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну. Одним словом, мы обрели романтически нереальные, болезненные представления о любви и получили отвращение к браку. Имели ли мы в школе хоть какое-то представление о том, что путь женщины существует и как нечто особое, что он равноценен мужскому пути? Ведь нас учили поклоняться уму (скорее рассудку) и презирать сердце, и школа, и сама жизнь говорили: главное, чтобы владел ты, а не владели тобой, будь господином своей судьбы. Понятие жертвы (высочайшее и наинужнейшее понятие во все времена) употреблялось нами только в его «пассивном» значении — если уж ты по своему ничтожеству и слабости стал жертвой, то тебя нужно просто пожалеть. У некоторых из нас был, правда, энтузиазм жертвенности, но мы готовы были на жертву лишь ради высокой идеи, которая никогда не понималась как нечто конкретное, близкое и живое.

С таким уродливым представлением о человеке и о себе, с полным презрением ко всем «женским» обязанностям как к низшим (готовить обед, стирать белье, воспитывать детей — как это скучно и заурядно) покинули мы школу.

Ты, может быть, скажешь мне, почему я говорю об уничтожении женского, тогда как в нашей стране женщина предельно эмансипирована, она имеет равные права с мужчиной и занимает не только на словах, но и на деле все ключевые позиции в жизни?

Я уверена, что уже кто-то ответил на твой вопрос так: не женщина эмансипирована, а мужчина «феминизирован». В обществе, подобном нашему, мужчина не может быть самостоятельным, отвечать за свои действия, свободно и сознательно строить жизнь. И в семье (которая губится повсеместным пьянством), и на производстве женщины — ведущая сила. Они вынуждены в наше время быть всем, их день чудовищно загружен, они — современные мученицы. Ты слышала, наверно, что на западного читателя невероятно сильное впечатление произвела повесть о повседневных заботах советской женщины, напечатанная официально в журнале «Новый мир».

В обществе, где топчется и попирается все святое, силы и способности человека получают извращенное направление, искажается сама человеческая природа. Грубая бездуховность господствующих ценностей создает одномерного человека без свойств, бесполого «хомо советикус».

То, что было после школы, ты знаешь: романтическая любовь, поспешный брак, бесконечные претензии друг к другу, разочарование, гордый разрыв и т.д.

В своей последующей «дохристианской» истории я пережила еще большее унижение женского, и пол, загнанный в бессознательное, мстил за себя. Он мстил разгулом и непрерывной истерией бесшабашности, отчаянием принципиального «все дозволено», экзистенциальным бунтом, невозможностью никого полюбить и непрерывным блудом ума и тела. Пол был изгнан из

сознания (наряду с другими «условностями»), но от этого его власть надо мной не уменьшилась. Она лишь обрела зловещий, демонический смысл, стала подпольной, дионисийской стихией. Мне казалось, что я живу, руководствуясь своим «ясным умом», но я была лишь рабом бессознательного.

Так, в нашем беспутном «язычестве» мы пережили то отрицание женского, которое знакомо всем языческим религиям прошлого: женское — это иррациональная, демоническая стихия, она страшит своей хаотичностью и непросветленностью.

И вот явилась Она, взыскующая погибших. Радуйся, Дверь Спасения!

Молитва к Пресвятой Владычице помогла мне открыть и возродить в себе женское начало во всей его чистоте и абсолютности. Впервые открылся мне духовный смысл важнейшей добродетели — целомудрия. Раньше я могла говорить об этом только с усмешкой, как о чем-то старомодном, как о наивном незнании и непристойной провинциальности. А ведь само это слово светилось и сияло великим смыслом: в нем обещался цельный и мудрый человек. Но о таком человеке мы не могли даже думать в то время.

Божья Мать шла путем целомудрия. Этим путем идут за Ней не только монашествующие, но и живущие в христианском браке. Как новый Адам искупил грехи ветхого, так и новая Ева избавила от проклятия Еву старую и стала прообразом Церкви.

В Божьей Матери женское оправдывается в той же степени, в какой оправдывается и человеческое вообще.

В Ней мы находим образ совершенного Человека. Во-первых, человека, победившего всякое внутреннее раздвоение, «полного» и цельного. О полноте Ее сказано: «явилась еси ширшая небес».

Но мы знаем, что в обычном человеческом бытии полнота и цельность чаще всего подозрительны, поскольку означают просто замкнутость, статичность, смерть.

Не так здесь. Божья Мать вся — вне себя. Она слушает. О Ней написано: «Блаженны слушающие...» Пресвятая Владычица являет собой пример полного отсековения своей воли. Вся Она открыта воле Бога, слова которого «слагала в сердце своем».

Она, следовательно, совмещает в себе совершенную полноту жизни с жертвенной открытостью Богу. Поэтому-то Она и названа прообразом Церкви.

Молитва к Ней высветляет все глубины подсознания и, приводя верующего к самому себе, не дает ему застыть, заставляя трансцендировать в послушании Божественному.

Богородица — глубина, которая уводит ввысь — Радуйся, высоту, неудобовосходимая и человеческими помыслами.

Радуйся, глубиной, неудобозримая и Ангельскими очима.

Будем молиться Ей, сестра, чтобы не оставила нас, в немощах сущих.

Радуйся, Заступница усердная рода христианского!

В этом письме я только начинаю разговор о Ней. Я ничего не сказала об «эсхатологической новизне», связанной с явлением Божьей Матери в мир, не сказала о Ней, как о Столпе Девства, о Ней — как о Церкви. Но, если Богу будет угодно, я сделаю это в следующий раз.

Господи Иисусе Христе, молитвами Пречистой твоей Матери спаси нас!

ЧЕТВЕРТЫЙ СЪЕЗД ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Идея этих съездов принадлежит Комиссии по подготовке к предстоящему в 1988 году 1000-летию Крещения Руси. Точнее — отцу Александру Киселеву, по предложению которого Синод православной русской Церкви за границей благословил создание такой Комиссии. В конце лета, неподалеку от Нью-Йорка, состоялся четвертый съезд. За последние четыре года подобные же съезды были в Калифорнии (три), в Европе (один), в Австралии (три) — все они имели ту же цель: собирать людей православного и русского сознания, или хотя бы тяготеющих к этому сознанию, чтобы содействовать углублению нашего понимания и претворения в повседневной жизни того, без чего не может быть у нас основания и потребности праздновать 1000-летие нашего крещения. Съезды содействуют нашему воцерковлению, понимаемому широко, как ответственность не только за Церковь, но и за культуру и историю нашего отечества.

Четвертый съезд состоялся хоть и в Зарубежье, но, можно сказать, на русской земле: мы жили и проводили свои занятия в поместье русского Общества «Отрада», а молились и, в заключение трехдневного съезда, причащались Святых Христовых Тайн, в женском Ново-Дивеевском монастыре. «Отрада» находится всего в двух-трех милях от монастыря. Необходимо, хотя бы кратко, сказать об этих примечательных местах. Оба они возникли после Второй мировой войны, когда в Америку переселилось множество русских людей. Вдохновителем

и основателем был архиепископ Андрей (его, как протоиерея о. Адриана Рымаренко, еще хорошо помнят на юге России — в Киеве, в Ромнах). Владыка Андрей, будучи в эмиграции продолжителем духовных традиций Оптинских Старцев, умер два года тому назад.

Во время съезда, мы, как неизбежно в Америке, спешили, и «проскочив» две-три мили между «Отрадой» и Монастырем на автомобилях, сразу входили в храм. Если бы у нас было время походить по кладбищу, увидеть памятники русским воинам Первой и Второй мировых войн, почитать надписи на могильных крестах,— мы бы прикоснулись к нашей истории...

Время течет неудержимо. Те, кто приехал сюда после Второй мировой войны молодыми, теперь — родители взрослых детей, а то и деды. Для детей и молодежи, чтобы они были нашей отрадой, было создано Общество «Отрада» (в честь иконы Божией Матери Отрада и Утешение). Не легко в условиях эмиграции вырастить «отраду», наших детей. Этому делу старается способствовать данное Общество, недавно приобретшее запущенное поместье и превратившее его в уютный русский уголок с вместительным домом, бассейном для плавания и т.п. Много было там положено трудов. Участники нашего съезда встретили исключительное гостеприимство. Мы не можем не благодарить деятелей общества «Отрада» (в правлении Общества состоит сын покойного Владыки Андрея, Сергей Адрианович) и желать успеха их трудам.

Съезд на клочке русской земли, в далекой Америке, после 60-ти лет эмиграции — чему же он был посвящен? Темой съезда было: «Православная Россия». Эпиграфом взяты слова современного подвижника, отца Димитрия Дудко: „Православие и Россия — вот то, на чем я стою.

Россия не как государство просто, а Россия как почва для Православия. Сказать «Православие», это все равно для меня, что сказать «Россия».

Как бы раскрывая эту общую тему съезда, читались и обсуждались следующие доклады:

«Истоки русской революции» — Е.Р.Миркович

«Всероссийский церковный Собор 1917 года» — Прот.

А.Лебедев

«Нравственное осмысление 60-ти лет эмиграции» —

В.Д.Самарин

«Эмиграция в наши дни — подвиг верности» — Ю.А.Иванов

«Осмысление верности идеалам Руси» — Прот. А.Киселев

«Крестьянская литература (Распутин, Абрамов, Шукшин)» —

Т.А.Родзянко

«Подвижничество наших дней — отец Димитрий Дудко и иже с ним» — Свящ. В.Потапов

Ежедневно проводились занятия семинаров на следующие темы:

«Вопрос прославления Новомучеников Российских» — Прот.

Р.Лукьянов

«Клевета на русское самосознание и наша самозащита» —

Н.Б.Киценко

«Древнее церковное пение» — Н.Г.Шидловский

Слушая доклады, занимаясь на семинарах, мы входили в круг тех важнейших вопросов, которыми так бедна повседневная наша жизнь. Живя в окружении по меньшей мере чуждом тому, о чем мы говорили на собраниях и о чем молились за ежедневными утренними и вечерними богослужениями на съезде, мы приобрели то, что, за редким исключением, нѣгде получить в течение целого года. Съезд дал нам ту духовную зарядку, пользуясь которой мы можем (если только захотим!)

двигаться в собственной жизни тем путем, дух которого равно приложим ко всем векам и всем условиям жизни — дух предков наших, которым жили они в лучшие периоды нашей истории.

Когда, закрывая съезд, мы служили благодарственный молебен, мы молились не только о себе и наших, так сказать, «местных» нуждах, но молились мы и о братьях и сестрах наших за Христа «в темницах и заточении сущих». Православие ни в коем случае не ограничивается лишь святыми словами, но требует от всех нас еще и святых дел. Страдания и скорби наших братьев по вере и крови должны отзываться в нас как свои собственные. Участие в съездах шире открывает наши глаза и способности нашего сердца, в чем и заключается, наверное, главная наша подготовка к 1000-летию крещения нашего народа.

Участница съезда Милица Холодная

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка : страны Бенелюкса 450 б. фр., Франция 60 фр. фр., Германия 40 марок, США и Канада 15 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

В. Orekhoff, 26 avenue Everard,

В 1190 Bruxelles (Belgique)

В СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

ЗАПИСКИ ЭМИГРАНТА

В конце 1945 года житье в деревушке на Кильском канале, где мы пережидали беспокойное время, стало надоедать. Надо было как-то выбираться в мир, на свет. Выдачи, по слухам, кончились. В наших местах большая была в конце лета. Уже после капитуляции немцев в кильскую бухту пришел морской пароход из Прибалтики, полный беженцев, немцев и других, и военных, среди них и власовцев,— англичане всех ссадили, а русских отправили на том же пароходе в недалекий прибрежный городок с обманным в этом случае названием: Хайлигенхафен, где поместили в лагерь. Снова пленные прожили там месяца полтора-два,— потом лагерь окружили танкетки англичан, пришла колонна грузовиков, всех запихали в них и, через Любек, отвезли в советскую зону, на новые муки и смерть. Об этой выдаче не писали, по-моему, нигде. После этого выдавали только по одиночке, в английской зоне, хотя обо всем мы знать не могли.

Я решил поехать в Гамбург, но как? Поезда не ходили, англичанам, видно, они были не нужны; может быть считали, что с ними лишняя морока.

В начале 46 года поезда все-таки ожили. Немного выждав, к весне я отправился в Гамбург. Там вскоре нашел своих, даже будто и собранных, но под необычной вывеской. Был комитет, и назывался он: Комитет беженцев православного вероисповедания. Русскими

называться нам тогда не разрешали. Впрочем, позже тоже. (В 1950 г. НТС создавал комитет в Берлине. Сложилось так, что меня просили полететь в Берлин открыть его. Лететь не хотелось, но на короткое время я все же согласился и прожил в разваленной немецкой столице месяца три, потом меня сменил доктор Трушнович, там и погибший через несколько лет. Сняли комнату на боковой Гизелаштрассе, в стороне от Гогенцоллерндам, куда комитет перебрался позже, — это в Вильмерсдорфе, в английском секторе. На этот раз решили проявить вольность и назваться русскими, что и сделали: изготовили вывеску, на ней четко вывели: «Гамбургский комитет русских беженцев» и внизу — «Берлинское представительство». Но это сочли наверно слишком дерзким вызовом — и вывеску обрekli оставаться внутри, вывесить над входом так ее и не дали. Осталась от нее только фотография у меня, с вывеской на стене, над столом в помещении, снятая одним из фоторепортеров: на открытие приехали из газет, радио (телевидения тогда еще не было), — комитет так и остался «православных беженцев».)

«В те баснословные года» было много разных комитетов, у всех наций: итальянский, французский, бельгийский, голландский, югославский, польский, — а русского не могло быть. Мы укрывались под православие. И теперь, читая или слушая, как наши «прогрессивные» громко требуют: не вмешивайте религию в политику! Пусть то и другое само по себе! — я «усмехаюсь в ус». Эти крики для вас — средство своего утверждения, а то и заработка, — а нам, что в них? Мы ничего не «вмешивали», до того ли нам было! Нам бы лишь выжить, уцелеть, — а вы вон что. Да и в истории нашей разве не так было? На Бога надеялись, а сами,

стараясь выжить, силились не плошать. Так в те годы и мы: старались как-нибудь не сплошать, только и всего. А вы все свое: «не вмешивайте!» Но «прогрессивные» всегда по верхам глядят, глубже глянуть — для этого нужного зрения нет.

Если уж я отошел в сторону, то и задержусь немного в ней (броски эти в стороны по одной причине: сейчас «к слову пришлось», — а будет ли еще такой случай? И кто иной вряд ли напишет, — в «анналах» останется пробел). Комитеты наши православные открывались тогда, в английской зоне, с помощью епископа Нафанаила, энергичного человека, здравствующего и сейчас: больной, он настоятельствует в мюнхенском монастырьке. С его помощью многие на севере спаслись от смершевских охотников за черепами. И газетки-журнальчики наши там, ротаторные тогда, выходили под высокой рукой «братства св. Иова почаевского» (опять «вмешивали»).

Будущее оставалось непроглядным. «Православные» жили в лагерях ДиПи (некоторые и «на привате») скудно и скученно. На немцев надеяться не приходилось: к ним, в тризонию, вливались свои миллионы — из Судетов, из Польши, Венгрии, с Балкан, из Восточной Пруссии, где коммунисты оставляли не всех местных немцев. Кто мог, старался что-то делать, в том числе и епископ Нафанаил. В эмиграции он много лет прожил в Китае, в Шанхае и в других местах, хорошо говорил по-английски и с англичанами у него были отличные отношения. И не только с ними. Старания помочь людям привели его и в Рим, где, — как и с чьей помощью, не знаю, — устроилось свидание с «Чёрным папой» (главой ордена иезуитов), который прежде (не знаю, как потом, теперь), по всезнающей молве, был будто бы по значению даже

выше официального Папы Римского. Как рассказывали мне тогда, свидание прошло так: епископа со спутником (тоже русского, проживает неподалеку от нас) ввели в обширный пустой зал, где стоял большой стол и простое деревянное кресло за ним. Ждут. Распахиваются бесшумно створки высокой двери, быстро входит высокий худощавый монах. Не успели рассмотреть — он уже перед епископом и «со всех ног» опустился на колени, под благословение. Епископ на секунду даже смутился, но объяснение простое: чёрный папа — только монах, без какого-либо сана, а перед ним епископ. Беседа была долгая: нужна помощь нашим беженцам, в расселении, и кто они. Папа отнесся с полным вниманием. Ничего не обещал, но был благожелателен. И кто знает: может тот разговор и сочувствие сказались потом, когда в 1949 году открылись шлюзы, и волны ДиПи хлынули в Соединенные Штаты, в Канаду, Южную Америку, Австралию, увлекая людей на новую, человеческую жизнь...

Вернемся однако в Гамбург. Постепенно познакомился с державшимися около «православного комитета» русскими. Среди них были тогда В.Нароков (автор романа «Мнимые величины») и его сын, давно известный поэт Н.Моршен, В.Самарин, выпускавший ротаторный бюллетень «Путь». О.Анисимов, председатель Комитета, архитектор Г.Киверов, один из руководителей созданной там же художественной школы, поехавший потом проектировать и строить дворец негуса, университет и другие здания в Аддис-Абебе; другой архитектор и публицист Е.Нелединский (его многие еще помнят), он перевел на русский «Восстание масс» Ортеги и Гассета; известный поэт и критик Ю.Иваск и другие. Из несколько другой области помню семью Раров, — жена и

я больше знали тогда стариков-родителей, истых москвичей, после революции живших в Прибалтике. У них жил и, кажется, племянник, ныне известный в Нью-Йорке священник К. Фотиев (свет в самом деле не очень велик).

Все мы приходили (некоторые там работали и жили) на известный не только русскому Гамбургу «Миттельвег 113», в большую виллу, реквизированную у исчезнувшего в конце войны нациста,— в ней ютилась с детьми и его жена. В эту виллу, словно угадывая близкое будущее, поселялись еще в конце 44 года спасавшиеся наши беженцы, весной 45 года прибавились бежавшие из Берлина,— в вилле получилось подобие малого лагеря. Англичане, придя в Гамбург, на удивление вняли просьбам и оставили виллу, как была. Внизу небольшой зал для собраний, вечеров с докладами, помещение художественной школы, комната Комитета, была и библиотека; на самом верху, на третьем этаже, в комнате 29, была редакция «Пути». Собирались, обсуждали происходящее, спорили,— тогда всё это проходило живее, горячее, и не потому только, что мы были моложе: тогда еще жила надежда, что на Западе увидят, перед чем очутились, и может еще создаться поле реальной деятельности для реальных всех спасающих дел.

Познакомился и с полунемецкой семьей: муж петербургский немец, ветры революции угнали его в Китай,— там женился на русской эмигрантке, писаной красавице из Сибири. Перед войной переехали в Германию. В Гамбурге работал теперь в «Ди Цайт», тогда еще добропорядочной, в меру консервативной, не склонной ни к бульвару, ни к крикливой и подлаживающейся к массе левизне («Ди Цайт» стала портиться к началу 50-х годов, когда в ней мало осталось.

из ее первооснователей). Основала ее группа опытных немецких журналистов, выбравшаяся из Берлина накануне капитуляции. Гамбург был забит беженцами, пришлось остановиться в знакомой мне семье,— сибирячка потом показывала, как приехавшие спали у них в гостиной на полу.

Муж ее позже перевел для «Ди Цайт» несколько моих очерков, но хотя мы, как говорится, перебивались с хлеба на квас, живя «на птичьем положении», всё равно было «не с руки»: платила газета порядочно, но половину гонорара надо было отдать за перевод,— оставалось совсем не жирно, вряд ли стоило стараться. Через этого же журналиста была у нас и некоторая связь с газетой.

Она понадобилась: однажды мы были крайне удивлены и возмущены. Один из редакторов газеты поместил свою статью, в которой писал, что напрасно происходящее в России считают попыткой построить социализм-коммунизм по теориям Маркса: марксизмом там и не пахнет. Коммунисты, сидящие в Кремле, продолжают извечную политику царей, и перед нами натиск всё того же русского империализма, давно знакомого Европе. А их внутренняя политика обусловлена тяжелым наследием поведения таких деспотов, как Иван Грозный (немцы называют его «страшным»: «Иван дер шреклихе») и сумасбродного царя Петра,— словом, весь тот стандартный антирусский набор, который так часто приходится встречать, и не только в западной печати. Но тогда он был нам внове, мы, еще не остывшие от войны, впервые встретились в свободной, демократической печати с таким толкованием комдиктатуры, от которой столько перенесли. Среди нас преобладали «новые эмигранты», как называли тогда эмиграцию военных лет. Но

взволновались и из первой эмиграции: во время войны эти песни на Западе перестали звучать, а грубая, беспардонная нацистская пропаганда распознавалась легко, и внимания на нее обращали мало.

Статья была написана с большим напором, с ясными, точными формулировками: автор постарался придать ей особую убедительность.

Обсудив ее, решили, что без ответа такое оставлять нельзя. Е. Нелединский набросал ответ, — знакомый работник «Ди Цайт» предложил вместо этого встретиться с автором статьи и устроил Нелединскому свидание с ним. Вернулся он смущенным. «Я ничего не мог ему сказать, — говорил наш посол. — Он сразу огорошил меня тем, что ничего не выдумал сам, а только добросовестно изложил то, что написал наш русский философ Бердяев вот в этой книге» — и показал книгу на немецком языке, вышедшую на русском спустя еще лет восемь («Истоки и смысл русского коммунизма», ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1955). Оказывается, Бердяев (наверно не без умысла скрыв от русского читателя) адресовал ее прежде всего западному читателю, и она вышла в 30-х годах на разных языках, — как раз незадолго перед войной, как бы в виде напутствия, поощряя нацистов на поход против нас. Этим напутствием она остается до сих пор: тьма западных «советологов» слепо верит Бердяеву, и прямой вред, принесенный этим его «трудом», неизмерим.

Возмущение наше Бердяевым было велико. Оно было не только головным и не только от сердца: возмущалась, кажется, каждая клетка в нас. Мы ощущали так, словно были оболганы, оплеваны, — нас мерзко предали, и кто же?

Чушь, если говорят, что мы не могли перенести

правду о нас и нашем прошлом: мы неопровержимо знали, что эта была ложь, а не правда. И ложь высокомерная, выраженная к тому же с такой безапелляционностью, как будто автору ее открыта последняя, абсолютная истина. Может быть, это задевало больше всего: автор не высказывал свое мнение, которое можно было бы обсуждать, спорить с ним, соглашаться частично или не соглашаться: он выносил окончательный приговор (что отличает все писания Бердяева), который ни обсуждению, ни обжалованию не подлежит.

Своей безапелляционностью он вызвал у меня подозрение, что этот будто бы рыцарь без страха и упрека, бескомпромиссный «борец за свободу», в действительности был глубоко безответственным человеком, близким родственником большевиков.

Георгий Адамович не раз говорил, кажется, и писал об этом, что всегда удивлялся безграничной уверенности Бердяева в своих всеведении и правоте. Как-то, рассказывал Адамович, Бердяев говорил в Кламаре о «замысле Бога о человеке», как всегда с категоричностью и уверенностью, — «я потом робко усомнился, можно ли знать замыслы Господа Бога, и откуда может быть известно Бердяеву об этом», — Бердяев только чуть покосился на спрашивающего и не удостоил ответом. Он видимо был уверен, что ему известна и эта истина, — а этот непосвященный чужак позволяет себе сомневаться!

Читая потом Бердяева, я подметил одно его пристрастие: любовь к слову «профетизм» и производным от него. В разных местах Бердяев заменял им русское «пророчество», «пророческий», — у нас и для нас слова эти звучат слишком резко, определенно — и высоко, — замена «профетизмом» смягчает резкость, затушевывает определенность и снижает слово, позволяя

более прикрито пользоваться заключенным в нем смыслом. И невольно подумалось, что автору этой манипуляции очевидно хотелось походить на пророка, хотелось, чтобы его считали им,— русский язык в данном случае не совсем годился, он слишком подчеркивал это не очень скромное желание. Гордыни автор сей был, видимо, непомерной,— откуда, может быть, и христианство его было сбивчивым, неясным, наверно отягощенным типичным бердяевским сомнением.

Об «Истоках» не мы одни, тогда в Гамбурге, были отрицательного мнения. Покойный В. Варшавский, которого никто не мог заподозрить в недостатке толерантности и преданности либерализму, оставшийся до конца верным поклонником Бердяева, в статье «Родословная большевизма» («Новый журнал» №128, 1977), писал (тоже, пожалуй, не совсем без робости), что не может принять некоторые его утверждения в «Истоках», неверные и опасные. Среди них: «Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет». «Русская революция порождена своеобразием русского исторического процесса и единственностью русской интеллигенции. Нигде больше такой революции не будет. Коммунизм на Западе есть другого рода явление». (В самом деле: какой клад, эти мысли, для того же «еврокоммунизма»! Какая ему поддержка от философа по крайней мере с европейским именем!). «Все это Бердяев,— пишет Варшавский,— утверждает как неопровержимые истины, не приводя никаких доказательств». Доказательства и не нужны тем, кто охотно готов принять утверждения Бердяева на веру,— чего мы ни тогда, ни теперь, понятно, делать не имеем ни малейшего права...

Из гамбургских впечатлений об этом эпизоде помнится еще одно, его надо привести уже ради памяти того, кто говорил так,— он погиб через несколько лет. Это был человек незаурядной судьбы, хотя среди нас это никак не редкость. Во время гражданской войны родители его погибли, и он влился в необозримую тогда армию беспризорников. Исколесил всю Россию, был не раз и в «Ташкенте городе хлебном», попадал в детские дома и колонии, бежал из них, снова колесил по стране. Очень цельный и сильный, удивительно чистый и честный, он сумел не утонуть и не разложиться в море растленного беспризорничества: научился читать и писать, пристрастился к чтению, выучился слесарному делу, прошел и какое-то ремесленное училище и несмотря на все тягости, сделал себя «интеллигентным рабочим», каких прежде не так уж мало встречалось на Руси. В войну в первые же недели попал в плен, в большом окружении в Белоруссии. У немцев, чтобы не пропасть в плену и не бездельничать, устроился в прифронтовую автомастерскую, потом перешел в РОА. Антикоммунистом он был без малейших сомнений. После войны, уже у англичан, опять устроился в их автомастерскую: он органически не умел оставаться без дела.

Я жил недалеко, Олехновичу,— фамилия нашего друга, скорее всего «благоприобретенная», как часто встречалось в плену,— ехать на подzemке. До первой станции мы шли с ним с Миттельвега вместе. Я спросил его как-то, что он думает о книге Бердяева.

— Блажит барин,— нехотя сказал Олехнович. — Да ладно бы, студентом блажил, марксизмом увлекся, как говорится, молодо-зелено. Но как же не хотелось ему наверно в этой ошибке признаваться! Он и потом свое увлечение защищал. Марксизм, дескать, дело серьезное,

ученое, а у Ленина какой же марксизм? Разбой русский, а не марксизм. А его уже в 20-е годы выслали, он сам видел, как в первые годы носились с Марксом, каким богом хотели его тогда сделать для нас. Церкви закрывали, священников убивали,— а бюсты Маркса всюду совали, десятками, на все площади, в скверы и парки,— хорошо помню, белые, из гипса, везде они глаза мозолили. Большевики на каждом перекрестке, в каждой речи на митингах Марксом клялись,— как же он мог этого не замечать? Или, может, не верно клялись, не так, как Бердяев бы верно счел? И твердит, что Маркс ни при чем,— видно, сам Бердяев больше виноват, если так хотел выгородить Маркса. Недаром он от социализма так и не отошел: молодая любовь, видно, сильнее убеждений оказалась. Нет, чистая блажь...

Незамысловатое «блажит барин» запомнилось, как-то подкрепляя мое убеждение в великом самомнении, гордыне и безответственности Бердяева.

Олехнович погиб в 50-х годах в Советском Союзе, посланный туда на подпольную работу. Говорили, что при аресте он успел раскусить ампулку с цианистым калием, зашитую в уголок воротника рубашки,— но кто мог это точно знать! «Туда» шли добровольно (хотя, конечно, ему довольно было лишь намекнуть, он не смог бы отказаться). Отправляли и других — и все погибли, почти сразу после появления там. Это подсказывало мысль, что где-то сидит агент, предатель, на этой стороне, но установить наверняка было невозможно. А любые разговоры оставались досужими. У Олехновича в Гамбурге осталась жена,— он женился года за три до отправки, было, помнится, и двое ребят,— надо надеяться, что в НТС все же не забывали о них, в своих революционных заботах и суете. Революция и все, связанное с ней, как мы знаем теперь безошибочно

(ошибаться, допускаю, можно было еще в прошлом веке) — всегда и кровь, и грязь. Мир душе нашего гамбургского друга, положившего живот свой за други своя, за всех нас...

Самый горячий отрицатель бердяевских идей о революции и России встретился позже, в 50-е годы, во Франкфурте, потом в Мюнхене, бывали мы у него много раз и у подножья Баварских Альп, в Обераммергау, где он преподавал в американской школе. Николай Иванович Осипов (фамилия тоже «благоприобретенная») окончил исторический факультет Московского университета в 1918 году и был оставлен для подготовки к занятию профессорской должности. Университет еще старался сохранять автономию, а у коммунистов еще не было сил, чтобы полностью взять его в свои руки. Но Николай Иванович удержался недолго: он яро выступал против большевиков, с начала ленинского переворота, и ему еще до конца 18 года пришлось бежать из Москвы и скрываться в провинции, так что судьба его оказалась совсем исковерканной, как, впрочем, и у миллионов других под ленинской властью.

Он тоже годами скитался по стране, держась подальше от больших городов. Работал где придется. Несколько лет продержался в кооперации, пока, при НЭПе, она оставалась свободной, где-то был счетоводом, работал учителем. Он был настоящим и законченным внутренним эмигрантом, антикоммунистом тоже непреклонным. Я иногда горько шутил, говоря, что таким он, наверно, стал после одного особенно тяжкого для него испытания: какой-то наробраз послал его однажды в некий техникум преподавать — диамат! Предмет он знал, отказаться было нельзя, — но каково ему было год или два твердить догмы о переходе количества в качество, единстве противоположностей и о

прочей дребедени, вывороченной Марксом наизнанку из гегелевской диалектики!

Осипов хорошо писал, были у него и знания, он был отличным публицистом и блестящим полемистом, сражаясь, главным образом, с меньшевиками, остатки которых еще жили в Нью-Йорке и выпускали журнал «Социалистический вестник». Большевики ценили его полемический талант, как я слышал от некоторых из них.

Острое несогласие его вызвала книга «Русская идея» Бердяева («Истоки и смысл русского коммунизма» Осипов читал позже и находил, что она мало что добавляет к «Русской идее»). Один из главных ее тезисов о «детерминированности «русского коммунизма» русской историей» Осипов категорически отрицал, считая его целиком выдуманым, и крайне неудачно.

Он говорил, что наше несчастье — в явлении, ростки которого возникли еще в 18 веке, в идеях и вере века Просвещения, — дорогих, святых идеях, при большевизме совсем выродившихся в плоское просвещение, в конечном счете ничего не дающее ни уму, ни сердцу. Тогда, и особенно в прошлом веке, появилось среди наших «просвещенцев» как бы подсознательное отрицание нашего прошлого, которого они, впрочем, хорошо не знали и не находили нужным знать. Наш жизненный уклад, быт, историю они не столько даже отрицали, сколько как бы не хотели признавать, считать естественными и приемлемыми и, во всяком случае, находили необходимым подвергнуть переделке, коренной — и, понятно, на западный манер. Они не были полными отрицателями России, подчас оставались и русскими патриотами, но ценить свое попросту не могли. Глубоко в подсознании у них засело, что «там», во Франции, или Англии или в кантоне Ири жизнь может

быть замечательной,— а у нас при всех условиях нет, такой быть не может. И эта глубокая основа, дьявол ее даже знает, как въевшаяся, укрепившаяся заставляет их жестоко критиковать-отрицать свое, а чужое если и не хвалить, то оправдывать. Нет, у «них» такого коммунизма быть не может, это только у нас. Большое несчастье в том и состоит, что созданся такой образ — и не всегда мыслей, а лишь настроений, смутных влечений,— и выйти из этого заколдованного круга носителям этих влечений оказалось невозможным.

Они создали у нашей революционной интеллигенции и убеждение, что главное зло — в монархии, и что стоит лишь совершить революцию, убрать царя, как настанет всеобщее счастье. Как, почему — об этом не задумывались, но что счастье придет, казалось неоспоримым и неизбежным. А когда революция случилась, и первые ее плоды у отвлеченных фантазеров отобрал более трезвый и жестокий из них, стали твердить, что революция была неизбежной, потому что народ у нас такой и этакий, и иначе с ним быть не могло. Тут все неверно, вывернуто наизнанку, поставлено вверх тормашками, да ведь носителям былого убеждения в спасительности революции нужна не правда, а хоть какое-нибудь оправдание их заблуждений. Бердяев, кстати, в этих книгах революцию не осудил и не отринул.

Как-то я рассказал ему об Олехновиче и его «блажит барин». Осипов посмеялся и сказал:

— Наше барство — красочное и замечательное явление. Сколько оно дало России блестящих деятелей на самых разных поприщах, людей с большим умом, большой культурой и с широким сердцем,— широких натур нам ведь не занимать стать. Но была у барства и другая сторона медали: оно дало и несчетно самодуров,

тоже широкой, к несчастью, природы, хотя, конечно, они в любой стране найдутся. Блажь, да, она может разыграть, да еще так, что залюбуешься подчас, в особенности, если человек с большим талантом и умственным шармом, чего у Бердяева не отнимешь, почему он и стал такой заметной фигурой среди наших мыслящих левых интеллигентов... Продолжая разговор на эту тему, мы согласно шутили, что Бердяев все-таки напрасно изменил семейной традиции и не пошел по военной линии: он и в писаниях своих действовал часто как лихой гусар, разя наотмашь настоящих, а подвернутся, так и мнимых врагов и в схватках совсем не затруднялся поисками безусловно верной или неверной стороны.

Потому и в книгах его о России и революции столько неверных и шатких построений, лихих гусарских наскоков, не выдерживающих критики...

Стоит заметить, что если большая известность и слава Бердяева особенно прозвучали во Франции, то там они раньше стали и гаснуть. Послевоенные французские ученые называют иногда Бердяева «антиисториком»: они убедились в легком обращении Бердяева с историческими фактами, в том, что он без труда и проверки выхватывал из истории (и не только русской) отдельные факты, явления, сходящиеся с его мыслями, нужные ему для произвольных построений, отражавших его строй мыслей, а вовсе не реальное развитие событий. Историки, не верящие «бердяевско-кюстиновским» взглядам на Россию, стараются рассматривать наше прошлое трезво, беспристрастно (сошлюсь, например, на статью «Судьба славян» французского профессора истории Жана Бэсс, в «Русской мысли» №3311, написанную для этой газеты). Но до западных политических деятелей и советников эти здоровые

взгляды, конечно, не скоро дойдут, и они, как правило, предпочитают идти по бердяевско-кюстиновским тропкам...

В 1958 году Н.И.Осипов выпустил в Мюнхене брошюру «Клевета друзей», с критикой многих высказываний Бердяева в книгах «Русская идея» и «Истоки и смысл русского коммунизма». Брошюра осталась малозамеченной: тогда, 22 года назад, через десять лет после смерти Бердяева, его авторитет еще несколько не был поколеблен, а брошюру могли счесть «ненаучной»: это была публицистическая работа. Что не уменьшало ее ценности: в ней приведено много обоснованных суждений, опровергающих сомнительные домыслы о России. В 1968 году в Нью-Йорке вышла книга Н.Полторацкого «Бердяев и Россия», с критикой взглядов Бердяева в тех же его книгах. Еще раньше частично эта критика была изложена в статье Н.Полторацкого «Русская идея Н.А.Бердяева», в альманахе «Мосты» (№7, 1961, Мюнхен). Автор ее писал, в частности, что в «Русской идее» — «сказались и свойственные Бердяеву недостатки: субъективизм и шаткость общей концепции, диалектическая двойственность, парадоксальность и противоречивость», как и «неясность и непостоянство терминологии... — Бердяев говорит то о русской идее, то о русской мысли, то о русской теме...» и т.д.

Этим работам суждено будет лечь в основу твердой и недвусмысленной оценке-отвержению концепций Бердяева о революции, России и ее народе, составляющих содержание «Русской идеи» и «Истоков и смысла русского коммунизма», продолжающего соблазнять не только иностранных русофобов.

Летом 1960 года, в Париже, наш друг К.Д.Померан-

цев, сотрудник альманаха «Мосты», который я тогда редактировал, возил меня в Кламар, как бы на поклонение «духу Бердяева», в домик, где он жил. К.Померанцев бывал там не раз при жизни Бердяева и хорошо его помнил,— на меня «поклонение» впечатления не произвело: слишком памятен был шок первой встречи с работой Бердяева в Гамбурге, о чем сказано выше. Из-за этого ничего похожего на поклонное чувство у меня возникнуть не могло.

В домике познакомился я со свояченицей Бердяева Е.Ю.Рапп (у Бердяева, в самом деле, многое было погусарски, кувырком,— или в стиле раннесредневековых сумасшедших «завихрений»: по рассказам знающих людей, Е.Ю.Рапп была невестой Бердяева,— неожиданно для всех женился он ненаней, а на ее сестре. Е.Ю. осталась верной помолвке, замуж не вышла и всю жизнь провела рядом с «изменщиком», будучи у него как бы «ученым секретарем», верным истинно «до гроба». Она умерла осенью того же года), человеком удивительным, глубоким духовно и христиански располагающим к себе (К.Померанцев после ее смерти написал о ней, в статье о Бердяеве, в «Мостах» №7). Таких людей в России никогда больше не будет: и сам Бердяев, и его свояченица были воспитаны духом особой усадебной дворянской культуры, кончавшейся еще задолго до революции,— средой того русского барства, о которой с таким чувством говорил Н.И.Осипов. Е.Ю.Рапп передала мне часть собранных ею заметок Бердяева из его записных книжек; другую часть прислала позже,— они опубликованы в 5 и 7 книгах «Мостов».

А ревизовать бердяевские и прочие левоинтеллигентские взгляды на Россию не миновать. На Западных политиков наша ревизия не подействует, да и побудительные причины их действий лежат не в

подобных или противоположных взглядах,— как я заметил выше, взгляды эти соблазняют не только западных людей. Так, недавно переслали мне письмо из Москвы, людей думающих и хорошо знающих эмигрантскую литературу «бердяевских лет»— 20-х, 30-х годов,— письмо пронизано такими же мнениями и настроениями, для авторов письма, вероятно, убедительными, хотя веские возражения на них очевидны.

Об этом письме — в другой раз.

Г.АНДРЕЕВ

« РУССКАЯ МЫСЛЬ » — « La Pensée Russe »

Почетный директор Зинаида Шаховская.

Самая большая русская еженедельная газета на Западе. Выходит в Париже каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ :

217, rue du Faubourg St. Honoré, 75008 Paris.

☎ 924-94-47; 766-21-83; 227-05-79.

Условия подписки (во франц. франках) :

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
Франция	40	75	135
Прочие страны	47	84	150

Почт. счет : С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

КАК ЭТО БЫЛО

В страшных казематах Шлиссельбурга

Разыскивая нужный документ в ворохах старых бумаг (в таких случаях говорят — в моём архиве), я наткнулся на давнюю выписку из одной книги. Я давно забыл о ней,— теперь, пробежав глазами, подумал, что её очень даже стоит предать гласности, тем более, что книга, откуда сделаны выписки, могла остаться разве лишь на самых дальних полках библиотек, куда никто никогда не заглядывает.

Итак: выписки из книги воспоминаний известного русского социалиста-революционера террориста Григория Гершуни. Называется «Из недавнего прошлого», была издана ЦК партии эсэров в Париже в 1908 году.

Страница 211: «Приближалось Рождество. Обыкновенно в первый день устраивали праздничный обед: по кусочку утки или гуся и кое-каких сладостей: несколько апельсинов, яблок, четверть фунта винограда». (По обеду и сладостям определяли, как относится к ним правительство).

Стр. 212: «Первый день Рождества. Гусь, каша, пирог,— как будто ничего дела, довольно жирные. Но вот судок со сладостями. Дрожащей рукой поднимаешь крышку — и весь холодеешь: один апельсин, одно яблоко, виноград жалкий, шоколаду совсем нет! С тоской перебираешь маленький мандарин, засохшее яблоко и в них видишь символ поражения народа и победы самодержавия».

Стр. 213: «Но вот назавтра к обеду вахмистр подаёт два громадных апельсина! Кто-то стучит: получил

апельсины? Значит, не так уж плохо. На третий день та же история: два большущих апельсина, да ещё коврижки какие-то!»

А если без любых символов, спросить нашего брата, любого из миллионов сидевших в советских тюрьмах, лагерях и прочих узилищах: снилось ли кому из вас там, чтобы на обед вам преподнесли — гуся с кашей! И ещё яблоки, виноград, апельсины,— нет, конечно, такое могло быть только при «кровавом царизме», беспощадно тиранившем «борцов за свободу». А при коммунистической свободе — и на «воле», разве видел ередний советский человек гусей и уток жареных на своём столе? Апельсины? Помните, у Дудинцева в романе «Не хлебом единым», как дети счастливых советских граждан подбирают на дороге за «номенклатурным» апельсинувую кожуру и несказанно радуются ей, как редкому заморскому лакомству. А тут кормят апельсинами будто бы невыносимо страдающих узников, борцов за свободу и счастье! Но вернёмся к выпискам:

Стр. 210. «Мы не чувствовали никаких лишений. У нас были камеры, недурной стол, книги» (в это время у каждого было даже по две камеры: одна спальня, другая рабочая).

Стр. 168: «Я уже отмечал, как мелочи, незаметные «на воле», могут служить источником больших радостей... Возьмем, казалось бы, такие пустяки. Пища в последнее время была в Шлиссельбурге сносная, но в «сараях» её подавали в грязных, вонючих судках. Ножа и вилки нет. Мясо, варёное и жареное — приходилось терзать руками... И вдруг в новой тюрьме (тоже в Шлиссельбурге) вы узнаете: добились разрешения на день иметь столовый нож. Что сравнится с тем блаженством, которое вы испытываете, когда кладёте

мясо на тарелку и не разрываете уже руками, а разрезаете ножом! И для чая вы уже имеете стакан! И размешивать чай вы уже можете не сорванной с дерева веткой, а ложечкой».

В самом деле, как мучились узники кровавого царизма. У нас, советских, было проще: нам нечего было резать, — кто же давал нам куски мяса, вареного и жареного? И как бы мы управлялись с тарелками на нарах, на собственных коленях? И размешивать в кружке чаще всего было нечего. Так что нам было несравнимо легче, тех мучений мы не знали.

При отправке из Шлиссельбурга, при его ликвидации, автор отмечает кратко: «Жандармы вынесли вещи...» (стр.225) — те самые свирепые жандармы, выступающие в роли лакеев у господ террористов. Они вообще, пишет автор, относились к сидевшим очень неплохо. Жандармы эти, обычно из крестьян, из отбывших службу солдат, скорее всего обходились без ножей и вилок.

Стр. 193: Заключительные слова прощального обращения к выходящим из Шлиссельбурга Морозову и другим: «Привет всем. Да не будет камень, который вы увозите от нас родным на память о Шлиссельбурге, последним, да разберёт народ оставшиеся камни — их много — на память себе о том, что было некогда и чему повториться он больше не даст».

Народ тут не при чём, его дело маленькое, ему борцы за свободу, революционеры, захватив власть, уготовали участь безмолвную и рабски-подчинённую. И прежде, верно, не повторилось: друзья и братья террориста Гершуни, другие революционеры, завели такие тюрьмы, лагеря и другие узилища, что Шлиссельбург конца XIX и начала XX века со всем основанием надо отнести к курортам. Нет, мы у бывших «борцов за свободу» сидели

не на курортах, а в заведениях для массового устрашения и истребления людей, с какими ни один Шлиссельбург даже и XVIII века сравниться не может.

В детстве и отрочестве коммунисты неустанно долбили нам, какие страшные были тюрьмы и каторги в царское время и как они тогда страдали в них. Такое же они долбили — и долбят до сих пор, — за границей, ловя в сети своей тотальной лжи не только простаков. Поддаются их лжи и искушённые политики, традиционно убеждённые в реакционности дореволюционной России и в том, что даже свирепо-диктаторский режим Ленина и его наследников был счастьем для нас, — только мы, видно, не умеем понимать и ценить это счастье.

Г. А.

ПАМЯТИ Ю.Т.МАШКОВА

Кончина его — общее наше несчастье, большая потеря российской эмиграции.

Юрий Тимофеевич Машков родился 16 июня 1937 года в селе Раменском, Московской области. Отец, кузнец по профессии, пропал без вести на фронте. В 1952 году Машков поступил в Московское Высшее Художественно-промышленное училище (бывш. Строгановское). Поняв сущность коммунистического режима, в 1957 году он сжег свой комсомольский билет и ушёл из училища. В том же году поступил на юридический факультет Московского университета. В марте 1958 года был из университета исключен, а в ноябре арестован. Получил семь лет концлагерей.

По отбытии срока решил уходить за границу вместе с женой (позже с нею разошелся). Первая попытка кончилась неудачей, а вторая (переходил границу Финляндии) — арестом. На этот раз он получил десять лет.

В концлагере окончательно оформилось мировоззрение, он стал верующим человеком. После освобождения решил любым путём вырваться за границу, и в 1977 году вырвался в числе немногих русских.

На родине осталась мать его. Пусть она примет глубокое сочувствие в тяжком горе ее.

Девять месяцев прожил в Италии, затем переселился в США. Здесь русские эмигранты помогли обосноваться в одном из городов Новой Англии, устроили на работу. Женился на хорошей русской девушке. Работал на заводе, на работе не легкой, но никогда не жаловался. Свободное от работы время отдавал общественной нашей работе. Еще в Италии прочитал серию докладов о положении на родине, о возрождении веры. В США выступил на Втором съезде русской православной общественности — в 1978 году. Горячие речи произнес на Манифестациях российской эмиграции у Статуи Свободы — в 1977 и 1980 годах.

Убежденный антикоммунист, русский националист, гордился Юрий Машков прошлым России, мечтал об ее возрождении, свободной и великой, делу ее освобождения отдавал свои силы.

И вот оборвалась жизнь. Рак, бич нашего времени, скосил на 43-ем году жизни. Умер 15 августа 1980 года.

Похоронен на чужой земле, но вечная душа его да будет с вечной Россией.

Владимир Самарин

В Западной Германии издана замечательная и единственная в своем роде книга «Художник и Россия». В книге опубликованы доставленные на Запад отзывы многих тысяч посетителей двух выставок известного художника Ильи Глазунова в Москве, в июне 1978 г. и в Ленинграде, в октябре 1979 г. Содержащиеся в книге более 3000 отзывов можно без преувеличения назвать зеркалом широкого общественного мнения сегодняшней России. Посетители выставок не ограничились высказыванием мнений о живописи: в отзывах отразились и мысли по общественно-политическим вопросам, свободное обсуждение которых нам строго запрещено.

Книга представляет собой уникальный документ, свидетельствующий о бурном возрождении русского национального самосознания.

Стоит дополнить: в вводных статьях содержатся ценные подлинные высказывания самого художника о его взглядах на искусство.

Книга «Художник и Россия» издана форматами 22х32 см., в твердом переплете. В ней 20 иллюстраций, в том числе цветные репродукции картин И.Глазунова, часть которых публикуется впервые («Возвращение блудного сына», «Мистерия XX века» и «За ваше здоровье»).

Стоимость книги \$30.00. С приложением репродукции картины «Возвращение блудного сына» большого размера (48х70 см.) — \$35.00. Пересылка за счет заказчика. Заказы на книгу направлять по адресу:

ROSSIA - BUCH

Postfach 413

6540 Simmern

West Germany

ВРЕМЕНА И ПРАВЫ

Обозреватель ПЕРИОДИКИ в парижской газете «Русская мысль» (№3322), в отзыве на №17 «Голоса Зарубежья» написал, что В.А.Пирожкова в статье о книге Б.Прянишникова «Незримая паутина» —«довольно остро критикует Г.Андреева» за высказывания в статье в журнале «Русское возрождение» №7-8. Обозревателю, понятно, не приходится разбираться в написанном досконально, а если бы, случаем, пришлось, он вероятно к удивлению своему установил, что г-жа критик критиковала меня за написанное ею самой.

В статье, указанной Обозревателем, в частности сказано: «Написав эти, по нашему мнению правильные слова, Г.Андреев затем отрицает возможность советской провокации в наше время... Эмиграция играет слишком малую роль, пишет Г.Андреев, времена не те, отдельные террористические акты советской власти не страшны» и т.д. Впору было ущипнуть себя, когда я это читал: ничего похожего я не писал, ни в данной статье и никогда вообще за 34 года, что пишу в эмиграции. Всё это написано за меня,— критик критикует то, что он сам написал, а не я. Я, напротив, писал в той же статье: «„Органы“, понятно, как тогда, так и теперь проводили и проводят новые провокации, для того они и существуют свыше 60 лет». Новые, подчеркну, а не старые, задерживая внимание на которых вы отвлекаете его на ложные пути,— это я писал. Где тут «эмиграция играет слишком малую роль»? Я никогда не преувеличивал значение эмиграции,— и не умалял его. А «отдельные террористические акты сов. власти больше не страшны» — что за чушь? Хорошо знаю, что «советская власть» любой тени опасности боится и что только за мнимую «подготовку к теракту» были расстреляны тысячи и тысячи,— как бы я мог написать приписанное мне?

А зачем приписано, честно говорю, не знаю. Могу только вздохнуть: каковы времена, таковы и нравы.

Г.Андреев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Е. Андреев.</i> Россия и Европа	5
<i>Л. Тимофеев.</i> Технология чёрного рынка	14
<i>В. Н. Тростников.</i> О духовном делании	44
<i>М. А. Серебряков.</i> Церковь и государство	64
<i>С. Левицкий.</i> Миссионизм, не мессианизм!	77
<i>В. И. Алексеев и Ф. Ставру.</i> Русская православная церковь на оккупированной немцами территории	91
<i>Феофан-Затворник.</i> О духовной жизни и как к ней перейти?	119
<i>Р. Плетнев.</i> О причинах упадка веры у некоторых христиан	123
<i>В. З. Сорокин.</i> Взорванный храм Христа Спасителя — незаживающая рана	130
Альманах женщинам о женщинах	139
<i>М. Холодная.</i> Четвёртый съезд православной русской общественности	146
<i>Г. Андреев.</i> В следы прошлого	151
<i>Г. А.</i> Как это было	169
<i>В. Самарин.</i> Памяти Ю. Т. Машкова	172
<i>Г. Андреев.</i> Времена и нравы	175

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Подписка на 4 номера	США, Канада Австралия	Другие страны
Рассылка журнала :	из Нью-Йорка	из Парижа
I. Подписка с пересылкой обыкновенной почтой	19 ам. долл.	75 фр. фр.
II. Подписка с пересылкой воздушной почтой	29 ам. долл.	100 фр. фр.
III. Цена в розничной продаже	5 ам. долл.	25 фр. фр.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами)

« 1000 Anniversary Committee », 322 W. 108 St.,
New York, N.Y., 10025, USA

в Европе чеки посылать секретарю редакции:
Melle Nathalie Semenoff 1, rue Delaporte,
94700 Maisons-Alfort, France.

**Компьютерный набор, вёрстка и печать:
ТИПОГРАФИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»**

P.O. Box 54101, Linden Hill Sta, New York 11354, Tel. (212) 445-2836